

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

129

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

129

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

Выпуск посвящен археологическим памятникам средневекового времени на территории Восточной Европы. В него включены материалы по археологии славян и их соседей. Ряд статей посвящен крупным проблемам по истории древнерусских городов. Интересны исследования славянских керамических комплексов. Значительная группа работ освещает результаты полевых исследований. Публикуются материалы новых археологических открытий.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. И. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Круликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарeva, А. Ф. Медведев,*
Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Т. Н. НИКОЛЬСКАЯ

О ЛЕТОПИСНЫХ ГОРОДАХ В ЗЕМЛЕ ВЯТИЧЕЙ

«Развитие и углубление феодальных отношений в XI—XII вв. вызвало к жизни сложную систему организации княжеских владений в каждом русском княжестве.

Наряду с пригородными селами создается целая сеть далеко раскинутых княжеских городков, служивших опорными точками хозяйственной политики киевских, черниговских, смоленских, ростово-суздальских князей. Создавая причудливую феодальную чересполосицу, такие городки на многие сотни верст уходили от стольного города в стороны»¹.

Княжеские городки в середине XII в. были известны и в бассейне верхней Оки, в лесной Земле вятичей, на которую уже в это время простиралась властная рука черниговских князей, державших здесь своих посадников (рис. 1). Одни из этих городков представляют собой своеобразные крепости, другие вырастают в древнерусские города — центры ремесла и торговли², третьи так и остаются феодальными усадьбами и постепенно приходят в упадок.

Бурные события середины XII в. — разгоревшаяся снова феодальная война Ольговичей и Мономаховичей — втянули в круговорот истории и далекую Землю вятичей. Именно она становится основным театром военных действий двух враждующих сторон.

Следуя за Святославом Ольговичем, сначала ловко ускользавшим от черниговских Давыдовичей, а затем с помощью своего могущественного союзника Юрия Долгорукого перешедшим в наступление, мы и узнаем впервые об этих укрепленных городках в бассейне верхней Оки³.

Одним из первых укрепленных поселений, основанных черниговскими князьями в Земле вятичей, вероятно, был Карачев. Дорога туда была им хорошо известна. Недаром летописец, говоря о пути, по которому преследует Изяслав Давыдович Святослава Ольговича, замечает: «... иде ис Поутивля на Севьско и на Болдыжь. Просте бо бе ему поуть Корачеву»⁴.

¹ Б. А. Рыбаков. Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж. «По следам древних культур. Древняя Русь». М., 1953, стр. 98.

² Таким развитым ремесленным городком стал, например, Серенск. См.: Т. Н. Никольская. К истории древнерусского города Серенска. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 108—116; она же. Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников. КСИА, вып. 125, 1971.

³ В рамках статьи невозможно остановиться на всех известных по летописи древнерусских поселениях бассейна верхней Оки, поэтому здесь рассматриваются лишь некоторые из них, отражающие самый ранний этап «черниговского проникновения» в Землю вятичей (А. Н. Насонов. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 65).

⁴ ПСРЛ. т. II, стб. 335.

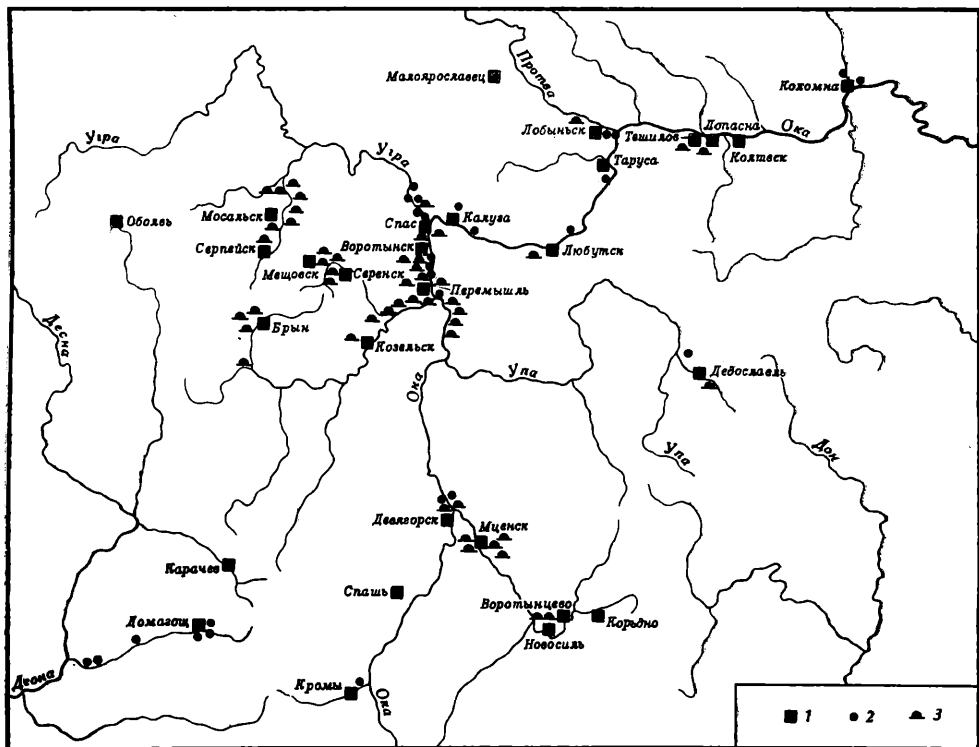

Рис. 1. Летописные поселения в Земле вятичей
1 — городища; 2 — селища; 3 — курганы

Именно за его стенами укрылся Святослав Ольгович, изгнанный своими двоюродными братьями, черниговскими Давыдовичами, из Новгорода-Северского.

Карачевское городище расположено в центральной части современного города Карачева, на правом берегу р. Снежень, возвышаясь над ее уровнем на 10 м (рис. 2, 1). Площадь древнерусского поселения составляет около 6 га. В «город» вели два въезда: один со стороны реки, в южной части, другой — с востока, со стороны древней сухопутной дороги Мценск—Карачев—Брянск. С запада и юга городище ограничено естественными склонами к р. Снежень. С севера его защищает ров (шириной 18 м и глубиной 1,5 м) и вал, сохранившийся на высоту 2,5 м. Восточный склон городища упирался в глубокий овраг, а площадка городища с этой стороны усиливалась валом, остатки которого сохранились лишь частично.

При обследовании городища в 1964—1967 гг. собраны обломки гончарных сосудов с волнистым и линейным орнаментом (XII—XIII вв.), стеклянных браслетов, а также фрагменты белоглиняных сосудов XIV—XV вв.⁵

Что собой представляло это древнерусское поселение, возникшее на территории дославянского поселка, сказать трудно. Можно предположить, что в начале XII в. один из вятичских «князьков» по имени Корач⁶ осно-

⁵ План Карачевского городища обследован и снят С. С. Ширинским.

⁶ Как утверждает В. А. Никонов, в славянской топонимике суффикс -ов (-ев) был одним из самых распространенных; он служил для выражения принадлежности в ту эпоху, когда «распространение феодальной собственности на землю стало главным признаком наименования места» (В. А. Никонов. Введение в топонимику. М., 1965, стр. 69).

вал здесь небольшую феодальную усадьбу, которую затем прибрал к своим рукам Святослав Ольгович, так же, как это сделал в свое время Юрий Долгорукий с владением боярина Кучки — «Кучковым полем». Постепенно эта феодальная усадьба разрослась в небольшой городок — Карачев.

Карачев долго был владением черниговских князей, однако патроны его менялись довольно часто. Возможно, что в 1238 г. его постигла та же участь, что и соседний Козельск, и он был сожжен войсками Батыя⁷. В «Списке русских городов» конца XIV в. Карачев упоминается в числе литовских⁸.

Другим городком, основанным черниговскими князьями примерно в то же время, был Домагощ. Поселение это было занято Святославом Ольговичем на втором этапе «войны», когда события стали развиваться для него более благоприятно: «Иде заемъ вси Вятичи и Добрянскъ и до Воробиниъ Подеснье Домагощъ и Мценскъ» (1147)⁹.

Некоторые исследователи середины XIX в., в частности М. П. Погодин, читали не «Домагощ», а «до Магощ», связывая это поселение с деревней Маговкой в Карачевском уезде Орловской губ.¹⁰ А. Н. Насонов также помещает Домагощ в 38 км южнее Карачева, в районе д. Маговки¹¹. Однако проведенное Верхнеокской экспедицией сплошное археологическое обследование Шаблыкинского района Орловской обл. показало, что в районе этой деревни древнерусских поселений нет. В то же время по берегам реки Навли и ее притокам обнаружено пять древнерусских городищ, относящихся к XII—XIII вв. Значительный интерес представляет одно из них, расположенное на правом высоком берегу Навли, у дер. Слободки, названное Большое Слободское городище, которое по всем данным представляет собой остатки летописного города Домагощ.

Городище состоит из двух частей: детинца — почти круглой в плане площадки, укрепленной кольцевым валом, и окольного города, отрезанного от детинца глубоким рвом и укрепленного с напольной стороны невысоким валом (рис. 2, 2). Склоны городища очень крутые, почти отвесные; въезд на территорию детинца был с юго-восточной стороны. В западном и восточном направлениях от детинца располагался посад, толщина культурного слоя на котором достигает 1 м. Общая площадь детинца, окольного города и посада около 40 га.

В течение шести лет на Большом Слободском городище проводились раскопки, в результате которых были вскрыты почти вся площадка детинца (более 4 тыс. кв. м.), часть окольного города и небольшие участки на территории посада¹². Исследования позволили с достаточной полнотой воссоздать картину жизни небольшого городка, хорошо укрепленного, густо застроенного жилищами ремесленников и воинов и различными хозяйственными и производственными сооружениями (сыродутный, кузнечный и медеплавильный горны и т. д.). Многочисленные предметы быта, ремесла, вооружения и украшений, найденные в постройках и культурном слое, позволяют заключить, что поселение существовало сравнительно недолго — с середины XII до середины XIII в.

Следы сильного пожара — сгоревшие постройки, обнаруженные в них скелеты людей, разнообразные предметы быта (в том числе клад сереб-

⁷ Свидетельством, или вернее, отголоском этих событий, возможно, является современное название городища у местных жителей — «Татарский вал».

⁸ «Новгородская I летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950, стр. 476.

⁹ ПСРА, т. II, стб. 342.

¹⁰ М. Погодин. Список древнерусских поселений и волостей. «Журнал Министерства внутренних дел», т. XXIII, 1848, стр. 439.

¹¹ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства, стр. 61, карта—вклейка.

¹² Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции (1960—1961 гг.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 25.

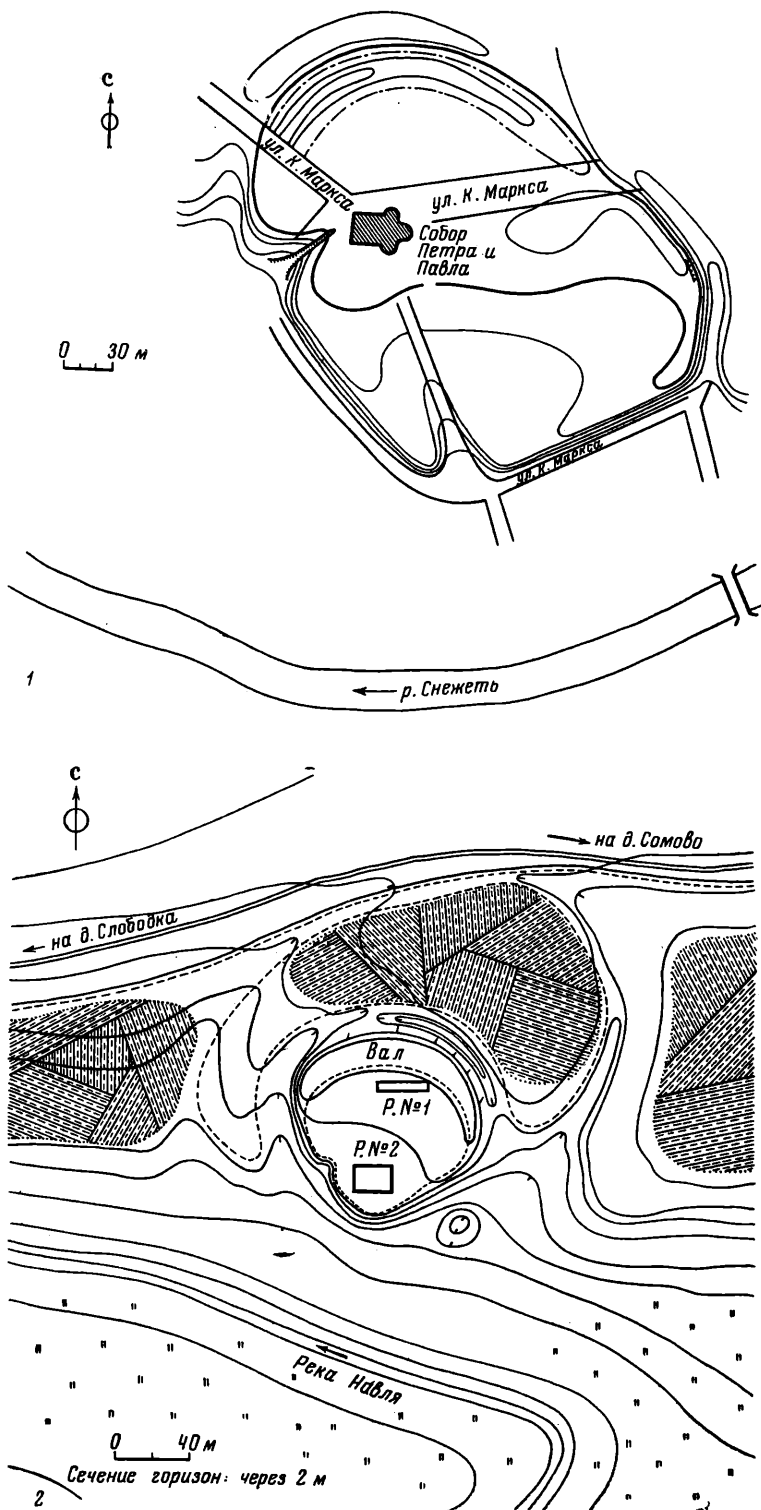

Рис. 2. Планы городищ

1 — Карачев; 2 — Слобовка Домагощ; 3 — Спасское (Спашь); 4 — Воротыиск

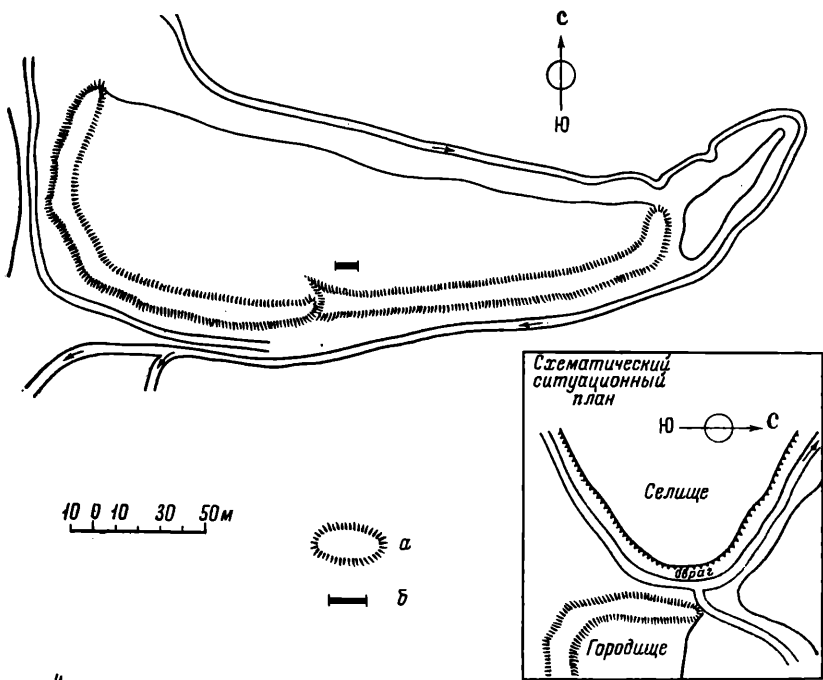
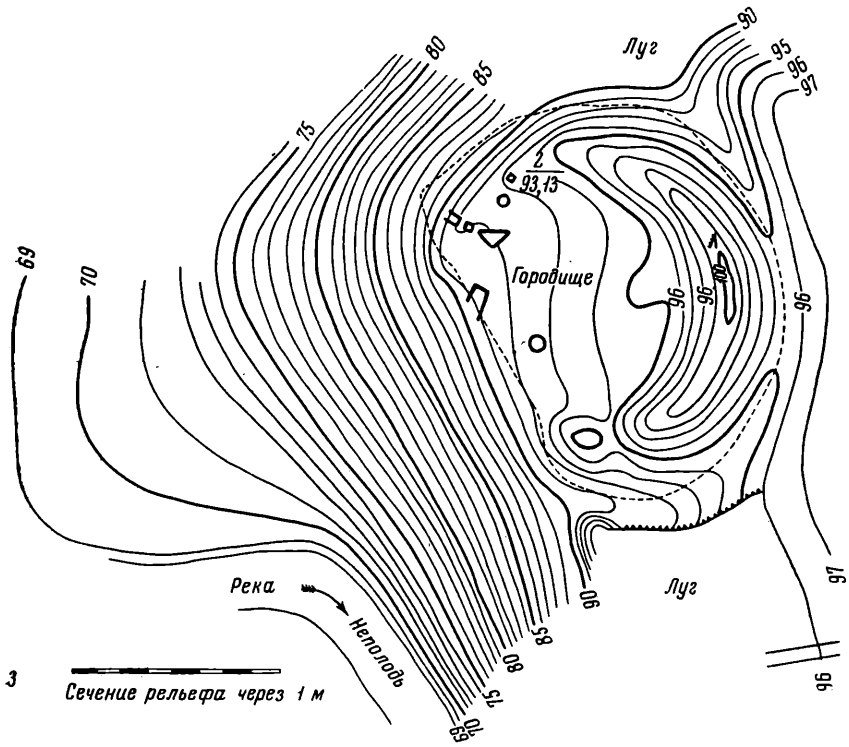

Рис. 2 (продолжение).

ряных украшений) — говорят о катастрофе, разразившейся в этом маленьком городке в середине XIII в. Очевидно, городок был уничтожен полчищами Батыя в 1238 г., и жизнь в нем больше не возобновлялась.

Раскопками детинца выявлена его четкая планировка. Внешнее кольцо обороны составляла высокая земляная насыпь. Внутри насыпи открыты деревянные укрепления, состоящие из сплошного ряда дубовых срубов, заполненных землей. В южной части детинца прослежено до четырех—восьми венцов срубов. Мощная дубовая стена, связанная с верхней частью внутренних конструкций, выходила и на поверхность вала. Отдельные участки стены соединялись башнями. Вскрыты остатки башен, защищавших детинец с южной стороны; одна из них — воротная (юго-восточная башня) фланкировала въезд в город, другая была сооружена в одном из поворотов стены над рекой Навлей. Подобные же деревянные конструкции внутри земляной насыпи вала, связанные с деревянной стеной, сооруженной на его поверхности, известны в ряде древнерусских городов¹³.

К внутреннему склону земляной насыпи в южной части детинца примыкал второй ряд дубовых срубов, также связанных между собой и служивших, очевидно, одновременно укреплениями и жилищами. Весь внутренний «двор» детинца, окруженный этим двойным кольцом укреплений, был тесно застроен отдельно стоявшими избами (наземными и полуземлянками), мастерскими ремесленников, хозяйственными постройками, погребями и т. д. В некоторых жилищах открыты остатки больших глинобитных печей, поставленных на деревянное основание; найдены также куски глиняной обмазки печей и стен.

В городке было хорошо развито кузнечное и меднолитейное дело. Вся кузнечная продукция, в том числе инструменты ювелиров, столяров и плотников, изготовлена мастерами, в совершенстве владевшими техникой металлообработки (рис. 3, 1—3, 6—18). Возможно, что предметы вооружения воинов — также работа местных кузнецов. Высокого мастерства достигли и «кузнецы меди и серебру» — их продукция богата и разнообразна. Некоторые из этих украшений (колты серебряные с чернью, браслеты, шейная гривна) были надежно спрятаны в момент опасности. Бронзовое коромысло маленьких складных весов (рис. 3, 19) и чашечки для них, найденные в одном из жилищ, принадлежали, видимо, ювелиру.

В этом поселении существовало и собственное производство поливной керамики. Несмотря на то что поливное дело развивалось здесь так же, как и в большинстве древнерусских городов, под несомненным влиянием Киева, местная сероглиняная поливная посуда обладает и некоторым своеобразием (цвет поливы, форма сосудов, орнамент и т. п.)¹⁴. Овладение искусством поливы свидетельствует о высоком уровне развития ремесла в Слободке и о существовании там квалифицированных ремесленников-гончаров.

Заслуживают упоминания также глиняная иконка с изображением Иисуса и надписью «ИСИС», изготовленная, очевидно, местным мастером (рис. 4, 1), и мраморный нательный крестик (рис. 4, 2), часто встречающийся в жилищах. Эти находки говорят о широком проникновении христианства в среду местного населения.

¹³ П. А. Раппопорт. Русское военное зодчество X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 102; он же. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. МИА, № 105, 1961, стр. 104, 106; В. В. Седов. Из полевых исследований 1961 г. К изучению оборонительных сооружений Владимира. КСИА, вып. 96, 1963, стр. 37.

¹⁴ Как показал петрографический анализ глин слободской керамики, для поливной посуды употреблялась та же глина, что и для обычной гончарной (Т. И. Макарова. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. САИ, вып. Е1-38, 1967, стр. 50).

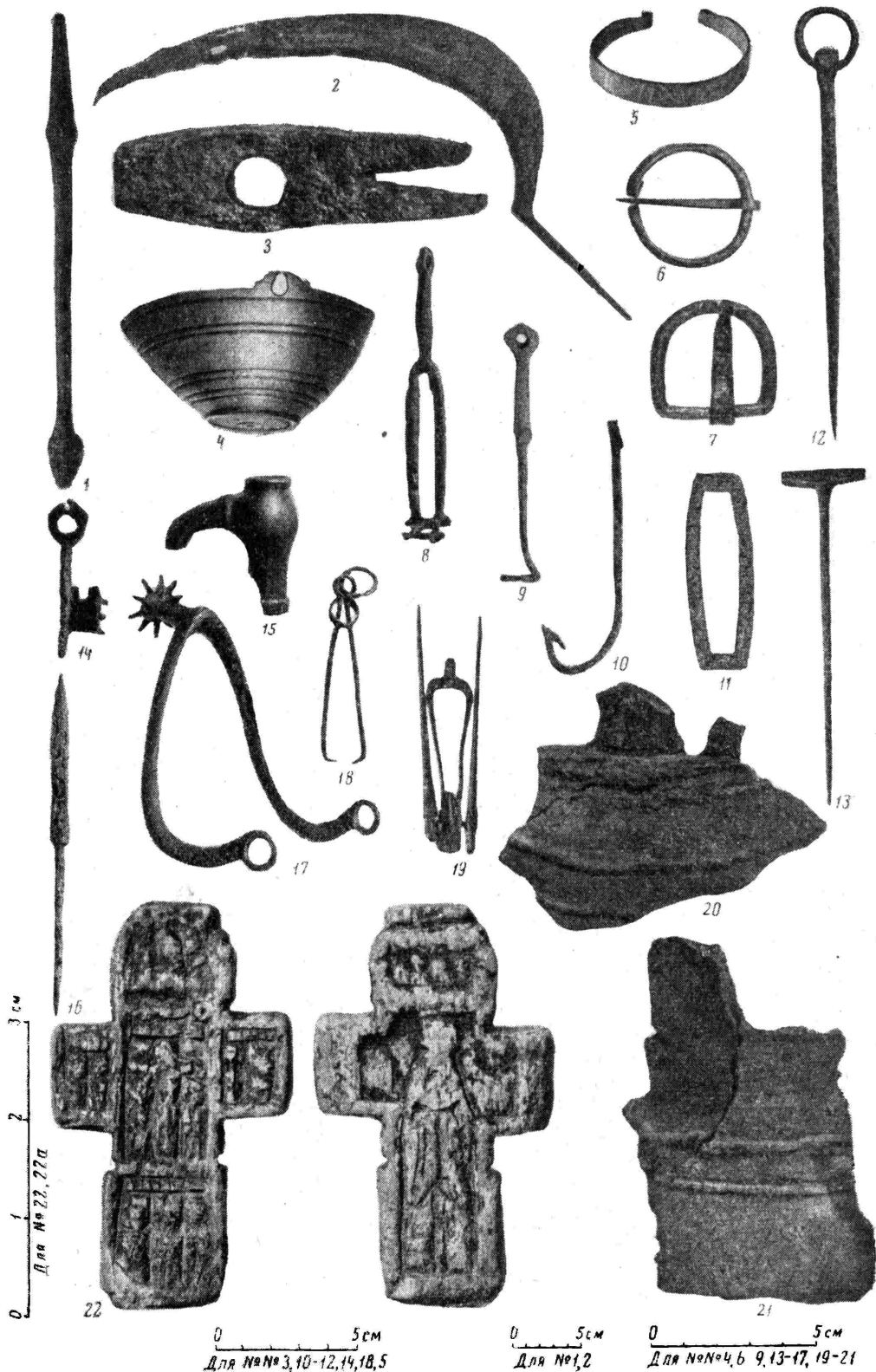

Рис. 3. Предметы, найденные на Слободском (1—21) и Спасском (22) городищах

1 — перовидное сверло; 2 — серп; 3 — молоток-гвоздодер; 4 — лампадка; 5 — браслет; 6 — фибула; 7 — пряжка; 8, 9, 14 — ключи; 10 — рыболовный крючок; 11 — кресало; 12 — стержень с поднимным кольцом; 13 — писало; 15 — навершие рукояти; 16 — наконечник стрелы; 17 — шпора; 18 — пинцет; 19 — коромысло складных весов; 20, 21 — обломки колокола; 22 — крестик (1—3, 6—14, 15—18 — желево; 4, 5, 6, 15, 19 — бронза; 20, 21 — сплав белых металлов; 22 — кость)

Найдено много предметов, свидетельствующих о грамотности обитателей городка, — писала (рис. 3, 13), книжные заставки, ручка амфоры с надписью¹⁵ и т. п. Предметом импорта являлся, очевидно, колокол, отлитый из белого металла. Его обломки, сильно деформированные, происходят из слоя пожара (рис. 3, 20, 21). Целые колокола найдены в Киеве, Новгороде и Городске. Обломок колокола встречен в Гродно¹⁶. Некоторые из этих колоколов были, возможно, произведениями местных мастеров¹⁷, другие привезены из Средней Европы — крупного центра производства колоколов в XI—XIII вв.¹⁸

Рис. 4. Иконка и крестик с городища Слободка

Колокол из Слободки был невелик по размерам и имел, очевидно, форму «сахарной головы» (подобно колоколу, найденному в Новгороде), характерную для XIII в.¹⁹

Очевидно, импортом из Приднепровья является и бронзовая лампадка с тремя ушками (рис. 3, 4), близкая по форме находкам из Бородинского городища Смоленщины²⁰, Райковецкого городища²¹ и Гродно²².

Неподалеку от Большого Слободского городища, на том же правом берегу р. Навли, находилось маленькое круглое в плане городище, названное Малым Слободским.

По-видимому, владельцу этой небольшой феодальной усадьбы XII—XIII вв. был вассалом феодала, владевшего Большим Слободским городищем.

Из сообщения Ипатьевской летописи под 1147 г., когда упомянут и Домагощ, известно, что по пути из Мценска в Кромы Святослава Ольговича догнали послы от Владимира Давыдовича и Святослава Всеволодовича в Спаши: «... и въ Спаши оугониша и послы от Володимира Двдвича. И от Всеволича...»²³ Вторично Спашь упоминается в Ипатьевской летописи под 1152 г.: «... и поидоша туда на Вятиче. И тако взяша я. Та на Мценскъ. Оттуда же идоша на Спашь. Та на Глуховъ»²⁴.

¹⁵ Т. Н. Никольская. Работа Верхнеокской археологической экспедиции, стр. 27, рис. 3, 4, 5, 6.

¹⁶ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 120, рис. 65, 1.

¹⁷ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., 1958, табл. XIII, 1, 2.

¹⁸ В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). САИ, вып. Е1-57, 1966, стр. 52, табл. 3, 3—4; Р. И. Выезжев. Колокола древнего Городеска. КСИА АН УССР, вып. 9, 1960, стр. 104—107.

¹⁹ В. П. Даркевич. Указ. соч., табл. 3, 2.

²⁰ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). МИА, № 92, 1960, стр. 120, рис. 62.

²¹ В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XXI, 4.

²² Н. Н. Воронин. Указ. соч., стр. 120, рис. 65, 2.

²³ ПСРЛ, т. II, стб. 342.

²⁴ Там же, стб. 455.

Из этих записей следует, что Спашь, или Спас, лежал где-то недалеко от Мценска, по направлению к Кромам и Глухову. Однако пока не удалось связать его с каким-нибудь древнерусским городищем. Б. А. Рыбаков условно помещает Спашь несколько южнее Мценска, в правобережье Оки. Однако здесь нет древнерусских городищ.

В 1967 г. Верхнеокской экспедицией были проведены небольшие раскопки на городище, расположенном против дер. Спасское на высоком левом берегу реки Неполодь (левый приток Оки) при впадении в нее безымянного ручья.

Восточнее городища, на том же берегу реки, расположены огромное селище протяжением 1,5—2 км, частично распаханное, и кладбище, известно под названием Погост Звенигородский. Поэтому городище носит название: у с. Спасское или Звенигородское.

В одной из Писцовых книг Московского государства XVI в. записано: «Погост на государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси земле, Звенигородского городища, на реке на Неполоди, а на погосте церковь Николы Чюдотворца, деревяна, клецки, а в церкви образы...»²⁵ Представляется, что не случайно именно около этого городища была построена деревянная церковь (теперь несуществующая), при которой, как это обычно бывает, располагалось кладбище. И в том, что эти земли принадлежали великому князю, вероятно, можно усмотреть какую-то преемственность, существовавшую с более древнего времени. Возможно, что древнерусское селище, именуемое в Писцовых книгах «погостом» у Звенигородского городища, являлось посадом при маленьком детинце-замке какого-нибудь князя.

Спасское городище господствует над окружающей местностью, возвышаясь над уровнем р. Неполоди на 30 м. Площадка городища, почти круглая в плане, имеет диаметр около 40 м (рис. 2, 3). Со стороны реки склоны городища отвесны и неприступны. С западной стороны городище защищено великолепно сохранившимся высоким валом (высота со стороны площадки около 6 м) и глубоким рвом. В южной части был сделан въезд.

Раскоп, заложенный на городище в 1967 г. (площадью 80 кв. м), показал, что культурный слой (более гумусированный в верхней части и менее темный в нижней) имел толщину около 0,8 м и был насыщен фрагментами гончарной керамики с волнистым и линейным орнаментом, а также предметами быта и украшений домонгольского времени. В самом верхнем горизонте слоя были найдены также обломки белоглиняной посуды XIV—XV вв.

Среди находок имеются обломки стеклянных браслетов, в том числе фрагмент позолоченного браслета (впервые подобный браслет найден на вятическом городище), обломок бронзового створчатого браслета, серебряные решетчатые перстни, железные наконечники стрел и среди них срежень, характерный для татаро-монгол²⁶, навершие рукояти плетки (подобные найдены в Новгороде)²⁷, подковы, ключи трубчатых замков, ножи, каменный нательный крестик (аналогичные крестики найдены на многих древнерусских вятических городищах, в том числе в Серенске и Слободке), костяная орнаментированная пуговица, обломок костяного двустороннего гребня и т. д.

Значительный интерес представляет находка, относящаяся уже к XV в. Это — небольшой костяной четырехконечный крестик (размерами 4,2 × 2,2 см), на одной стороне которого изображено «Распятие с пред-

²⁵ «Писцовые книги Московского государства», Отделение II. СПб., 1877, стр. 889.

²⁶ А. Ф. Медведев. Ручное метательное оружие. САИ, вып. Е1-36, 1966, стр. 75, тип 67.

²⁷ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 183, рис. 20, 4.

стоящими», а на другой — «Святая Пятница» (рис. 3, 22). Подобный костяной крестик, но с изображением святого Николая найден при раскопках В. В. Седова в Суздале²⁸.

После 1147 г. борьба за «Киевский стол» разворачивается главным образом между Изяславом Мстиславичем Киевским и Юрием Долгоруким.

Вплоть до 1155 г. города в Земле вятичей не упоминаются, но, очевидно, они были в поле зрения как Ольговичей, считавших, как известно, Вятичей «своими»²⁹, так и Мономаховичей. Летописец постоянно подчеркивает, что Земля вятичей, города, расположенные на их территории, представляли большой интерес для черниговских князей. Поэтому не удивительно, что на протяжении многих десятилетий они старались удерживать эти земли в сфере своего влияния. Недаром Святослав Ольгович, желая наказать своего племянника Святослава Всеволодовича, «Занеже бе его отступиль», отнимает у него города в Земле вятичей Карачев и Воротыньск³⁰.

О древнерусском Карачеве речь шла выше. Что же представлял собой Воротыньск? У северной окраины деревни того же названия (Лев-Толстовский район Калужской обл.), в петле, образуемой р. Выссой, расположено городище, являющееся, очевидно, остатками летописного Воротыньска (рис. 2, 4).

Площадка городища, вытянутая с юго-запада на северо-восток, отделена от окружающего плато на западе валом и рвом. В противоположной стороне площадки имеется еще один вал и ров, отделяющие ее от понижающегося конца мыса. Площадь городища около 6 тыс. кв. м. Склоны городища очень крутые, почти недоступные для подъема на площадку городища.

В 1940 г. небольшие раскопки на городище проводил Г. П. Гроздилов³¹, затем городище обследовалось экспедициями Государственного исторического музея³² и Верхнеокской. Изучение конструкции оборонительных сооружений Воротыньска проводилось в 1954 г. П. А. Раппопорт³³.

Культурный слой Воротыньского городища состоит из двух горизонтов, местами разделенных стерильной прослойкой: нижний, дославянский, с лепной керамикой без лощения и черной лощеной (IV—VI вв.), и древнерусский, относящийся, судя по обломкам керамики, к XII—XVII вв.

Нижняя часть вала, насыпанная целиком из грунта, сооружена, очевидно, в XII—XIII вв., т. е. одновременно с появлением здесь славян. Затем эта насыпь была увеличена с тыльной стороны до высоты 3 м. Следующим этапом строительства, вероятно в XIV в., было сооружение деревянной стены в виде решетчатого каркаса, поставленного внутри вала наклонно. После этого насыпь была увеличена³⁴.

П. А. Раппопорт предполагает, что в валу Воротыньска наземная стена была расположена там, где выходила на поверхность вала внутренняя кон-

²⁸ Архив ИА, Р-1, № 3476а; В. В. Седов. Отчет о раскопках в Суздале в 1967 г. Альбом рисунков, стр. 9, рис. 14.

²⁹ Так, под 1148 г. в Ипатьевской летописи читаем: «... Володимиръ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ стоита въ своихъ Вятичехъ ожидаюча и зряча сто ся тамо оучинить межю Гюргемъ и Изяславомъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 371). И под 1149 г.: «Володимеръ же Давыдовичъ посла къ Изяславоу река емоу се Гюрги стрьи твои итеть на тя. А оуже есть вшелъ въ наше Вятиче» (ПСРЛ, т. II, стб. 374).

³⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 479.

³¹ Архив ЛОИА, оп. 1, д. 78, 1940 г. Г. П. Гроздилов. Предварительный отчет о командировке в 1940 г. в Калужский район Тульской обл., стр. 35.

³² Архив ИА, 1953, № 865; М. В. Фехнер. Отчет об археологической разведке в бассейне р. Оки в пределах Калужской обл.

³³ П. А. Раппопорт. Укрепления раннемосковских городищ. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 16; он же. Очерки по истории военного зодчества, стр. 124.

³⁴ П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества, стр. 124.

струкция. Подтверждением данного вывода является то, что верхние бревна внутривальной конструкции обгорели, очевидно, в результате пожара, уничтожившего стену.

Западнее городища, за дорогой, проходящей у подошвы вала, расположено селище, в культурном слое которого собрана гончарная керамика, относящаяся ко времени с X по XII в. Здесь вокруг «города» располагались, очевидно, летописные «веси» и «погосты».

Таким образом, древнерусский Воротыньск представлял собой хорошо укрепленный городок, впоследствии ставший центром самостоятельного Воротыньского княжества. Можно предположить, что название этого городка выбрано не случайно и указывает на его окраинное (по отношению к городу Чернигову) положение³⁵.

Рассмотренные летописные города в Земле вятичей являлись форпостами черниговских князей. Представляется, что строительство некоторых из них диктовалось не только стремлением к более интенсивному проникновению в глубь вятичской земли, долгое время недостижимой для киевских князей, но и необходимостью защиты от кочевников.

Несомненно, что прототипом для этих маленьких городов — «крепостей» послужили хорошо укрепленные сторожевые города, опоясавшие уже в X в. южную границу Киевской Руси³⁶. В социально-экономическом отношении эти городки по сути дела представляли собой развитые в разной степени феодальные замки.

³⁵ По мнению Н. П. Барсова, «названия, напоминающие древние „Ворота“, очень часто встречаются именно на старинных порубежьях» (Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 270, прим. 151).

³⁶ В. И. Довженок. Сторожевые города на юге Киевской Руси. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 43.

М. В. МАЛЕВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ НОВОГРУДКА В X В. (по материалам керамики)

Краткая характеристика керамики первоначального поселения на территории окольного города в Новогрудке дана в статье, посвященной датировке нижних напластований этого памятника¹. Теперь керамическая коллекция его значительно пополнилась (более 13 тыс. экз., не считая фрагментов, амфор и поливной посуды). В настоящей статье анализируются особенности керамического комплекса второй половины X в., отражающие некоторые исторические связи периода возникновения поселения.

Ассортимент посуды этого времени очень ограничен. В него входят горшки с отогнутым наружу венчиком, составляющие 98% всей керамики (рис. 5, 1—6), горшки с вертикальным горлом (рис. 5, 7) и единичные экземпляры сковородок (рис. 5, 10, 11), жаровен (рис. 5, 12), сосудов для хранения запасов, мисок (рис. 5, 8, 9) и мелкой столовой посуды (рис. 5, 6). Вся керамика — круговая. Не останавливаясь на характеристике отдельных групп посуды, отметим лишь, что среди многочисленных горшков с отогнутым венчиком выделяются два основных типа с несколькими разновидностями. При этом один из этих типов является характерным для второй половины X в. (рис. 5, 1), а другой, появляющийся в конце века, становится характерным для следующего столетия.

Рассмотрим более детально горшки I типа. Они характеризуются слабо (редко значительно) отогнутым наружу венчиком с прямо или косо срезанным краем (иногда оттянутым вверх или вниз), покатыми плечиками и конусовидным туловом. Максимальный диаметр тулова приходится приблизительно на середину высоты сосуда и обычно равен ей. Горшки орнаментированы главным образом горизонтальными и реже волнистыми линиями, нанесенными палочкой или гребенкой, а также наколами и, как исключение, штампом. Почти все сосуды сделаны из глины с примесью крупнозернистой или среднезернистой дресвы и обточены на круге лишь в верхней части, реже целиком. Подобные горшки (простой венчик, покатые плечики, линейно-волнистая орнаментация) были распространены в X в. на обширной территории как восточных, так и западных и южных славян, что неоднократно отмечали многие исследователи, называя их общеславянскими. Однако в отдельных деталях горшки эти различаются между собой, и если попытаться рассмотреть некоторые разновидности новогрудских горшков I типа, то можно найти среди них такие, которые имеют аналогию и на гораздо более ограниченной территории.

¹ М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 85—92.

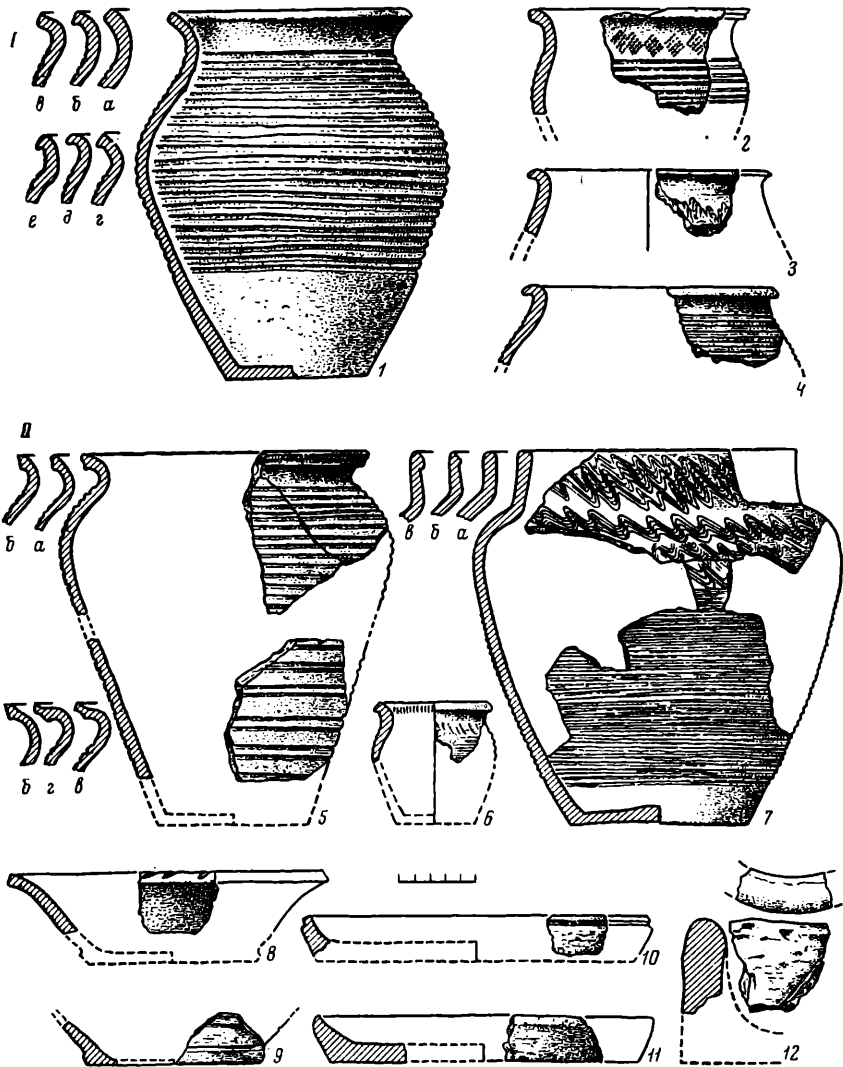

Рис. 5. Керамика Новогрудка X в.

1—2—горшки типа Ia; 3—4—горшки типа Id; 5—горшки II типа; 6—горшочек типа Ia; 7—горшок с вертикальным горлом; 8—9—миски; 10—11—сковородки; 12—фрагмент жаровни

В этом отношении заслуживает особого внимания вид, отличающийся от других коротким, сильно отогнутым краем венчика (иногда настолько, что внутренняя его поверхность видна снаружи) и очень покатыми плечиками (рис. 5, 1д). Вид этот интересен тем, что имеет прямые аналогии в юго-западной Волини, где в X в. являлся, видимо, ведущим типом.

Ярким примером в этом отношении служит керамический материал с поселения в Стжижеве Хрубешовского повята (в Польше), где фрагменты венчиков, аналогичные горшкам вида Id, являются почти единственной формой посуды². Горшки эти сделаны из глины с примесью дресвы и песка, имеют большей частью серо-коричневый цвет и обточены на круге только в верхней части (по венчику). Другие формы горшков составляют

² L. Rauhut. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. WA, XXIV, z. 1—2, 1957, стр. 113—128, табл. XIV, 5—7, 11—13; XV, 1, 4, 6; XVI, 3—4, 6—7.

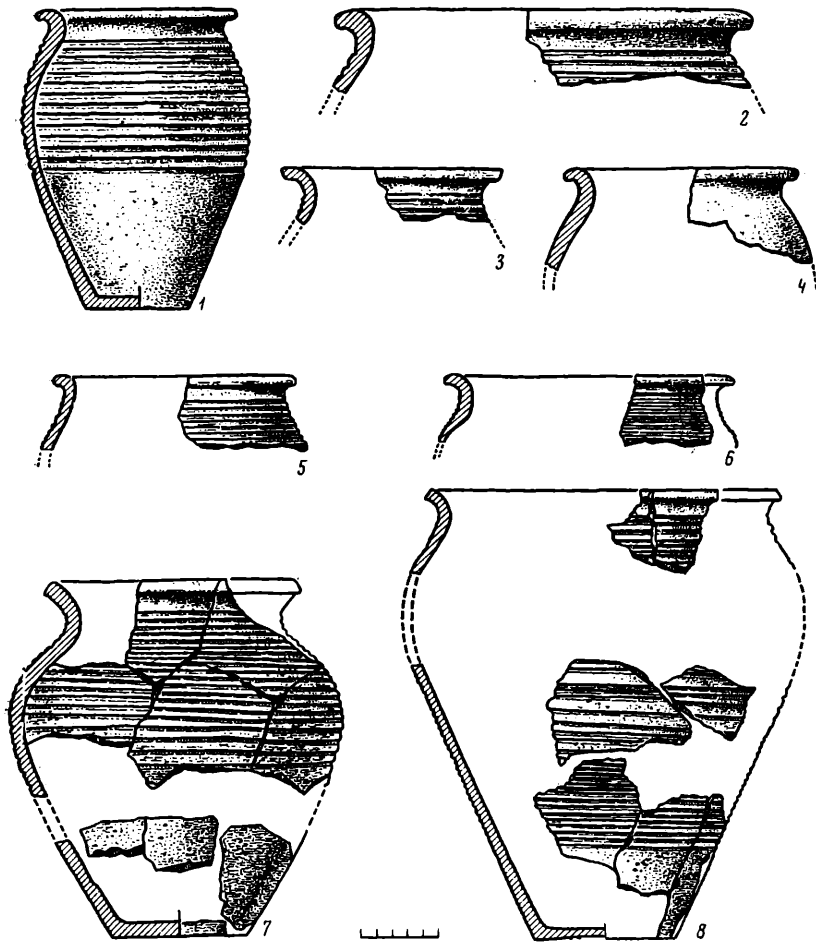

Рис. 6. Керамика, аналогичная новгородским горшкам I типа

1—4 — Красные берега (близ Владимира-Волынского); 5 — Волковск; 6 — Гродно;
7 — с. Острожец Ровенской обл.; 8 — с. Гуца Волынской обл.; 1—6 — тип Ia;
7—8 — типа Ia и Ib.

исключения. Это, с одной стороны, несколько фрагментов горшков типа Ia³, а с другой, — что особенно важно подчеркнуть, несколько фрагментов лепных горшков с насечкой по краю венчика⁴. Кроме обломков горшков, на поселении найден фрагмент жаровни⁵. По аналогии с ранней керамикой другого важного центра Побужья — города Волыни (теперь Грудек-Надбужный в Польше) — и на основании отсутствия форм, характерных для более поздних комплексов (XI—XIII вв.), Л. Раухут считает верхней датой поселения середину X в., а нижней — рубеж VII—VIII вв. и связывает его с племенем дулебов, называемых позже бужанами или волынами⁶.

В окрестностях третьего важного города юго-западной Волыни — Владимира — раскопками под руководством М. К. Каргера в 1955 г. в местности Красные берега (бывш. Белые берега) раскопано полуземляночное жилище середины X в., керамический комплекс которого почти целиком

³ L. Rauhut. Osadnictwo wczesnosredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów. WA, XXIV, z. 1—2, 1957, стр. 113—128, табл. XV, 2, XVI, 10.

⁴ Там же, табл. XV, 10—11; XVI, 1.

⁵ Там же, табл. XIV, 10.

⁶ Нижняя дата поселения представляется несколько заниженной.

состоял из горшков, аналогичных стжижевским. Важно, что, кроме обломков венчиков, здесь были найдены два разбитых, но полностью восстановленных горшка, которые дают представление о формах сосудов этого типа. Один из них небольшой, стройный, с максимальной раздутостью тулова чуть выше середины высоты, украшен в верхней части горизонтальными линиями (рис. 6, 1). Другой, тоже стройный, большой, с максимальной раздутостью тулова на уровне $2/3$ высоты, орнаментирован неровными горизонтальными линиями. Венчики обоих горшков, как и других сосудов (диаметр которых колеблется от 16 до 25 см), сильно отогнуты наружу, и некоторые из них, как и стжижевские, имеют характерный утонченный край (рис. 6, 2—4). Горшки сделаны из грубого теста и обточены на круге лишь в верхней части.

Таким образом, в IX—середине X в. рассмотренный тип горшков являлся в этом районе основным и может быть назван поэтому ранним волинским типом.

Подобная керамика известна и несколько севернее. Так, на Подляшье, в районе Дрогичина, на поселениях VIII—X вв., горшки, близкие ранним волинским (хотя и не тождественные), встречаются с лепной керамикой (горшки с зашипами или насечкой по краю и сковородки) и с горшками, аналогичными новгородскому типу Ia. Примерами таких горшков могут служить, кажется, сосуды с поселений Сова-Козарувка на окраине Дрогичина⁷, Сохи-Огородники (повят Семятыче)⁸, Ключувка (того же повята)⁹, Роханы (повят Сидльце)¹⁰ и других. Возможно, что это свидетельствует о продвижении в Брестское Побужье и Подляшье волянян с юго-запада¹¹. Однако независимо от решения данного вопроса факт наличия в нижнем горизонте Новогрудка горшков типа Id, аналогичных бытующим на Волини в IX—первой половине X в. и не встречающихся на поселениях более позднего времени, остается несомненным и позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, он подтверждает высказанное ранее мнение о возникновении поселения на окольном городе в Новогрудке во второй половине X в. и допускает уточнение этой даты до третьей четверти столетия. Вещевой материал нижней части культурного слоя (лимоновидные и глазчатые бусы, многочастные пронизки, костяные односторонние гребни и проколки, подкововидные фибулы и лировидные пряжки, ключи ранних типов и другие) не противоречит такой датировке.

Во-вторых, наличие в Новогрудке горшков раннего волинского типа свидетельствует о том, что какая-то группа волянян несомненно участвовала наряду с другими племенами в колонизации Верхнего Понеманья. Мысль эта, высказанная ранее на основании других данных — наличия в Понеманье полуземляночных жилищ и кружальных сковородок¹², теперь находит подтверждение в новом материале, который одновременно уточняет время проникновения волянян в Новогрудок и позволяет видеть их в числе первых поселенцев этого города. Горшки ранневолинского типа обнаружены, правда в небольшом количестве, в культурном слое XI, а может быть и X в., в других городах Понеманья — Волковыске (при

⁷ K. Musianowicz. Ślady osadnictwa z VI—VIII wieku w Drohiczyń, pow. Siemiatycze. WA, XXXII, z. 1—2, 1966, стр. 31—52, рис. 4, h; 19, a (средний). Автор отмечает доживание некоторых форм керамики поселения до IX—X вв.

⁸ K. Musianowicz. Granica mazowiecko-drehowicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu. «Materiały wczesnośredniowieczne», V. Warszawa, 1960, стр. 187—228, табл. VI, 2; V, 9.

⁹ Там же, табл. V, 5.

¹⁰ Там же, табл. VII, 10—16.

¹¹ В. В. Седов. О юго-западной группе восточнославянских племен. Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 198.

¹² Ф. Д. Гуревич. Об этническом составе населения древнего Новогрудка. «Acta Baltico-Slavica», VI. Białostok, 1966, стр. 221.

прорезке вала на «Замчище» в слое под ним — рис. 6, 5)¹³ и в Гродно (рис. 6, 6)¹⁴.

Сходство ранней керамики Новогрудка с керамикой волинских городов прослеживается не только по горшкам ранневолинского типа и кружальным сковородкам, но и по горшкам типов Ia и Ib. Последние характеризуются прямо срезанным (Ia) или срезанным и оттянутым вниз (Ib) краем венчика и орнаментом, состоящим из горизонтальных линий, нанесенных палочкой. Подобные горшки известны на Волини на городище X—XI в. у с. Острожец Ровенской обл. (близ Луцка), где они обнаружены под подами печей полуземляночных жилищ¹⁵, на городище того же времени у с. Гуца Волинской обл. (близ Любомля)¹⁶, во Владимире, в яме с комплексом керамики XI в.¹⁷ и в других местах.

Впрочем, такие горшки (близкие типам Ia и Ib) известны не только на Волини, но и к востоку от нее на территории дреговичей и древлян. Интересный материал в этом отношении дало городище в с. Чаплин Речицкого района Гомельской области, где горшки, аналогичные новогрудским по форме и, что особенно характерно, по линейной орнаментации, нанесенной палочкой (а не гребенкой), обнаружены в сочетании с лепной керамикой роменского типа, а также с лепной и гончарной сковородками¹⁸. По совокупности материала автор датирует поселение X—XI вв., хотя все материалы, а также монета 903 г. относятся к X в. Наличие же лепной керамики при отсутствии форм сосудов, характерных для XI в., также склоняет к более ранней датировке. По установленным В. В. Седовым границам дреговичьей земли, поселение в с. Чаплин находится на восточной ее окраине¹⁹.

На территории земли другого славянского племени — древлян, на городище и селище Хотомель Давид-Городокского района Брестской обл., в верхнем культурном слое, относящемся к VIII—IX вв., а на селище, возможно, к IX—X вв.²⁰, вместе с лепной керамикой обнаружены ранние гончарные сосуды, полное сходство которых с чаплинскими отмечает Ю. В. Кухаренко²¹. Аналогичная керамика найдена и на других поселениях древлянской земли.

Таким образом, приведенные примеры позволяют предположить, что сосуды, аналогичные двум первым разновидностям новогрудских горшков I типа, встречались в IX—X вв. на землях волян, дреговичей и древлян. Общность форм керамики этих территорий объясняется, вероятно, родственностью названных племен, которую неоднократно отмечали исследователи (опираясь на сходство погребального инвентаря и данные топонимики) и корни которой считают возможным отнести к периоду существования на этих землях памятников с глиняной посудой пражского типа²².

¹³ Материалы раскопок П. А. Раппопорта 1959 г. (О прорезке вала: П. А. Раппопорт. Раскопки в Волковыске в 1959 г. СА, 1963, № 1, стр. 237).

¹⁴ Материалы Гродненского историко-археологического музея. (Раскопки Н. Н. Ворониной).

¹⁵ Материалы раскопок П. А. Раппопорта 1960 г. См.: П. А. Раппопорт. Археологические и архитектурные заметки. КСИА, вып. 91, 1963, стр. 32, 33.

¹⁶ Материалы раскопок П. А. Раппопорта 1963 г. См.: П. А. Раппопорт. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, № 140, 1967, стр. 32.

¹⁷ Материалы раскопок М. К. Каргера 1956 г., любезно предоставленные для исследования.

¹⁸ Э. А. Сымонович. Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в южной Белоруссии. СА, 1961, № 2, стр. 203—209, рис. 1, 1, 3, 7, 11.

¹⁹ В. В. Седов. Дреговичи. СА, 1963, № 3, стр. 112—125.

²⁰ И. П. Русанова. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян. СА, 1958, № 4, стр. 38—44.

²¹ Ю. В. Кухаренко. Раскопки на городище и селище Хотомель. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 94.

²² В. В. Седов. Дреговичи, стр. 114—116, 120—121; он же. О юго-западной группе восточнославянских племен, стр. 197—203; Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной

Среди новгородской керамики второй половины X в. выделяется небольшая группа фрагментов, которая свидетельствует о проникновении в Новгородок уже в этот ранний период элементов культуры и западнославянских племен. Это — сосуды, украшенные квадратным, ромбическим и овальным решетчатым штампом, широко применявшимся в керамике Мазовии и ближайшего ее окружения. На поселении X—начала XI в. в Брудне-Старе близ Варшавы квадратный, ромбический и другие разнообразные штампы украшают, как отмечает К. Мусянович, раннюю группу сосудов с простым, слабо отогнутым венчиком (соответствуют новгородским горшкам типа Ia)²³ и реже встречаются на сосудах более поздних с развитым и резко отогнутым краем венчика (соответствуют иногда горшкам II типа)²⁴. Керамика со штампом на других поселениях Мазовии известна и в более позднее время — в XI—XII вв. (Базар Новы, повят Макув—Мазовецкой)²⁵.

В Новогрудке овальный и ромбический штамп украшает плечики горшков типа Ia, датированных второй половиной X в. (рис. 5, 2), а квадратный штамп — стенки горшков, относящихся как к X, так и XI вв. (около 20 экз.). Сосуды, орнаментированные разнообразными штампами, составляют специфическую особенность ранних керамических комплексов и других городов Понеманья — Гродно²⁶, Волковыска²⁷ и Индуры²⁸, в керамике которой штампы особенно разнообразны. Эта характерная особенность отражает существование в X в. контакта населения городов Понеманья с соседними мазовшанами, а возможно, и другими западнославянскими племенами.

Говоря о западных связях, необходимо отметить, что с мазовецким влиянием принято связывать еще одну группу сосудов как раннего, так и позднего новгородского керамического комплекса — горшки с вертикальным горлом²⁹. Однако за последние годы все больше становится ясным, что сосуды эти имеют очень широкое распространение. Я. Махник, возражая К. Мусянович³⁰, подчеркивает, что сосуды с цилиндрической шейкой известны не только на северо-западе Польши, но и на юге — в Малой Польше³¹. На восточнославянских землях горшки с вертикальным горлом известны больше на Левобережье, чем на правом берегу Днепра. Однако и на Правобережье они встречаются на славянских поселениях Молдавии, где развиваются из форм лепной керамики VIII—IX вв., а также в меньшем количестве в памятниках Галичины, Волини, Киевщины и к северу от Припяти.

В Новогрудке, как и в других городах Понеманья, горшки с вертикальным горлом четко делятся на две группы. Первая группа — общеславянская. Горшки эти по основным признакам не отличаются (за исклю-

группы восточных славян по материалам могильников X—XIII вв. СА, 1961, № 3, стр. 56—73.

²³ К. Musianowicz. Grod i osada podgrodowa w Bródnie Starym koło Warszawy. «Materiały wczesnośredniowieczne», IV. Warszawa, 1956, стр. 38, табл. VI, 6; VII, 1.

²⁴ Там же, табл. VII, 2.

²⁵ К. Musianowicz. Granica masowiecko-drehowicka na Podlasiu..., стр. 187—228, табл. I, 15—17.

²⁶ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА. № 41, 1954, стр. 40—41, рис. 15, 11.

²⁷ В. Р. Тарасенко. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. «Материалы по археологии БССР», т. I. Минск, 1957, стр. 267; Г. И. Пех. Раскопки в Волковыске. СА, 1963, № 1, стр. 235.

²⁸ Материалы раскопок К. Т. Ковальской, хранящиеся в Гродненском историко-археологическом музее, любезно предоставленные для изучения.

²⁹ М. В. Малевская. О датировке нижнего горизонта Новогрудка, стр. 92; Ф. Д. Гуревич. Об этническом составе населения древнего Новогрудка, стр. 221.

³⁰ К. Musianowicz. Mazowieckie naczynia z cylindryczną szyjką na tle słowiańskiego materiału porównawczego. WA, XVIII, 1951/1952, стр. 345—384.

³¹ I. Machnik. Wyniki badań w latach 1953—1954. Igoomia, I. Osada wczesnośredniowieczna. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, стр. 61, прим. 93.

чением формы горла) от обычных горшков с отогнутым венчиком. Вторая группа — западнославянская, точнее, мазовецкая. Горшки этой группы характеризуются иными пропорциями, формой тулова и своеобразной орнаментацией³². В Новогрудке такие сосуды составляют редкое исключение — найдено всего несколько венчиков горшков, имеющих валик у основания горла, и несколько фрагментов стенок с узкими параллельными валиками. Фрагменты эти относятся главным образом к XI в. К раннему новогрудскому комплексу принадлежит лишь небольшое количество горшков с вертикальным горлом, характерным примером которых является сосуд из постройки 20 конца X в. (рис. 5, 7). Как и основная масса горшков этого времени, он имеет стройные пропорции, покатые плечики, слегка наклоненное внутрь горло и обычную для этого времени орнаментацию. Поэтому, говоря о мазовецких элементах, проявившихся в горшках с вертикальным горлом, нужно иметь в виду лишь очень определенную и небольшую группу сосудов.

Изучение керамики Новогрудка второй половины X в., т. е. периода возникновения поселения, и сопоставление данной керамики с другими керамическими материалами позволяют выявить некоторые исторические связи этого поселения. Имеются достаточные основания считать, что в середине и второй половине X в. какая-то группа населения юго-западной Волыни продвинулась на север и достигла верхнего Понеманья, в частности Новогрудка. Об этом свидетельствует наличие в Новогрудке, хотя и в небольшом количестве, горшков ранневолинского типа, кружальных сковородок и жаровен. Менее определенно можно говорить (по распространению горшков типов Ia и Ib с линейным орнаментом от шейки) о принадлежности части населения Новогрудка к союзу юго-западных восточнославянских племен — дреговичей, древлян и волян.

Не вызывают сомнения связи Новогрудка и других городов Понеманья, прослеживающиеся уже во второй половине X в., с соседними западнославянскими землями. Проникновение в Новогрудок некоторых элементов культуры мазовчан наиболее определенно проявляется в керамике, орнаментированной штампом, а также в тех формах горшков с вертикальным горлом, которые характерны для XI—XII вв.

³² K. Musianowicz. Mazowieckie naczynia. . . , рис. 1, 4, 6, 18.

П. А. РАППОРТ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ СМОЛЕНСКОГО ГОРОДА ЗАРУБА

Вопросы исторической географии Смоленской земли издавна привлекают внимание исследователей. Этими вопросами достаточно серьезно занимались уже с середины прошлого века, чему в значительной мере способствовало опубликование такого первоклассного источника, как «Учредительная грамота смоленской епископии», составленная в 30—50-х годах XII в.¹ В грамоте дается подробное перечисление волостей и городов Смоленского княжества с указанием взимаемой с них дани. В конце XIX в. исторической географией Смоленщины серьезно занимался П. В. Голубовский². Наконец, в недавнее время к этим вопросам обратился В. В. Седов, широко привлекая материалы археологического обследования Смоленской земли³. И тем не менее многие вопросы не решены до сих пор, расположение многих древних населенных пунктов не определено даже приблизительно. К таким пунктам относится, например, смоленский город Заруб.

Заруб упомянут в письменных источниках дважды: в Учредительной грамоте смоленской епископии и в описании событий 1168 г., изложенных почти совершенно одинаково в Ипатьевской и Воскресенской летописях. В некоторых работах со смоленским Зарубом связывают еще одно, третье, упоминание в письменных источниках — известие о том, что Клим Смолятич был приглашен в Киев на митрополичью кафедру «из Заруба», где он, судя по контексту, был монахом⁴. Это очевидное недоразумение: в митрополиты не могли избрать монаха из далекого провинциального монастыря. Очевидно, Клим был монахом не в смоленском Зарубе, а в хорошо известном Зарубском Трахтемировском монастыре близ Канева⁵. О том, насколько значительным был этот монастырь в XII в., можно судить по строительству в нем двух кирпичных церквей, чем могли похвастаться очень немногие древнерусские монастыри⁶. Очевидно, был вполне прав переписчик Ермолаевского списка Ипатьевской летописи, который, изла-

¹ «Дополнения к Актам историческим», т. I. СПб., 1846, стр. 5. Позднее грамота многократно переиздавалась. О датировке грамоты см.: А. В. Поппе. Учредительная грамота смоленской епископии. «Археографический ежегодник за 1965 г.». М., 1966, стр. 59.

² П. В. Голубовский. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

³ В. В. Седов. К исторической географии Смоленской земли. «Материалы по изучению Смоленской области», вып. IV. Смоленск, 1961, стр. 317.

⁴ См., например, «Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей», отд. 2. СПб., 1907, стр. 114.

⁵ Кстати, митрополита Клим совершенно напрасно иногда считают уроженцем Смоленска. Смолятич — это его отчество, происходящее не от города Смоленска, а от мужского имени Смолята (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903, стр. 753).

⁶ М. К. Каргер. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб. СА, XIII, 1950, стр. 55.

гая известие о Климе Смолятиче, после слов «из Заруба» совершенно резонно добавил: «где теперь монастырь Терехтемерский»⁷.

Для определения местоположения смоленского Заруба важнейшее значение имеет летописный текст 1168 г. В этом году киевский князь Ростислав Мстиславич (бывший до этого долгие годы смоленским князем) направился из Киева через Смоленск в Новгород. В Торопце он заболел и вынужден был возвратиться в Смоленск. Несмотря на просьбы своей сестры Рогнеды, Ростислав не остался в Смоленске, а выехал в Киев, на пути куда и умер «в селе Рогънедин в Зарубе»⁸.

Село Заруб, принадлежавшее Рогнеде, Н. П. Барсов определял на месте современного села Заровцы на правом берегу Днепра несколько ниже Орши⁹. С такой локализацией Заруба согласился П. В. Голубовский, несколько более подробно аргументировавший такое предположение. П. В. Голубовский писал, что больного князя должны были везти по Днепру, поскольку путь по Десне был более трудным из-за необходимости преодолеть несколько волоков¹⁰. Точка зрения П. В. Голубовского была в дальнейшем некритически принята большинством историков. К сожалению, никто из них не обратил внимание на то, что Ростислав умер 14 марта и, следовательно, должен был выехать из Смоленска в начале марта, а может быть, даже в конце февраля. Лед на Днепре в районе Смоленска сходит значительно позже и, таким образом, больного князя не могли везти на корабле по реке, а должны были везти на санях. Следовательно, отпадает необходимость искать Заруб на Днепре и на основании очень отдаленного созвучия наименований связывать его с селом Заровцы.

Исследователи не обратили также внимания на то, что в Учредительной грамоте смоленской епископии слова «в Зарубе» обозначают — в Зарубской волости, поскольку название это упомянуто в перечне волостей. Центры же волостей всегда представляли собой укрепленные пункты, т. е. города (в древнерусском понимании этого слова), а не села. Таким образом, слова «в селе Рогънедине в Зарубе» должны обозначать не «в селе Зарубе, принадлежавшем Рогнеде», а «в селе Рогнедина, в Зарубской волости». Поскольку князь Ростислав умер не в городе, а в селе, вероятно небольшом и малоизвестном, летописец посчитал необходимым указать, где именно, в какой волости находилось это село. Замечательно, что уже Н. П. Барсов в своей более ранней работе указывал, что неподалеку от города Рославля существует и сейчас село Рогнедино, которое, вероятно, и следует связывать с упомянутыми в летописи событиями 1168 г.¹¹ Позднее Н. П. Барсов изменил свое мнение, первоначальное его предположение было забыто, несмотря на то, что оно было поддержано и даже специально аргументировано М. В. Довнар-Запольским¹². Между тем вряд ли могут быть сомнения в том, что именно село Рогнедино (современный районный центр Брянской области) и является тем пунктом, где умер князь Ростислав.

Центры волостей были, как правило, одноименны самим волостям. Следовательно, где-то неподалеку от с. Рогнедино должен был находиться город Заруб. В 19 км к северу от с. Рогнедино имеется большое древнерусское городище в с. Осовик. Других древнерусских городищ поблизости

⁷ ПСРЛ, т. 2. СПб., 1843, стр. 29.

⁸ Ипатьевская летопись под 6676 (1168) г.

⁹ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 313, прим. 308.

¹⁰ П. В. Голубовский. История Смоленской земли, стр. 82, прим. 1.

¹¹ Н. П. Барсов. Материалы для историко-географического словаря России. Вильна, 1865, стр. 76.

¹² М. Довнар-Запольский. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891, стр. 38, прим. 78.

нет. Очевидно, что городище в с. Осовик и является остатками смоленского города Заруба.

В 1969 г. на городище в с. Осовик проведены археологические раскопки¹³. Городище имеет укрепленную территорию около 1 га и приблизительно такую же площадь занимает прилегающее к городу селище. Судя по археологическому материалу, город был основан в XII в. и существовал в течение всего XIII в. Во второй половине или конце XIII в. город был заброшен, по-видимому, в связи с литовскими набегами. В письменных источниках Заруб более нигде не упоминается, а в документах XVI в. на этом месте известно уже с. Осовик¹⁴.

В середине XII в. Заруб, очевидно, представлял собой город, не имевший еще серьезного экономического значения, поскольку в Учредительной грамоте числится дань только с Зарубской волости, а специальной городской дани — погородья — с Заруба не брали¹⁵. Это хорошо согласуется с данными археологических раскопок, где нижний горизонт культурного слоя сравнительно бедный, а расцвет города относится к более позднему времени — к XIII в. Однако значительная площадь укрепленной территории, приданная Зарубу с самого начала, свидетельствует о большом военно-административном значении, которое имел этот город уже со времени своего основания, т. е. с первой половины XII в.

¹³ К. В. Павлова, П. А. Раппопорт. Городище Осовик. «Археологические открытия 1969 года». М., 1970, стр. 72, 73.

¹⁴ Было высказано сомнение в древности названия с. Рогнедино (С. Ракочевский. Опыт собрания исторических записок о городе Рославле. ИРАО, т. 9. СПб., 1880, стр. 486). Это сомнение основано на том, что с. Рогнедино не упоминается в актовом материале XVI—XVII вв. Между тем в актах, как правило, упомянуты не села, а волости. Центром же волости, где расположено с. Рогнедино, был в XII—XIII вв. город Заруб, а позднее — возникшее на этом месте с. Осовик. Волость Осовик упоминается уже в документах начала XVI в. См., например, «Сборник Русского исторического общества», т. 35. СПб., 1892, стр. 395, 399, 639 и др.

¹⁵ Перечень размеров погородья находится в Учредительной грамоте в приписке, составленной не ранее 1150 г. (см.: А. В. Поппе. Учредительная грамота смоленской епископии, стр. 64).

Г. Ф. КОРЗУХИНА

РУССКИЕ КЛАДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ СОБРАНИЯХ

В 1906 г. при земляных работах на Трехсвятительской улице в Киеве был найден большой клад золотых и серебряных украшений. Он был полностью расхищен, а основная, большая часть клада тайно вывезена за границу. О составе клада можно было судить лишь по газетным заметкам, освещавшим события, связанные с находкой и розысками пропавшего клада, по фотографии вещей, изъятых полицией, а также по краткому перечню вещей в записной книжке А. А. Бобринского, видевшего часть клада у киевского торговца древностями¹. Пользуясь этими материалами, я в свое время попыталась восстановить состав клада². Были опубликованы вещи, находившиеся в Киевском окружном суде (в основном серебряный лом), а также по зарисовкам А. А. Бобринского знаки на перстнях, увезенных за границу. Конечно, это лишь жалкие остатки хорошего большого клада. Сейчас появилась возможность не только уточнить некоторые моменты, связанные с судьбой клада, но и опубликовать полностью заграничную часть Киевского клада 1906 г.

Клад был найден 5 июля 1906 г., о чем в Археологическую комиссию сообщил В. Е. Гезе письмом, посланным 24 августа на имя А. А. Спицына³. Клад обнаружен при рытье канавы для укладки водопроводной трубы посреди Трехсвятительской улицы. На участке траншеи в районе водонапорной башни, против ворот гостиницы Михайловского монастыря, рабочий Яков Беляков на глубине 1,5 арш. откопал кусок шиферной плиты, а под ней — облепленную глиной «жестяную коробку овальной формы, вершков 6 высотой». Несколько вещей было тут же похищено людьми, окружившими находчика. Расхищение клада «в розницу» прекратил подрядчик земляных работ Иван Быстров. Он отобрал клад у Я. Беляева, сказав, что сдаст вещи в полицию. Вместо этого в тот же день он продал его за 200 (500?) рублей владельцу антикварного магазина Моисею Золотницкому. Выждав некоторое время, чтобы утихли страсти, М. Золотницкий приехал к В. Б. Антоновичу с фотографиями клада, заявив, что ему будто бы предлагают купить его за 30 тыс. руб. В. Б. Антонович оценил клад в 5—6 тыс. руб. (видимо, ниже действительной стоимости, думая приобрести клад для музея Киевского университета). В августе 1906 г. А. А. Бобринский видел этот клад у М. Золотницкого. Он сделал зарисовки и заметки о кладе в своей записной

¹ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 116/1906, лл. 29, 61.

² Г. Ф. Корзухина. Русские клады IX—XIII вв. М.—Л., 1954, стр. 124—125, № 108.

³ Штабс-капитан Виктор Евгеньевич Гизе был большим другом археологов. Ему мы обязаны спасением многих памятников, в частности таких знаменитых комплексов, как Межигорский клад выемчатых эмалей (III—V вв.), инвентарь киевского золоторотского погребения (X в.) и многих других.

книжке, оценив клад в 6500 руб., и рекомендовал Г. И. Котову приобрести его для музея Штиглица. Покупка не состоялась, поскольку М. Золотницкий просил за клад 12 тыс. руб. Не надеясь продать его в России и боясь, что клад будет у него отобран, поскольку он был найден на городской, а не на частновладельческой земле, М. Золотницкий 12 октября 1906 г. выехал за границу и во Франкфурте-на-Майне предложил клад придворному антикварию Гольдшмидту. Телеграммой, посланной во Франкфурт, А. А. Бобринский предупредил Гольдшмидта, что продажа М. Золотницким клада противоречит законам, существующим в России в отношении находимых древностей. Опасаясь неприятностей, Гольдшмидт от покупки клада отказался. После неудавшейся операции во Франкфурте-на-Майне отчетливый след М. Золотницкого теряется. Прошел слух, что М. Золотницкий продал клад в Париже княгине Тенишевой для ее Смоленского музея. Однако позже слух этот был признан ложным.

А тем временем 23 октября 1906 г. Археологическая комиссия обратилась в министерство иностранных дел с просьбой довести до сведения главнейших западноевропейских музеев опись вывезенных М. Золотницким ценностей и тем способствовать возвращению их в Россию. Через три месяца — 18 января 1907 г. Археологическая комиссия получила копию ноты Великобританского министерства иностранных дел от 16 (29) декабря 1906 г., переданной русскому послу в Лондоне. В ноте говорилось, что несколько месяцев тому назад Муррей Маркс — член фирмы Durlacher Brothers, 142, New Bond Street купил у какого-то парижского торговца-антиквара древности за несколько тысяч фунтов стерлингов. Имя торговца М. Марксу известно, но открывать его он не будет. М. Маркс согласен поддержать клад у себя, пока в присутствии полиции он не получит указаний относительно дальнейших намерений Русского правительства. Видимо, Археологическая комиссия испытывала какие-то затруднения с ответом, так как только 7 марта 1907 г., после долгого молчания, она обратилась через министерство иностранных дел с просьбой к Великобританскому министерству иностранных дел прислать фотографии с вещей, приобретенных М. Марксом, и сообщить уплаченную им сумму. Но, по-видимому, этот долгий перерыв в переговорах с М. Марксом оказался для киевского клада роковым, так как 31 марта 1907 г. Археологическая комиссия была уведомена, что М. Маркс древности продал. Назвать уплаченную за них сумму он не захотел, но признался, что продал вещи гораздо дороже, чем заплатил за них при покупке. Сделать снимки с вещей без разрешения нового хозяина он не мог. Назвать имя нынешнего владельца ценностей он также отказался, но указал, что лицо, купившее клад, имеет «широкие приватные связи», хорошо всем известно, но сейчас находится в отъезде. По-видимому, в это время клад находился еще у М. Маркса, так как, по его словам, он мог задержать его передачу еще на две недели. Более подробные сведения по всем вопросам, интересующим Комиссию, он обещал сообщить только тогда, когда ценности будут «извлечены из места их нынешнего хранения». Видимо, Археологическая комиссия была не в состоянии что-либо сделать. Клад для России был потерян, и переписка с Лондоном прекратилась. Любопытно, что имя М. Золотницкого в переписке с Лондоном совершенно не фигурирует. Возможно, что в Англию он и не ездил, а продал клад какому-то перекупщику древностей в Париже, поскольку М. Маркс заявлял о покупке им ценностей именно у парижского торговца древностями. В этой связи стоит вспомнить слухи о переговорах М. Золотницкого с княгиней Тенишевой, находившейся тогда в Париже. Возможно, что эти слухи и не были безосновательными. После неудачи во Франкфурте-на-Майне М. Золотницкий мог отправиться в Париж и там искать возможности избавиться от клада с помощью частных лиц.

Рис. 7. Киевский клад 1906 г. Наруч. Серебро, чернь
(по фотографиям Британского музея)

В конце концов это ему удалось. В России ему тоже повезло: Киевский окружной суд, считая его невиновным, дело прекратил. К суду был привлечен только подрядчик И. Быстров, а М. Золотницкий «вышел сухим из воды».

Неизвестно, раскрыл ли свои тайны М. Маркс после того, как передал клад его новому владельцу, но в одном из отношений Археологической комиссии министру юстиции от 11 декабря 1908 г., т. е. через год и 8 месяцев после последнего письма из Лондона, А. А. Бобринский писал, что М. Золотницкий «через лондонских антиквариев перепродал (клад) в Кенсингтонский музей и пароходчику Пирпонту Моргану»⁴. Откуда у А. А. Бобринского были эти сведения — не известно. Очень может быть, что они были получены Археологической комиссией и не из официальных источников, поскольку эти данные оказались не совсем точными, как будет видно ниже.

⁴ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 116/1906, л. 49 об.

Рис. 8. Киевский клад 1906 г. Колты. Серебро, чернь
(по фотографии Британского музея)

В 1957 г. в одном из многочисленных каталогов Британского музея я обнаружила рисунок серебряного наруча с изображением птиц и растений. В тексте говорилось, что наруч найден в Киевской губернии вместе с рядом других серебряных вещей — сережек, перстней и слитков⁵. Я обратилась в Британский музей с просьбой прислать мне фотографии вещей, найденных в России, и меньше чем через 2 месяца я получила из музея серию отличных фотографий: наруча, четырех колтов с ажурной каймой, десяти трехбусинных сережек, трех перстней, витого браслета и двух гривен киевского типа (всего 21 вещь, рис. 7—10). В письме, приложенном к фотографиям, помощник хранителя Отдела британских и средневековых древностей Британского музея Д. М. Вилсон любезно сообщил, что вещи являются частью клада, найденного в июле 1906 г. на Трехсвятительской улице в Киеве, и что куплены они у Пирпонта Моргана. Судя по отметкам на оборотах фотографий, вещи поступили в Британский музей в 1907 г. Таким образом, не могло быть никаких сомнений, что это часть клада, вывезенного за границу М. Золотницким. Сошлись и изображения на щитках перстней — на фотографии и на зарисовке А. А. Бобринского. Видимо, таинственность и недоумовки, которыми была окружена продажа Киевского клада 1906 г., привели к тому, что в Археологической комиссии местом хранения

⁵ «British Museum. Guide to Anglo-Saxon Antiquities». 1923, стр. 172, 173, 174, рис. 232.

Рис. 9. Киевский клад 1906 г. Серьги. Серебро (по фотографии Британского музея)

части клада 1906 г. считали не Британский, а Кенсингтонский музей в Лондоне.

Оставалось выяснить, что оставил у себя П. Морган. Можно было предположить, что он передал Британскому музею серебряные вещи, менее интересовавшие его, и оставил для своей коллекции украшения более эффектные — золотые с перегородчатой эмалью.

Оказалось, что они изданы О. М. Далтоном в описании византийских эмалей коллекции П. Моргана⁶. В книге на таблице IV изображен ряд типичных для древнерусских кладов золотых с перегородчатой эмалью украшений — три пары колтов и две части ожерелья из круглых бляшек, соединенных шарнирами (рис. 11). К сожалению, ни на таблице, ни в тексте нет указания на происхождение вещей. Однако в принадлежности их Киевскому кладу 1906 г. можно не сомневаться, так как археологи,

⁶ О. М. Dalton. *Byzantine Enamels in Mr. Pirpont Morgan's Collection*. London, 1912.

⁷ Б. И. и В. Н. Ханенко. *Древности Приднепровья*, вып. VI. Киев, 1907, стр. 38; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 116/1906, л. 29; (Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 124, № 108, § 4—6).

видевшие клад еще в Киеве, оставили наиболее подробные описания именно золотых колтов с эмалью⁷. Эти описания как колтов, так и ожерелья, полностью совпадают с изображениями предметов у О. М. Далтона⁸. Подробный перечень вещей, входивших в него, опубликован мной в 1954 г.⁹ И в заключение коротко еще о нескольких русских эмалях в коллекции П. Моргана. В 1840-х годах погиб почти целиком один из самых больших древнерусских кладов, так называемый Анненковский клад 1842 г., найденный в тайнике одной из апсид Десятинной церкви в Киеве. О величине его можно судить хотя бы потому, что при находке он едва уместился в два мешка¹⁰. Уцелели же лишь отдельные вещи, разбросанные по ряду музеев. Несколько вещей из этого клада попало в 1880-х годах в коллекцию А. В. Звенигородского. Это золотые вещи с перегород-

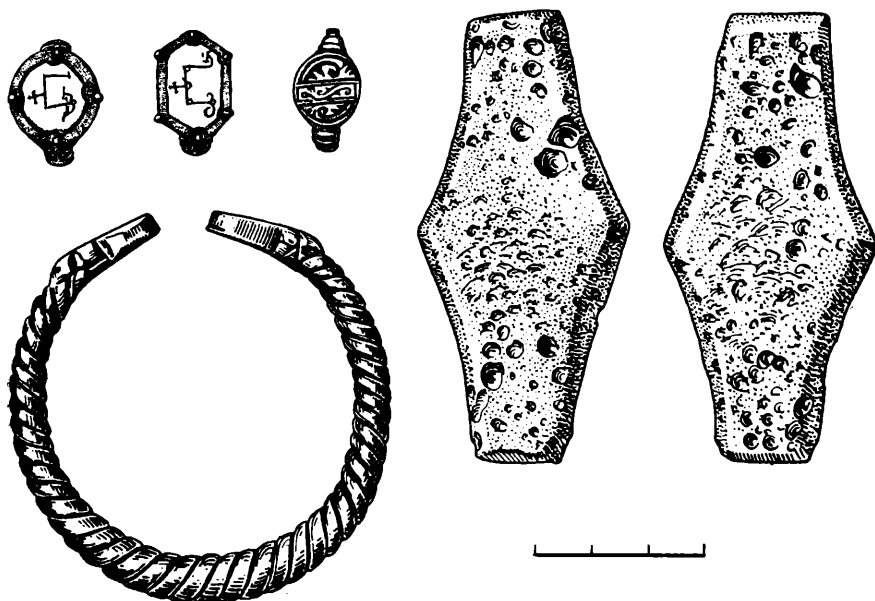

Рис. 10. Киевский клад 1906 г. Браслет, перстни и гривны. Серебро (по фотографиям Британского музея)

чатой эмалью: три колта и два обрывка ожерелья из круглых бляшек на шарнирах (в каждом обрывке по три бляшки). В составе коллекции А. В. Звенигородского они были неоднократно опубликованы¹¹. Между

⁸ В материалах, связанных с кладом 1906 г., существует путаница в отношении количества цепей, найденных в клада. Одни пишут, что в клада было две цепи по 20 бляшек в каждой, другие указывают на находку лишь одной цепи из 20 бляшек. Путаница произошла, очевидно, потому, что украшения подобного рода состоят из двух частей, из двух самостоятельных «цепочек» по 10 бляшек в каждой. При беглом осмотре клада, при записи с чужих слов запутаться в количестве бляшек, цепей и их частей было нетрудно. Судя по записи А. А. Бобринского при осмотре им клада у М. Золотницкого в августе 1906 г., особо подчеркнувшего количество бляшек «2 цепи с 20-ю (всего, в обеих) бляшками» — в клада было лишь одно украшение, состоящее из двух частей. Следовательно, и у меня в описании состава клада сделана ошибка (Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 124, № 108, § 3).

⁹ Г. Ф. Корзухина. Указ. соч., стр. 124.

¹⁰ Там же, стр. 105—108, № 65.

¹¹ Joh. Schulz. Der byzantinische Zellenschmelz. Frankfurt a. M. 1890, табл. 21; Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. Собрание А. В. Звенигородского. СПб., 1892, табл. 20 bis., 21; Fr. Bock. Die byzantinischen Zellenschmelze der Sammlung d-r Alex. von Swenigorodskoi. Aachen, 1896, табл. XXXII—XXXIII.

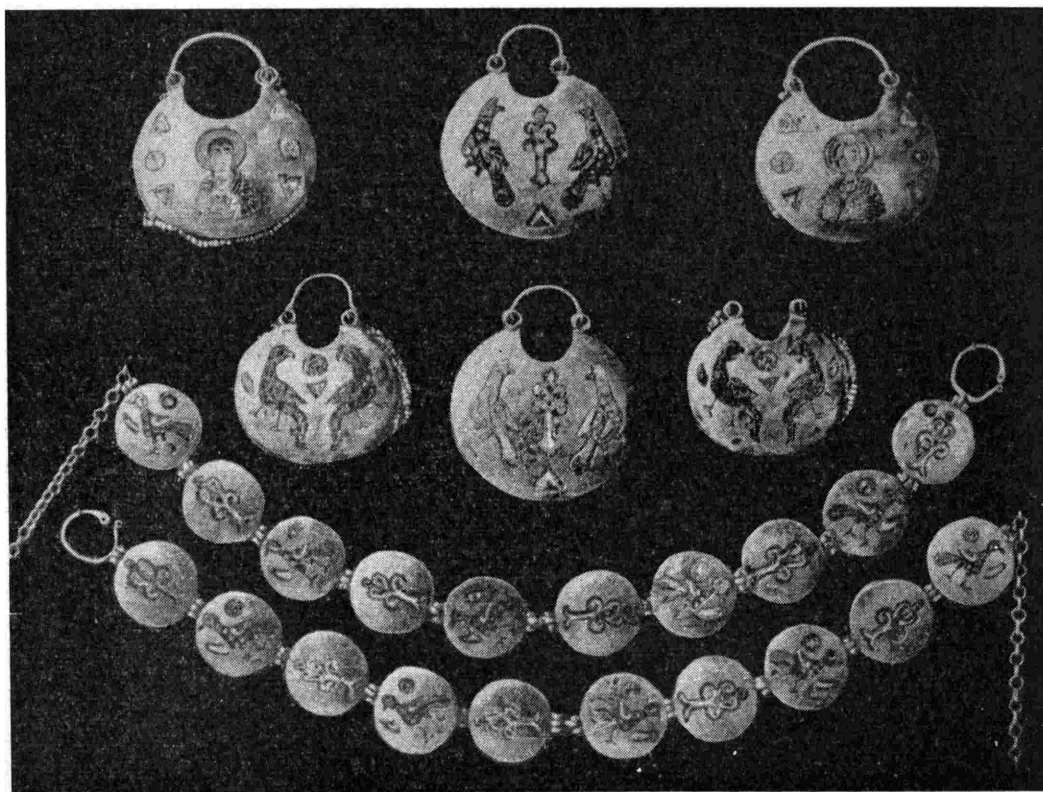

Рис. 11. Киевский клад 1906 г. Колты и ожерелье. Золото, перегородчатая эмаль. Коллекция Пирпонта Моргана

1896 и 1912 гг. А. В. Звенигородский продал свою коллекцию П. Моргану. В составе коллекции попали к М. Моргану и вещи Анненковского клада¹². По-видимому, покупка П. Морганом всемирно известной коллекции эмалей А. В. Звенигородского имела на Западе значительно больший резонанс, нежели приобретение им нескольких эмалей Киевского клада 1906 г. Колты и цепь клада 1906 г. стали путать с похожими на них колтами и фрагментами цепи Анненковского клада 1842 г. Так, в многотомном издании под редакцией Х. Ф. Боссерта, посвященном прикладному искусству всех времен и народов, опубликованы три колта и цепь Киевского клада 1906 г., отнесенные к коллекции А. В. Звенигородского, т. е. к Анненковскому кладу 1842 г.¹³ Очень жаль, если эта путаница будет продолжаться и дальше, усложняя и без того запутанную историю многих русских кладов.

¹² О. М. Dalton. *Byzantine Enamels...*, табл. III.

¹³ H. Th. Bossert. *Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker*. Bd. V. Berlin, 1932, рис. на стр. 147.

Ф. Д. ГУРЕВИЧ

РЕМЕСЛЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОРОДА
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В русской исторической литературе более ста лет ведутся споры о возможности существования на Руси ремесленных цехов. История этих споров изложена в труде Б. А. Рыбакова, посвященном древнерусскому ремеслу¹. Исследователь показал, что и сторонники, и противники реальности древнерусских ремесленных объединений не имели возможности подкрепить свои взгляды убедительными материалами. Отрицательному решению этой проблемы способствовали укоренившиеся представления о том, что древнерусские города не являлись ремесленными центрами, и это отличало их от западноевропейских городов с их высокоразвитым ремеслом.

Археологические исследования древнерусских городов домонгольской поры, в итоге которых ремесленная деятельность их жителей предстает во всем своем многообразии, заставляют советских исследователей вновь обратиться к вопросу о наличии ремесленных корпораций в Киевской Руси. Советские историки опираются при этом на положения К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривавших средневековые цехи как порождение феодального общества вообще и феодального города в особенности. Необходимость объединиться против грабежей дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в эпоху, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны стекавшихся в города беглых крепостных — все это породило цехи².

В 1939 г. С. В. Юшков высказался в пользу существования цехов в Киевской Руси и подкрепил эту мысль в своей последующей работе³. Известный советский медиевист В. В. Стоклицкая-Терешкович, занимаясь проблемой многообразия средневекового цеха, пришла к выводу, что цехи — характерное явление средневекового города, без которого его нельзя мыслить не только в Западной Европе, но и в Польше, а также в Древней Руси⁴. Решительными сторонниками существования ремесленных объединений в крупных городах Киевской Руси являются М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков. Трудно себе представить, считают эти авторы, что Русь, окруженная государствами Западной Европы, Византией и странами Кавказа, где имел место цеховой строй, осталась в стороне от этой формы организации ремесла. Элементы корпоративных объеди-

¹ Б. А. Рыбаков. *Ремесло Древней Руси*. М., 1948, стр. 729—737.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 3, стр. 23.

³ С. В. Юшков. *Очерки по истории феодализма в Киевской Руси*. М., 1939, стр. 139, 140; он же. *Общественно-политический строй и право Киевского государства*. М., 1949, стр. 265.

⁴ В. В. Стоклицкая-Терешкович. *Основные проблемы средневекового города X—XV вв.* М., 1960, стр. 175.

нений, по мнению Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова, можно усматривать в концентрации ремесленников одной профессии на определенных территориях. Первичные ремесленные объединения они видят в новгородских сотнях⁵.

Б. А. Рыбаков обращает внимание на то, что ранний период в истории цехового строя Западной Европы, до появления корпоративных уставов, известен недостаточно, и предлагает свое понимание ранних корпораций. Автор выделяет ряд признаков, характерных для ранних ремесленных объединений, которые свойственны не только корпорациям Древней Руси, но и странам Западной Европы того периода, когда цехи еще не имели писаной регламентации. Необходимыми условиями для создания корпорации являются совместное поселение ремесленников в городе по профессиональному признаку. Поселок ремесленников одной специальности является как бы территориальной общиной со своей юрисдикцией, выборной администрацией и военной организацией. Внешними признаками первоначального ремесленного объединения являлись совместные пиры в определенные дни года и постройка патрональной церкви⁶. Такие объединения, естественно, должны были находиться за пределами детинцев древнерусских городов. Территориальная близость к князю или другому феодалу лишала ремесленников независимости, без которой невозможно возникновение корпорации.

Если не все, то большая часть признаков, свойственных, по мнению Б. А. Рыбакова, ранним ремесленным объединениям, могут быть установлены по археологическим материалам. Концентрация ремесленников, занимавшихся обработкой цветных металлов, прослеживается в Вышгороде⁷, Полоцке⁸ и других детинцах древних городов, но там были сосредоточены княжеские ремесленники. Между тем появление корпорации предполагает существование ремесленников, работавших на заказ; при этом ремесленник выступает и в роли торговца своим товаром. Археологические материалы, на основании которых можно было бы обосновать существование древнерусских ремесленных объединений, следует искать на территории посадов или околных городов.

Весьма важны в этом плане данные, полученные в итоге многолетних исследований околного города древнерусского Новогрудка. В 1957—1967 гг. производились раскопки на территории посада, возникшего в середине или второй половине X в. К XII в. посад был обнесен валом и превратился в околный город. На территории этого околного города была вскрыта площадь более 2200 кв. м. Большую часть раскопанной площади занимали большие дерево-глинобитные с остекленными окнами дома. Наряду с богатым инвентарем в этих домах сохранились следы обработки цветных и благородных металлов и, что особенно важно, золота. В статье, опубликованной автором настоящей работы в 1967 г., приводятся материалы, согласно которым очевидно, что организация ювелирного дела в околном городе Новогрудке XII—XIII вв. была совершенно необычной. Обработкой цветных и благородных металлов, правда в небольшом объеме, занимались почти в каждой из открытых нами богатых построек. В указанной работе мы высказали предположение, что в богатых домах работали ремесленники, зависимые от новгородских купцов⁹. Тогда представлялось маловероятным, чтобы владельцы

⁵ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 740—767; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956, стр. 128—136.

⁶ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 737—738.

⁷ Л. А. Голубева. Квартал металлургов в Вышгороде. «Славяне и Русь». М., 1968

⁸ Г. В. Штыхов. Древний Полоцк (IX—XIII вв.). Автореф. канд. дисс. Минск, 1965, стр. 10, 16.

⁹ Ф. Д. Гуревич. Ювелиры древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 20.

богачейших жилых построек сами непосредственно занимались выплавкой цветных и благородных металлов или их холодной обработкой. Однако, по-видимому, это было действительно так, поскольку все процессы, связанные со златокузнечным делом, производились в богатых жилищах, и никаких специальных помещений для ремесленных работ не существовало. Таким образом, богатый квартал окольного города Новогрудка в XII—XIII вв. был вместе с тем кварталом златокузнецов и ювелиров.

Возникновение богатого квартала, видимо, объясняется причастностью всех его жителей к обработке золота. Свидетельства о его обработке достаточно определены. Следы золота обнаружены в одном из тигельков постройки 5, в которой, кроме того, найдены кусочки листового золота. К инвентарю постройки 18 относится капля золота весом более 5 граммов. Кроме того, в богатых жилищах найдены золотые украшения местной работы, к которым относятся грушевидные и округлые бусы, сделанные из листового золота, золотые серьги и цепочка, а также изделия, покрытые позолотой. Бесспорно, что эти материалы далеко не полно отражают объем златокузнечных работ новогрудских ремесленников. Золотых дел мастера имели дело с редким и очень дорогим материалом. Раритеты в мастерских, как правило, не задерживались и сразу же поступали именитым светским или духовным заказчикам. Надо думать, что тщательно контролировалось и сырье, из которого изготовлялись драгоценности. Новогрудские материалы, неоспоримо указывающие на то, что здесь работали «кузнецы злату», сохранились, вероятно, в силу случайных обстоятельств.

В свете археологических материалов ремесленники окольного города Новогрудка были ювелирами-универсалами, но богатство квартала могло создаваться преимущественно на основе обработки золота. Существование богатого и в силу этого замкнутого квартала златокузнецов XII—XIII вв. на территории окольного города древнего Новогрудка создало благоприятные условия для возникновения объединения этих ремесленников. Археологические материалы богатого квартала указывают на возможность существования там своей военной организации. Вал, воздвигнутый в окольном городе XII в., защищал его от внешних нападений. В случае необходимости новогрудские златокузнецы могли представлять собой боевое подразделение, а также нести сторожевую службу. В каждой из раскопанных богатых построек был набор железных стрел. В отдельных домах, кроме того, найдены меч, наконечники копий, кистень и защитное оружие (кольчуга и пластинчатый доспех). К предметам вооружения могли относиться также вещи, связанные со снаряжением всадника (шпоры, стремяна) и боевого коня.

Попытаемся рассмотреть данные о совместных пирах и постройке патрональной церкви, которые Б. А. Рыбаков считает внешними, но кояйне характерными проявлениями ранних ремесленных корпораций. Пирь, по-видимому, являлись неотъемлемой частью жизни новогрудских ремесленников. В каждой богатой постройке найдены остатки причерноморских амфор, служивших в первую очередь тарой для вина. В отдельных жилищах было по восемь—десять амфор. Приверженность жителей богатого квартала к пирам наглядно демонстрирует выдающаяся коллекция стеклянных сосудов древнерусского и восточновизантийского происхождения. Основной формой стеклянных сосудов являются бокалы и кубки, предназначенные для вина, меда и других напитков¹⁰. Эту сторону жизни характеризуют также местные образцы поливной посуды и обломки ближ-

¹⁰ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, стр. 15.

невосточных чаш и блюд, покрытых люстровой росписью¹¹. Конечно, вся эта богатая посуда могла быть предназначена и для индивидуального пользования, но могла служить и для совместных пиров.

Не менее сложен вопрос, имели ли новгородские златокузнецы свою патрональную церковь. Остатков храма на территории окольного города пока не обнаружено. Тем не менее есть все основания полагать, что он там существовал. В 1965—1967 гг. в южной части окольного города было открыто 105 христианских погребений, которые указывают, что эта территория была занята кладбищем в первой половине XII—начале XIII в. Большая часть погребений относилась к раннему кладбищу. В публикации, посвященной погребениям кладбища, открытым работами 1965 г., К. В. Павлова справедливо предполагает, что могилы располагались вблизи церкви¹². Наряду с этим новгородское кладбище имеет и свою особенность — погребения первой половины XII в. близки к постройкам этого же времени. В отдельных случаях расстояние между постройками и синхронными могилами не превышает 20 м.

Каковы же причины того, что значительная часть огражденной валом и крайне ограниченной территории, столь необходимой растущему городу, отводится под христианское кладбище? Соседство богатых жилищ и кладбища оправдано лишь в том случае, если последнее предназначалось для узкого круга прихожан церкви. Это было привилегированное кладбище. По-видимому, умершие владельцы богатых домов и члены их семей находили свой последний приют вблизи принадлежавших им жилищ. На кладбище окольного города погребены златокузнецы и их семьи, населявшие богатый квартал в первой половине XII в. Христианство нивелирует погребения, лишая их вещей; почти нет вещей и при костяках кладбища окольного города. Только отдельные находки в виде серебряных бляшек, покрытых позолотой, или золотых нитей, которыми была расшита ткань, позволяют догадываться о принадлежности погребенных к зажиточной части городского населения.

Возникновение христианского кладбища в окольном городе служит косвенным свидетельством тому, что вблизи кладбища стоял храм, а привилегированный характер этого кладбища дает возможность предполагать, что его прихожанами являлись в первую очередь златокузнецы богатого квартала. Иначе говоря, есть основания считать храм окольного города патрональной церковью. Известно, что в обязанности средневековых цехов Западной Европы входила забота об умерших собратьях по цеху и погребение их вблизи патрональной церкви¹³. Новгородское кладбище как бы дает возможность распространить эту особенность на древнерусских ремесленников. Весьма интересно, что в немецких городах XIV—XV вв. цеховые собрания проходили не только в специальных помещениях или храмах, но и на кладбищах¹⁴. Кладбище окольного города Новогрудка, находившееся в тесном соседстве с богатым кварталом, представляет интерес и в этом отношении.

Во второй половине XII в., в пору максимального расцвета богатого квартала, кладбище становится помехой для дальнейшего развития городской жизни. Оно переносится на другое место. На территории кладбища возводятся новые постройки и в их числе несколько домов ювелиров. В более позднее время (с начала XIII в. до 70-х годов этого века) здесь

¹¹ М. В. Малевская. Поливная керамика древнего Новогрудка. СА, 1969, № 3, стр. 201—202; Ф. Д. Гуревич. Ближневосточные изделия в древнерусских городах Белоруссии. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 35.

¹² К. В. Павлова. Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка. КСИА, вып. 110, 1967, стр. 39.

¹³ Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы. М., 1952, стр. 44; Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 747.

¹⁴ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Указ. соч., стр. 188.

снова было кладбище, на котором хоронили только детей, по-видимому, жителей богатого квартала.

Материалы богатого квартала окольного города древнего Новогрудка позволяют установить ряд признаков, которые, согласно Б. А. Рыбакову, характерны для ранней ремесленной корпорации. Гораздо труднее средствами археологии выяснить характер юрисдикции и административного управления богатым кварталом, без которого немислимо объединение ремесленников. Имеются лишь некоторые данные, позволяющие считать, что в богатом квартале существовало лицо, которое могло стоять во главе корпорации златокузнецов. Им мог быть хозяин повалуши — постройки первой половины XII в., стены которой покрывала фресковая роспись. В публикации материалов этой постройки отмечалось, что хозяин дома должен был занимать главенствующее положение в окольном городе¹⁵. Вероятно, можно конкретизировать это положение и рассматривать владельца повалуши, наиболее богатой постройки первой половины XII в., в качестве старшины объединения златокузнецов.

Итак, рассмотренные археологические материалы из Новогрудка почти полностью отвечают требованиям, соответствующим ранним ремесленным объединениям. Прибавим к этому строгую наследственность ювелирного ремесла, которая так характерна для цехового строя. Семьи, владевшие постройками 4 и 5 и домами 16 и 18, возведенными друг над другом, занимались обработкой цветных и благородных металлов на протяжении не менее чем 100 лет. Наиболее последовательно принцип наследования ремесла проявляется в семье, откуда, как предположено выше, вышел старшина ремесленного объединения. Цветные металлы, а впоследствии и золото, здесь обрабатывали начиная с первой половины XI в. (постройка 14) и вплоть до 70-х годов XIII в. (постройка 9). Данная семья «кузнецов злату и меди» в общей сложности работала на территории посада-окольного города более 250 лет. В этих условиях возникает прочная семейная традиция, когда вместе с имущественными ценностями по наследству передается технология ремесла, совершенствующаяся от поколения к поколению.

Особая ценность археологических материалов окольного города Новогрудка, позволяющих ставить вопрос о возможности существования здесь корпорации древнерусских златокузнецов, состоит в том, что они дают возможность проследить истоки ремесленного объединения. Новая социальная организация ремесленников возникает в Новогрудке не под внешним влиянием, а могла создаться в итоге длительного развития местной обработки цветных металлов и серебра. Бронзолитейщики входили в число первоначальных жителей посада. Горячей и холодной обработкой цветных металлов и серебра жители занимались наряду с другими ремеслами со времени основания новогрудского посада во второй половине X в.¹⁶ В XII в. обработка цветных, а особенно благородных металлов почти полностью вытесняет другие отрасли ремесленной деятельности, и создаются все условия для возникновения замкнутого богатого квартала златокузнецов. Ювелиры, занимавшиеся обработкой драгоценных металлов, составляли цвет ремесленного люда. Естественно, что в их среде могла возникнуть передовая для своего времени ремесленная организация. Привилегированное положение златокузнецов и ювелиров является характерной особенностью западноевропейских цехов. Так, в Кельне, который являлся центром золотоплавильного дела, цех златокузнецов, существовавший в XIII в., носил строго аристократический характер и пользовался большей независимостью, чем остальные ремесленные корпорации. Особое положение таких

¹⁵ Ф. Д. Гуревич. Дом боярина в древнерусском Новогрудке. КСИА, вып. 99, 1964, стр. 102.

¹⁶ Ф. Д. Гуревич. К истории Новогрудка X—XI вв. «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 27—28.

цехов подчеркивается и тем, что доступ в них был ограничен. В Брауншвейге, Гамбурге, Ульме и других немецких городах в члены корпорации златокузнецов принимались только законорожденные ремесленники. Люнебургские и бременские цехи золотых дел мастеров состояли исключительно из немцев. В городской книге Дугсбурга в перечне ремесленников ювелиры упоминаются на первом месте¹⁷.

Объединение новгородских ремесленников просуществовало недолго — с начала XII в. до 70-х годов XIII в. Город, не подвергшийся разграблению монголов, как будто не имел препятствий для того, чтобы ремесленное объединение, зародившееся на его территории, превратилось в зрелый цех. Однако политическая обстановка, сложившаяся в принеманских землях и особенно в Новгороде, не способствовала этому. Первые летописные известия об этом городе, относящиеся к 50-м годам XIII в., сообщают об упорной борьбе за Новгородок, которую ведут волынские князья, а в более позднее время и князья Литвы. Очевидно, стремление овладеть Новгородком проявлялось и в более раннее время, а это пагубно отражалось на судьбе окольного города, более доступного нападению, чем хорошо укрепленный детинец. Застройка богатого квартала заметно сокращается уже с начала XIII в. Захват окольного города в сражении 1274 г. привел к захирению богатого квартала и, следовательно, к гибели его ремесленного объединения.

Данные окольного города древнего Новгорода позволяют, таким образом, в какой-то степени аргументировать предположение о существовании древнерусских ремесленных объединений. Они подтверждают правоту историков, считающих, что в Древней Руси зарождались свои ремесленные корпорации. Они также обнадеживают, что будут найдены новые материалы, свидетельствующие в пользу этого положения. Возможно, что подобные материалы вывяжутся именно в среде златокузнецов и ювелиров в силу специфики этого ремесла, о которой говорилось выше. Особенно пристального внимания в этом плане заслуживают материалы Новгорода. Еще в 1948 г. Б. А. Рыбаков обратил внимание на два новгородских серебряных сосуда, подписанных именами Братилы и Косты, и предложил рассматривать эти сосуды в качестве предметов, изготовленных для получения звания мастера, подобно тому как это имело место в западноевропейских цехах¹⁸. Заметим также, что в археологических материалах Новгорода хорошо прослеживается передача ювелирного дела по наследству¹⁹. Правда, не каждый случай наследования ремесла свидетельствует о существовании объединения ремесленников, но в сочетании с другими особенностями организации данного вида ремесла это явление весьма характерно для ремесленной корпорации.

Археологические исследования показали, что древнерусские города являлись полнокровными центрами ремесла и торговли и по праву могли стоять в одном ряду со средневековыми городами Запада и Востока. Новгородок — этот небольшой древнерусский город с его зарождающейся ремесленной корпорацией — дает возможность предположить, что объединения ремесленников могли формироваться не только в крупных, но и в более мелких городах домонгольской поры.

¹⁷ R. Karscher. Das Deutsche Gold- und Schmiedehandwerk. Leipzig, 1911, стр. 55, 70, 84.

¹⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 294—300.

¹⁹ Н. В. Рындина. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. МИА. № 117, 1963, стр. 226.

О. В. ОВСЯННИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКОГО ОБОРОННОГО ЗОДЧЕСТВА XVII В.

Появление во второй половине XV в. принципиально новой схемы оборонительных сооружений, меньше связанных с рельефом местности и имеющих геометрически правильную форму плана (четырёхугольника, реже трех- или пятиугольника), определялось развитием новой тактики обороны и осады крепостей, основанной на применении огнестрельного оружия¹. Однако применение огнестрельного оружия, обеспечивающее активную оборону по всему периметру крепости, очень часто удачно сочеталось с защитными свойствами рельефа. Поэтому оборонительные сооружения, являвшиеся не крупными поселениями, а только военными крепостями (особенно порубежные крепости), продолжали максимально использовать рельеф местности на протяжении всего средневековья.

В XVI—XVII вв. строительство укреплений в значительной мере отражало те бурные социально-экономические процессы, которые происходили в русском централизованном государстве. Большинство укрепленных поселений эпохи феодальной раздробленности, стоявших на внутренних магистралах, забрасывается. Новые укрепления возводятся на территории развитых посадов, тесно связанных с водными торговыми путями и не имевших ранее никаких оборонительных сооружений². Значимость населенного пункта, численность посадского населения влияли на планировку города — это был в плане четырёхугольник или многоугольник с меньшим или большим числом фланкирующих башен. Для усиления защитной линии крепостей широко используются дополнительные оборонительные конструкции: наряду со рвом и осипью — частич, надолбы, рогатки и т. д. Острожные укрепления перед городскими стенами возводятся не только в качестве оборонительной линии посада (при растянутости посада на несколько километров такая линия обороны нередко была нецелесообразна), но и как первая линия обороны самого города³. Город (кремль) в позднесредневековой Руси превратился исключительно в военно-административный центр всего поселения.

¹ П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, № 2, стр. 56—62; В. В. Косточкин. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI вв. М., 1962, стр. 183, 184.

² Особенно отчетливо этот процесс можно видеть на территории Русского Севера (см.: О. В. Овсянников. Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере. «Культура и искусство древней Руси». Л., 1967, стр. 164—173).

³ Например, вокруг деревянного рубленого Архангельского города (1583 г.) протяженностью 296 саж. с семью башнями стоял с трех сторон острог «на иглах» протяженностью всего 312,5 саж. с шестью башнями, т. е. острог почти вплотную стоял у городской стены (Писцовая книга 1622—1624 гг. ЦГАДА, Поместный приказ, ф. 1209, кн. 9, лл. 1а—12).

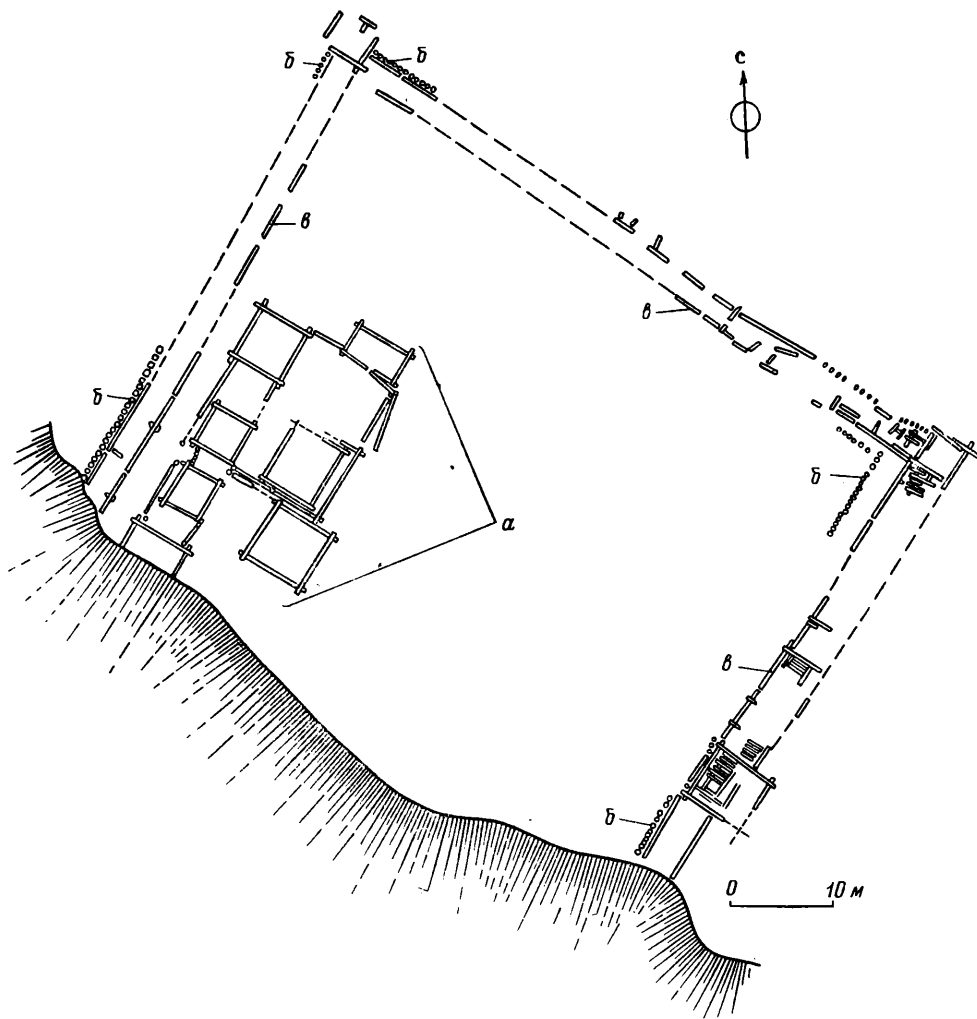

Рис. 12. Мангазейский кремль. План раскопок
 а — первоначальное укрепление; б — острог 1604 г.; в — город — 1607 г.

Освоение обширных зауральских земель в конце XVI—XVII вв. сопровождалось, а точнее опиралось, на широкую градостроительную деятельность. По существу Сибирь явилась огромным полигоном, где проверялись гибкость и жизненность русской военно-инженерной традиции. Военная архитектура Сибири — важная часть русского оборонительного зодчества XVI—XVII вв., и изучение ее неотделимо от важнейших историко-культурных проблем позднесредневековой Руси.

Особенность социально-экономического и политического развития русских городских центров в Сибири заключалась в том, что их появление всегда начиналось с постройки крепости, под прикрытием стен которой возникал и рос посад. Поэтому темпы строительства там были другие, чем «на Руси», — строили малыми силами и «в спешке»; первые укрепления обычно носили временный характер и вскоре заменялись более мощными деревянными конструкциями⁴. Исследований, посвященных русскому

⁴ Обычно царский указ предписывал: «Лес на город ронити лехкой, и чтобы вскоре город зделати, а сперва поставить острог» (РИБ, т. II, 1875, стр. 106).

оборонному зодчеству в Сибири, немного⁵, хотя остатки сибирских крепостей (Якутск, Братск, Бельск, Илимск) постоянно упоминаются в работах о русской сибирской архитектуре. В связи с этим для изучения русского оборонного зодчества начала XVII в. большой интерес представляет археологическое исследование укреплений Мангазейского города, тем более что это один из немногих примеров археологического изучения городских укреплений позднесредневековой Руси⁶.

По письменным источникам можно выделить три строительных этапа в возведении мангазейских укреплений: 1) 1601 г. — острог; 2) 1607 г. — рубленый город; 3) вторая четверть XVII в., когда делаются попытки восстановить городские укрепления, пострадавшие от пожара⁷.

Мангазейский кремль стоял на более высокой части берега р. Таз (перепад высот города и посада около 2 м), как бы прикрывая посад с запада (рис. 122). Раскопками были вскрыты остатки деревянных укреплений лишь трех стен — северо-западной, северо-восточной и юго-восточной; четвертая стена крепости, проходившая вдоль берега р. Таз, не сохранилась (здесь и сейчас наблюдаются активные береговые оползни). Сохранившиеся участки городской стены и открытые остатки башен, а также протяженность прясел между башнями почти соответствуют данным Расписного списка 1625—1626 гг.⁸

Кроме срубных городских стен, около них открыты участки острожных стен из вертикально врытых бревен. Особенно отчетливо они прослеживаются в юго-западном и северо-восточном углах крепости⁹. Хорошо сохранившиеся бревна острожной стены в юго-западном углу крепости дали несколько неожиданную дендрохронологическую дату — 1604 г., спилы с городен подтвердили дату письменных источников — 1607 г.

Таким образом, получается, что до 1604 г. Мангазея не имела ни острога, ни города. Предположение о местонахождении первоначального укрепления в другом месте полностью отпадает — обширные комплексы воеводских дворов, первые постройки на посаде строились из леса, заготовленного (судя по данным дендрохронологического анализа) в период с осени 1600 г. — до июля 1601 г. В наказе 1603 г. новому мангазейскому воеводе Ф. Булгакову велено было принять «острожные ключи и острог и на остроге наряд»¹⁰.

Можно предполагать, что было какое-то укрепление до острога 1604 г., однако на всей исследованной территории городища (исследована почти вся древнейшая — прибрежная часть памятника) не найдено ни одного бревна, срубленного до 1600 г. Основой для первого мангазейского укрепления, вероятнее всего, явился воеводский двор, построенный в 1601 г. Стены этого укрепления представляли собой чередование глухих фасадов

⁵ Н. В. Султанов. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. ИАК, вып. 24, 1907; В. И. Кочамаев. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. КСИА, вып. 113, 1968, стр. 67—73; он же. Тобольск (Как рос и строился город). Тобольск, 1963.

⁶ М. И. Белов, О. В. Овсянников. Раскопки древней Мангазеи. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 246—248; М. И. Белов. Мангазея. Л., 1969, стр. 45—52.

⁷ В. А. Александров считает, что посланные в 1601 г. воеводы В. М. Кольцо-Масальский и С. Е. Пушкин лишь завершили укрепление занятого М. М. Шаховским небольшого городка, ранее поставленного русскими промышленными людьми (В. А. Александров. Русское население Сибири XVII—начала XVIII в. М., 1964, стр. 18). М. И. Белов первый острог в Мангазее датирует в одной и той же работе то 1601 г., то 1604 г., причем вторая дата — дендрохронологическая (М. И. Белов. Мангазея, стр. 37, 123). О восстановлении мангазейских укреплений см.: Г. Ф. Миллер. Сибирская история, т. II. М.—Л., 1941, стр. 529, 530.

⁸ РИБ, т. II, 1875, стр. 430—433.

⁹ В. Н. Чернецов считал, что это свайные фундаменты башен (В. Н. Чернецов. О работах Мангазейской экспедиции. КСИИМК, вып. XX, 1947, стр. 160, 161, рис. 49).

¹⁰ Г. Ф. Миллер. Сибирская история, стр. 174.

построек с пряслами стен из горизонтальных бревен, забранных в вертикальные пазы врытых столбов¹¹. Точно так же в 1597 г. начиналась постройка Верхотурья, где, учтя крутизну берега, решили, что «тому месту городовая стена ненадобе...», а по тому месту «хоромы поставить в ряд, что город же, да избы поделать и двory поставить постенно» (здесь были поставлены воеводские хоромы, на которых «поделаны бои») ¹². Конструкция стен, составной частью которых являются двory, поставленные «постенно», широко применялась в Сибири на протяжении всего XVII в. В описании Козелчатого ясачного острожка на р. Ковыме (1678 г.) — «в острожке две избы с нагоротнями, онбар казенный, в стене» ¹³.

Первое мангазейское укрепление имело временный характер. Следующий этап оборонного строительства приходится на время воеводства Ф. Булгакова, при котором в 1604 г. возведены острожные стены и, вероятно, расширена площадь крепости. Острог был стоячий «на иглах», из еловых бревен диаметром 15—25 см. Бревна вкопаны неглубоко — около 0,5 м. На торцовой части всех сохранившихся бревен в юго-западном углу крепости хорошо прослеживается треугольный вырубленный «замок» для крепления в положенной на дне рва лаге, однако такой лаги не было положено. Такое укрепление, несомненно, не соответствовало роли, которую Мангазея играла в первые годы XVII в. на севере Сибири, поэтому в 1607 г. был поставлен рубленый город. В плане и в размерах город почти полностью повторил острог (западная стена города была поставлена за прежней острожной, а восточная перед ней). Расписной список 1625 г. описывает Мангазейский кремль как пятибашенную (с одной проезжей башней) крепость, довольно маленькую, «а вокруг всего города 131 сажень, непечатных» ¹⁴. Характерно, что Мангазейский город (как и предшествующие ему укрепления) не имел ни рва, ни осыпи, что объясняется мерзлотностью почвы. Городская стена не имела никаких нижних и средних боев (возможно, на западной стене была сохранена до обломов острожная стена — поэтому она все же сохранилась лучше, чем на других участках), а весь немногочисленный «наряд» был сосредоточен на башнях.

Улавливаются ли археологические следы пожара 50-х годов XVII в. и перестройки города вслед за этим? Углистые прослойки прослежены в районе северо-западной (Ратиловской) и северо-восточной (Успенской) башен, но именно вся северная напольная сторона крепости, выходящая в тундру, сохранилась очень плохо, и связать фрагменты деревянных конструкций с перестройкой 50-х годов с уверенностью нельзя.

По Расписному списку 1625—1626 гг. городская стена состояла из городен. Определение городен, данное еще Ф. Ласковским, характеризует их, как ряд отдельных срубов, примыкавших друг к другу ¹⁵. Однако стены мангазейского города более похожи на тарасы, хотя они и не засыпались землей, — две параллельные стены из еловых и лиственничных бревен диаметром 15—20 см, имеющие перерубы через 3,5—4—4,5 м. Очевидно, го-

¹¹ Впоследствии воеводский двор был разгорожен стенами на две половины — северную и южную.

¹² РИБ, т. II, 1875, стр. 56. Первая крепость в Верхотурье имела и угловые башни — «для очищенья с тех башен стен и за реку» (термин «очищение» встречается как в Сибири, так и на Руси. См. Смотренный список Суздаля 1676 г. — «башня башню боем очистит», «башня башню боем не очистит». ДАИ, т. IX, 1875, стр. 18).

¹³ ДАИ, т. VIII, 1862, стр. 29. В. И. Кочедамов считает, что в более раннее время в сибирских острожках изба «с нагоротными» ставилась лишь вместо угловых башен (А. И. Кочедамов. Указ. соч., стр. 69).

¹⁴ РИБ, т. II, стр. 430—433. Итоговая цифра в Расписном списке выведена неточно — длина прясел составляет 109 саж. и еще «вкруг башен» — 40 саж.

¹⁵ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. I. СПб., 1858, стр. 83.

родни — не обязательно отдельные срубы, а просто часть рубленой стены, ее звено¹⁶.

Мангазейский посад, по-видимому, не имел самостоятельной оборонительной линии. Это подтверждается тем, что острожные и городские укрепления ставились на одном и том же месте. Об этом же свидетельствует и полоса отчуждения — около 50 м шириной между городом и посадом, совершенно лишенная культурного слоя. Вряд ли мангазейский посад был большим, основную часть населения составляли сезонные промышленники, постоянное население состояло из служилых людей и их семей. После постройки острога в Туруханском зимовье (1672—1675 г.) Мангазейский город окончательно потерял свое военное значение, хотя для «береженья» города в нем некоторое время жили еще 20 стрелецких семей.

Конструкции деревянных стен в сибирских крепостях самые разнообразные — остроги и на иглах и косые, рубленые стены и горизонтальные бревна, забранные во врытые столбы. В «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова отмечено, что лишь несколько городов имели рубленые стены, а большинство — острожные¹⁷.

Большинство сибирских острогов и городов имело регулярную планировку — это были пяти-восьми-башенные кремли с огнестрельным «нарядом» на башнях¹⁸. Временные укрепления в Сибири, как и сменявшие их потом более мощные деревянные конструкции, строились с учетом средств осады возможного противника. В тех случаях, когда местные племена нападали на русские крепости, они редко применяли осаду, обычно стремились захватить укрепление «изгоном». Огнестрельного оружия, а тем более осадной артиллерии, они не имели. Это позволяло использовать помещения внутри рубленых стен под амбары и жилые помещения, а не засыпать их землей.

Строительная история мангазейских укреплений типична для русских городов Сибири конца XVI—XVII вв., особенно для тех, которые, пережив непродолжительные годы расцвета, вскоре потеряли свое военно-административное и экономическое значение. Нет оснований для выделения каких-то существенных региональных особенностей крепостного зодчества Сибири, оно носит ярко выраженный общерусский характер.

¹⁶ П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. МИА, № 52, 1956, стр. 123.

¹⁷ М. А. Фриде. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам. ИРАИМК, т. II, 1924, стр. 129.

¹⁸ Первый острог в Тобольске в 1587 г., а затем и город в 1594 г. поставлены из «ладейного», т. е. судового леса (В. И. Кочедамов. Указ. соч., стр. 7, 8); в 1628 г. «дощаной» возводится Красноярская крепость (В. А. Александров. Указ. соч., стр. 53). Существовали остроги, не имевшие башен, — Кецкий, Балаганский, Уртамский (Н. В. Султанов. Указ. соч., рис. 2, 13, 25).

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. А. ГОРЮНОВ

СЕЛИЩЕ ЦЕЛИКОВ БУГОР НА СРЕДНЕЙ ДЕСНЕ

В 1969 г. Деснинским отрядом ИА АН СССР, возглавляемым П. Н. Третьяковым, произведены раскопки селища в урочище Целиков Бугор на левом берегу р. Смяч, в ее устье, в 7—8 км выше г. Новгород-Северского по течению р. Десны.

Селище занимает оконечность дюны неправильной конфигурации. Дюна вытянута с севера на юг вдоль правого берега Десны и возвышается над поймой на 2,5—4 м. С запада и юго-запада к ней близко подступает заболоченная низина — старое русло р. Смяч. На северо-востоке дюна подходит к старице Десны. В направлении с севера на юг селище простирается на 80—90 м, с запада на восток — на 40—50 м. Раскоп площадью 168 кв. м заложен на юго-западном склоне, на месте обнажения культурного слоя. Кроме того, на другом противоположном склоне дюны были заложены три траншеи (общей площадью 66 кв. м), в которых слабо выраженный культурный слой толщиной не более 0,2 м содержал в основном керамику бронзового века. В раскопе под дерном открыт гумусированный темно-серый слой, почти одинаковый на всей площади раскопа. Его толщина до 0,25—0,3 м. Культурный слой содержал исключительно керамику, относящуюся к середине I тысячелетия н. э. и сосредоточенную в основном на месте жилых построек. Открыты три жилища-полуземлянки и несколько хозяйственных ям.

Жилище 1 (рис. 13, 1) находилось в южной части раскопа. Оно четырехугольное, почти прямоугольное в плане и ориентировано по странам света (западная и частично южная стенки землянки разрушены). Размеры котлована — 3,7 × 3,1 м, высота стенок 0,1—0,4 м. Пол ровный, с небольшим наклоном к юго-западу. В полу прослежено пять более или менее округлых ям. Три из них — одна в центре и две в углах — диаметром около 0,3 м, видимо, столбовые. Две другие, более крупные, имели скорее всего хозяйственное назначение. В одной из последних ям найдены истлевшие кости животных. Расположение и число столбовых ям не позволяют говорить о столбовой конструкции жилища. Стены его, видимо, были срубными. Вход, по всей вероятности, находился с западной или южной стороны, место очага не установлено. К южной стене жилища примыкает округлая яма (диаметр 1,5 м, глубина 0,42 м), не давшая никаких находок.

Заполнение жилища состояло из гумусированного слегка углистого песка. Собрано 235 фрагментов керамики, большая часть которых находилась в верхней части заполнения. Здесь же найдена поделка из бронзы (рис. 14, 14). Среди керамики жилища, исключительно лепной, преобладают обломки горшков средних размеров с округлым изги-

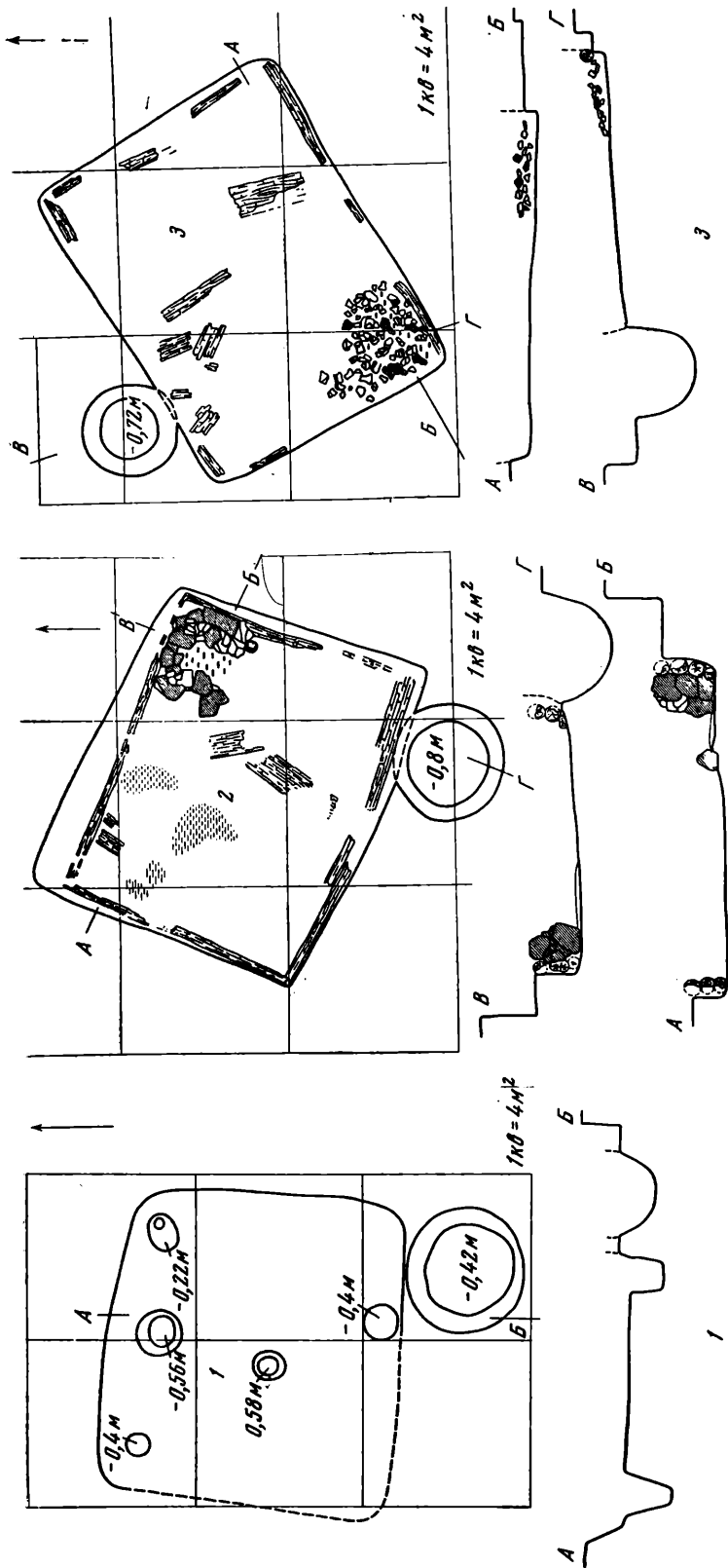

Рис. 13. Селище Целков Бугор. Планы и разрезы полуземлянок
 1 — жилище 1; 2 — жилище 2; 3 — жилище 3

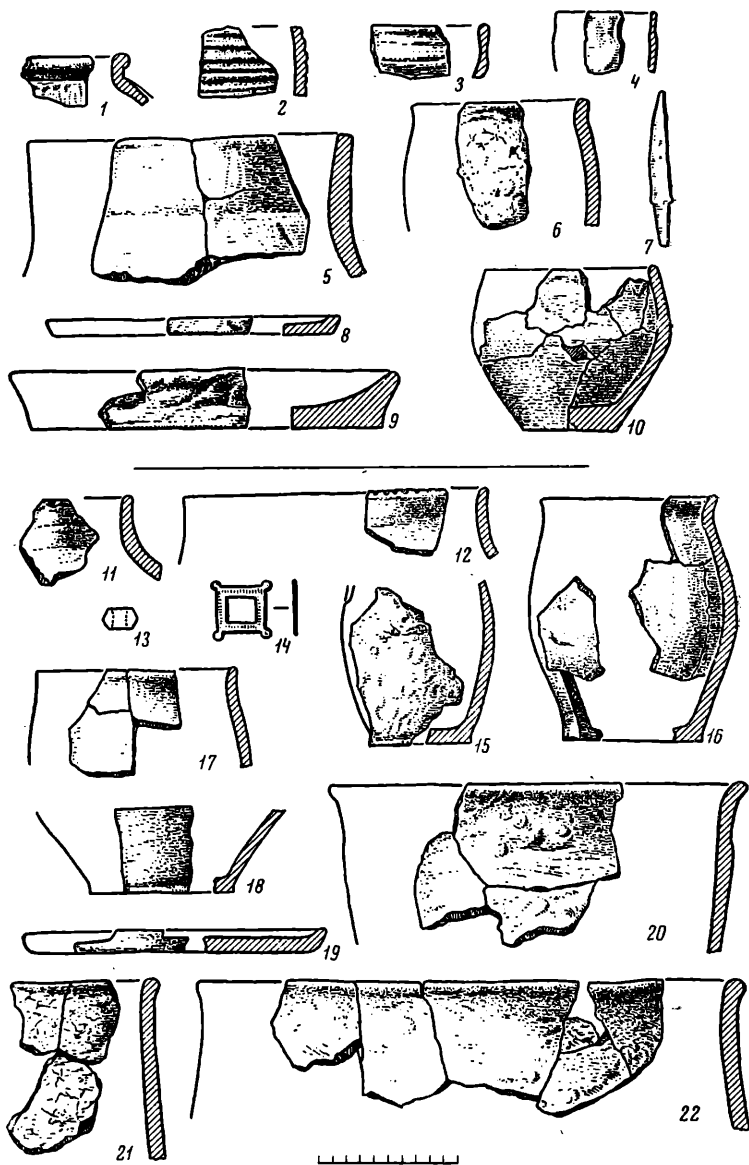

Рис. 14. Селище Целиков Бугор. Керамика и отдельные вещи
1—10 — из жилища 2; 11—22 — из жилища 1

бом стенок на середине высоты и коротким, отогнутым наружу венчиком. Стенки сравнительно тонкие, толщина 0,6—0,7 см; дно чаще всего с закраиной. В тесте различается примесь шамота или крупного песка, иногда присутствуют и шмот и песок. Поверхность сосудов шероховатая или бугристая. Полный профиль одного такого горшка удалось восстановить (рис. 14, 16). Другие обломки принадлежат небольшим горшкам с коротким вертикальным венчиком и содержат примесь толченого кварца и шамота (рис. 14, 17). К грубой керамике, изготовленной из плохо промешанной глины с примесью шамота или толченого кварца, относятся также обломки трех крупных сосудов (рис. 14, 21, 22) с непрофилированным, слегка сужающимся к горловине, верхом (диаметр горловины самого большого из них составляет около 50 см) и одного горшка с коническим туловом и намеченным уступом венчиком (рис. 14,

20). Керамика с гладкой и лощеной поверхностью представлена небольшим числом мелких обломков реберчатых горшков или мисок. Хорошо заглаженную поверхность имеют горшки с покатыми плечиками и прямым вертикальным венчиком, украшенным по краю насечками или ямками (рис. 14, 11, 12). Они представлены всего тремя обломками.

Из этого жилища происходят также обломок сковородки (рис. 14, 19) и биконическое лощеное пряслице (рис. 14, 13).

Жилище 2 (рис. 13) обнаружено в 4 м к северу от первого. Оно углублено в материк до 0,5 м, ориентировано углами по странам света. Стенки котлована отвесные. Вдоль них прослежены остатки трех нижних горелых венцов сруба. Стены жилища были рублены в лапу из сосновых бревен толщиной 0,15—0,2 м. Размеры сруба 3 × 4 м. Яма, в которую он был опущен, имела несколько большие размеры. Пол ровный, горизонтальный, со следами глиняной обмазки в некоторых местах; каких-либо ям в полу не оказалось.

В восточном углу полуземлянки располагалась прямоугольная в плане печь, сложенная из крупных кусков железной руды и небольших камней (гранит и кварцит). Она непосредственно примыкала к срубным стенам, обмазанным в этом углу глиной. Толщина обмазки 3 см. Наиболее массивные куски железной руды лежали в основании стенок печи. Стенки имели примерно одинаковую толщину — около 0,4 м. Топка в плане близка к прямоугольной, устьем обращена к юго-западной стене. Свод не сохранился. Песчаный под находился на уровне пола. Внешние размеры печи 1,2 × 0,9 м. Возле печи, справа от устья, на полу найден раздавленный лепной горшок (рис. 14, 10). Вплотную к жилищу с юго-запада примыкала округлая в плане яма диаметром 1,5 м, глубиной 0,8 м, не давшая находок.

Котлован полуземлянки был заполнен гумусированным песком, вокруг печи — серовато-желтым, в западной части — темным, слегка углистым, а пол его перекрыт углистым слоем толщиной 0,12—0,16 м. Керамика найдена в небольшом количестве — всего 53 фрагмента, из которых три принадлежат гончарным, остальные лепным сосудам. Среди лепной керамики имеются обломки крупного горшка, отличающегося плотным тестом содержащим мелкий песок, и высоким цилиндрическим венчиком (рис. 14, 5). Горшок, найденный около печи, имел тулово, близкое к биконическому, и невыделенный венчик. На дне видна округлая ямка, оставленная, по-видимому, подставкой, на которой лепился сосуд. Один из обломков принадлежит сковородке с высоким бортиком (рис. 14, 9). В целом лепная керамика жилища 2 заметно отличается от посуды первой постройки. Правда, среди этой керамики имеются и такие обломки, которые неотличимы от найденных в жилище 1. Но они, как правило, мелкие и невыразительные и, возможно, попали сюда случайно. Это тем более вероятно, что те формы, которые не находят соответствия в посуде жилища 1, представлены крупными обломками и даже почти целым горшком.

Обломки гончарной посуды необычны для деснинских древностей до-роменского времени. Один из найденных здесь обломков принадлежит серой реберчатой миске (рис. 14, 3), другой — венчику горшка (рис. 14, 1) и, наконец, третий — стенке амфоры с рифленой поверхностью (рис. 14, 2). Помимо керамики, в жилище 2 найден железный нож (рис. 14, 7).

Жилище 3 (рис. 13, 3) исследовано в 10 м к северу от второй полуземлянки. Оно в плане прямоугольное, размеры его 4,2 × 3,2 м, ориентировано углами по странам света. Котлован жилища углублен в дюнный песок всего на 0,15—0,25 м. К стенкам его прилегалли остатки нижнего горелого венца сруба. Остатки горелых бревен, по-видимому от перекрытия, встречены также в отдельных местах на полу. Пол ров-

ный, горизонтальный, следы обмазки глиной не наблюдались. В южном углу жилища находились остатки полностью разрушенной печи-каменки. Развал небольших камней и кусков железной руды занимал пространство около $1,2 \times 1,2$ м. Под ним прослежен тонкий углистый слой. Эта полуземлянка, так же как и два первых жилища, имела хозяйственную яму. Она располагалась снаружи жилища, впритык к его северо-западной стене, напротив печи. Диаметр ямы 1,1 м, глубина 0,8 м. Она заполнена темно-серым песком, в котором на разной глубине найдены пять лепных черепков середины I тысячелетия н. э. и один бронзового века.

Заполнение жилища — гуммусированный, местами углистый песок с включениями горелого дерева. Керамики найдено немного (31 фрагмент). Обломки керамики в большинстве мелкие и невыразительные. Четыре обломка принадлежат сковородкам, остальные лепным сосудам баночной и реберчатой формы с бугристой и за редким исключением лощеной поверхностью. Кроме керамики, найден обломок лезвия железного ножа.

Помимо жилищ, на поселении обнаружено девять округлых в плане ям, имевших, видимо, хозяйственное назначение. О трех из них, связанных с жилищами, уже шла речь. Остальные ямы имели ту же форму. В большинстве случаев они имели почти отвесные стенки, плоское или вогнутое дно. Диаметр ям колеблется от 1 до 1,5 м, глубина от 0,4 до 0,8 м. В заполнениях попадались отдельные лепные черепки, относящиеся как к бронзовому веку, так и к середине I тысячелетия н. э.

Жилища 2 и 3 по своей конструкции, планировке и типу печей вполне аналогичны славянским полуземлянкам второй половины I тысячелетия н. э. Жилище 1, по-видимому, было срубным и имело опорный столб в центре и открытый очаг. Подобные постройки известны на многих поселениях поречья Средней Десны. Это — Левкин Бугор¹, Форостовичи, Колодезный Бугор, Лавриков Лес². Сходные жилища известны и на Гомельщине (Колочин)³ и даже в Среднем Поволжье (Рождествено)⁴. Во всех приведенных случаях они датируются серединой I тысячелетия н. э. В Верхнем Поднепровье жилища такой конструкции распространены и в более раннее время⁵. Вероятнее всего, жилище 1 исследуемого поселения не одновременно жилищам 2 и 3. В какой-то мере это подтверждается отмеченными выше особенностями керамики жилищ.

Датировка жилища 1 может быть основана на конструктивных особенностях этого жилища и типологии керамики, найденной в его заполнении. Жилища-полуземлянки с опорным столбом в центре и открытым очагом обнаружены, как уже было сказано, на ряде деснинских поселений, из которых наиболее обоснованную дату имеет Лавриков Лес. В одном из жилищ этого поселения встречена арбалетная фибула с подвязной ножкой IV в. В этой связи жилище 1 исследуемого памятника можно предварительно датировать IV—V вв. Время жилищ 2 и 3 не может быть определено с достаточной точностью. Ясно, однако, что они относятся к дороменскому времени. Наиболее вероятная дата их V—VII вв.⁶

¹ Э. А. Сымонович. Поселения VI—VII вв. на Черниговщине. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 64—65, рис. 22.

² Архив ЛОИА. П. Н. Третьяков и Е. А. Горюнов. Отчет об археологических исследованиях в Новгород-Северском и Сосницком районах Черниговской области в 1969 г.

³ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 118, рис. 16.

⁴ В. Ф. Генинг. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии. МИА, № 80, 1960, стр. 131—133, рис. 1.

⁵ О. Н. Мельникова. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, стр. 33—38, рис. 2, 3, 12; Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1-19, 1965, табл. 2, 2; Ф. М. Заверняев. Почепское селище. МИА, № 160, 1969, стр. 93—98, рис. 5—7.

⁶ Датировка жилища 2 по методу C₁₄ (ЛЕ-886) — 820 г. н. э. ± 50.

К. И. КОМАРОВ

НАХОДКА РАННЕСЛАЯНСКОЙ КЕРАМИКИ
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Поселение эпохи поздней бронзы на западной окраине с. Ярлуково Грязинского района Липецкой обл. (пункт 360 в полевых отчетах) открыто сотрудниками Верхнедонской экспедиции В. А. Сериковым и Н. Я. Путиловым в 1967 г. и раскапывалось сотрудницей той же экспедиции Р. Ф. Ворониной в 1968 г.¹ Оно расположено на краю боровой террасы правого коренного берега р. Матыры около устья оврага, в 5 м над современным уровнем реки.

В северной части одного из жилищ эпохи бронзы обнаружено большое углистое пятно овальной формы длиной 14 и шириной 8 м. Оно выделялось более интенсивной углистой консистенцией и прорезало жилище эпохи бронзы, углубляясь в материк на 0,3 м. На верхнем горизонте пятна расчищены остатки обугленных, беспорядочно расположенных деревянных плах; в нижней части найдены ямы от столбов диаметром 0,2—0,3 м и глубиной 0,1—0,2 м. Вероятно, здесь было какое-то жилище (площадью свыше 100 кв. м) более позднего времени, чем постройка бронзового века.

Столбовые ямы 1, 2, 3 были расположены по средней линии жилища и, видимо, были остатками конструкции, поддерживающей кровлю. Внутри жилища прослежено два очага. Первый, расположенный в середине южной половины жилища, имел овальную форму до 2 м в поперечнике, был несколько заглублен в пол жилища и состоял из слоя золы толщиной 0,2 м. Второй очаг — слой золы с прокаленными обломками гранита — находился в северо-восточной части жилища.

К северу от первого очага найдены обломки большого раздавленного сосуда (рис. 15, 3). У северной стенки жилища находились обломки второго сосуда (рис. 15, 1). Кроме того, в заполнении жилища найдены фрагменты еще трех сосудов. Здесь же встречались мелкие обломки неопределенных железных предметов и керамика эпохи бронзы, несомненно относящаяся к более раннему времени.

Наибольший интерес представляет найденная в жилище керамика. Все сосуды лепные, без орнамента. Один из них (рис. 15, 3) — крупный горшок с диаметром венчика 27 см и высотой не менее 36 см. Днище отсутствует. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосуда, слегка отогнутый наружу венчик имеет прямой срез, шейка слабо про-

¹ Б. Г. Тихонов. Отчет Верхнедонской экспедиции о раскопках памятников эпохи бронзы. Архив ИА; Р-1, 3712; Р. Ф. Воронина, В. П. Левенок, В. И. Матвеева, Б. Г. Тихонов. Работы Верхнедонской экспедиции. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 35.

Рис. 15. Сосуды из раннесредневекового жилища

филирована, тулово в виде слегка выпуклого усеченного конуса. Сосуд относительно тонкостенный, тесто плотное с примесью дресвы и слюды, обжиг довольно равномерный, поверхность коричневая, местами темно-коричневая.

Другой сосуд (рис. 15, 1) — крупный тюльпановидный горшок высотой 38 см, диаметр венчика — 32 см, диаметр дна — 14,5 см. Наибольший диаметр находится на середине его высоты. Нижняя часть тулова слегка вогнута, днище выступает за стенки сосуда, толщина которых достигает 10 мм. Поверхность сосуда бугристая, серо-коричневая, в тесте имеется крупнозернистая примесь кварца, дресвы и слюды, обжиг слабый.

Третий сосуд имеет высоту 37 см, диаметр дна — 16 см, диаметр венчика — 32 см (рис. 15, 2). От второго сосуда он отличается более отог-

нутым наружу венчиком и иной формой. Наибольший его диаметр находится в верхней трети высоты, тулово имеет вид правильного усеченного конуса, днище немного выступает за стенки сосуда.

Остальные два сосуда представлены фрагментарно. Один из обломков принадлежал большому толстостенному горшку серого цвета с примесью мелкого песка в тесте. Почти вертикальный венчик прямо срезан, шейка отсутствует. Второй — от небольшого горшка светло-коричневого цвета с крупнозернистой примесью в тесте. Его венчик близок верхнему краю описанного выше второго сосуда.

Первый сосуд принадлежит к керамике типа Корчак². Третий сосуд, видимо, относится к тому же типу, но, судя по форме, тесту и примесям, по времени позднее первого.

Напротив, второй сосуд (рис. 15, 1) находит ближайшие аналогии в керамике городища Колочин I на Гомельщине³, Кветуньского могильника на Брянщине⁴ и некоторых памятников под Курском⁵. Видимо, к тому же типу относятся и отдельные фрагменты.

Сосуды типа Корчак в бассейне верхнего Дона найдены впервые. Подобные сосуды изредка встречаются в некоторых роменских комплексах Днепроовского лесостепного левобережья и составляют основной материал на славянских памятниках VI—VIII вв. н. э., расположенных западнее Днепра, на Волини и в южной части Припятского Полесья⁶.

Описанный выше первый сосуд типологически датируется VII в. Однако вместе с ним в жилище найден горшок (рис. 15, 2) более позднего времени. Поэтому весь комплекс можно отнести к рубежу VII—VIII вв. н. э. Сосуд колочинского облика принадлежит к древностям, отнесенным большинством исследователей к восточнобалтским⁷.

Находка Верхнедонской экспедиции может уточнить отдельные детали расселения славян в Восточной Европе. По-видимому, подобные памятники на Дону не единичны. Интерес вызывает и нахождение славянской и балтской керамики в одном комплексе. Может быть, это явится одним из фактов, подтверждающих участие какой-то части балтского этноса в сложении роменско-боршевской культуры.

² Ю. В. Кухаренко. Памятники пражского типа на территории Приднепровья. «Slavia antiqua», t. VIII. Warszawa—Poznań, 1960, стр. 111—124; И. П. Русанова. Поселение у с. Корчака на р. Тетерева. МИА, № 108, 1963, стр. 119, рис. 7, 3.

³ Э. А. Сымонович. Городище Колочин I на Гомельщине. МИА, № 108, 1963, стр. 119, рис. 17.

⁴ Л. В. Артишевская. Могильник раннеславянского времени на р. Десне. МИА, № 108, 1963, стр. 90, рис. 3; В. А. Падин. Раннеславянские поселения и могильник в районе Трубчевска. СА, 1960, № 3, стр. 317, рис. 1.

⁵ А. Е. Алихова. Авдеевское селище и могильник. МИА, № 108, 1963, стр. 72, рис. 4, 3; Ю. А. Липкин. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 44—51.

⁶ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 144, рис. 1; В. В. Седов. О юго-западной группе восточно-славянских племен. «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 197—203.

⁷ И. П. Русанова. Указ. соч.; В. В. Седов. Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье. СА, 1965, № 4, стр. 52—62.

Г. Ф. СОЛОВЬЕВА

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ г. РОГАЧЕВА
ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

У с. Гадиловичи Рогачевского района Гомельской области расположена группа курганов, насчитывающая ныне около 200 насыпей (одна часть ее — 12 курганов находится в поле к югу от села и раскопана полностью С. С. Ширинским, другая — в лесу на берегу старицы Днепра). Раньше число курганов доходило до 400.

Впервые исследование гадиловичских курганов производил А. Н. Лявданский. Им было раскопано 12 курганов: умершие лежали на слое пепла на горизонте, головой ориентированы на запад. Мужские погребения вещей не имели, женские содержали радимичский набор украшений (семилучевые височные кольца, бусы, привески и др.)¹.

В течение 1964—1965 гг. Радимичской экспедицией раскопано во второй части могильника 22 кургана.

Высота насыпей от 1 до 3 м, диаметры оснований от 5 до 15 м; все курганы густо заросли лесом, большинство их попорчено в период Великой Отечественной войны.

Преобладают погребения на горизонте на зольном слое, который занимает всю площадь основания кургана. Как правило, к центру кургана этот слой тоньше (0,1—0,15 м), а по краям заметно увеличивается, образуя зольное кольцо («огненный круг»), высота которого в отдельных случаях достигает 0,5—0,8 м.

Такие погребения открыты в следующих насыпях:

Курган 1. Высота 1,2 м, диаметр 7 м. На материке открыто зольное пятно толщиной 0,25 м, на котором погребен умерший (на спине, головой на запад с отклонением к югу). В золистом слое обнаружены обломки лепных сосудов.

Курган 2. Высота 1,15 м, диаметр 6 м. Положение умершей такое же, ориентировка западная. На пальце правой руки найдено серебряное витое кольцо, в области шеи — бусы (стеклянные синие, бисер, позолоченные боченкообразные и др.), в насыпи два обломка гончарного горшка.

Курган 5. Высота 1,2 м, диаметр 6 м, толщина зольного слоя 0,1 м. Умерший положен на спине, головой к востоку. В области таза найдены два поясных кольца, а в насыпи — черепки гончарного сосуда.

Курган 6. Высота 0,8 м, диаметр 11,3 м. На горизонте, на пепельном слое прослежены остатки деревянного сруба (домовины) размерами 1,5×3 м (высота сруба не установлена). В центре домовины на пепельном слое находилось женское погребение, ориентировка западная, на

¹ А. Н. Лявданскі. Кароткае паведамленне аб досьледах культур эпохі жэлезы ў БССР ў 1930—1931 гг. «Працы», III, 1932, стр. 232.

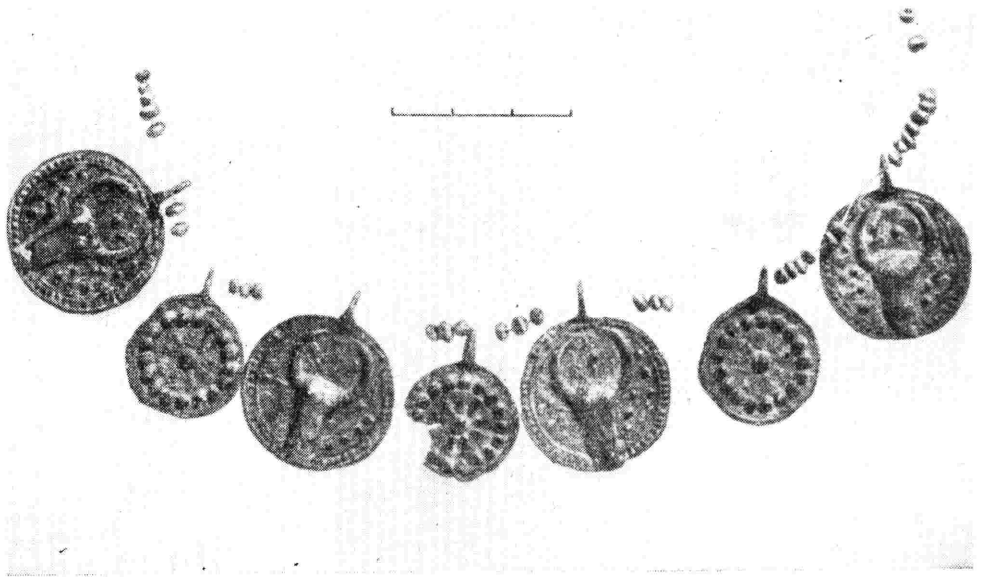

Рис. 16. Привески из кургана 10

черепе найдены проволочные височные кольца, на груди — стеклянные позолоченные бочкообразные и зонные бусы, бисер, сердоликовые бипирамидальные привески (брактеаты), бубенчики, остатки шерстяной ткани. На руках находились два браслета и два перстня. Все вещи носят следы действия огня. У ног умершей стоял гончарный горшок со знаком свастики на плечиках.

Курган 7. Высота 0,7 м, диаметр 4 м. Открыто женское захоронение, ориентированное головой на запад. Найдены семилучевое височное кольцо простого типа с гладким щитком, обломки железной гривны, бусы, бисер, железный нож и черепки лепной керамики.

Курган 8. Высота 0,65 м, диаметр 4 м. Погребение женское, ориентировано головой на восток. Около черепа обнаружено три семилучевых височных кольца из серебра, а в области груди остатки ожерелья из лунниц и стеклянных бус. В насыпи найдено два обломка лепной керамики.

Курган 9. Высота 0,8 м, диаметр 6 м. Женское погребение с западной ориентировкой. Обнаружены проволочные перстнеобразные височные кольца, ожерелье, состоящее из стеклянных бус, двух лунниц и серебряного крестика «скандинавского типа». У головы умершей поставлен гончарный горшок.

Курган 10. Высота 1 м, диаметр 5 м. Женское захоронение головой на запад. На груди найдено ожерелье из бус и семи монетовидных привесок с зернью. На четырех из них изображена голова быка (рис. 16).

Курган 14 разрушен. При зачистке обнаружено погребение, ориентированное головой на запад. Найдены два железных поясных кольца и обломки лепной керамики.

Курган 15. Высота 0,8 м, диаметр 6 м. Умершая ориентирована головой на запад. Найдены остатки ожерелья, состоящего из бус и семи язычковых привесок.

Курган 16. Высота 0,6 м, диаметр 3,5 м. Открыты остатки неполного детского трупосожжения (кости в беспорядке). Найдены бисер, 11 бронзовых бубенчиков и лепной горшок.

Курган 17. Высота 0,9 м, диаметр 10 м. Обнаружено парное захоронение — мужское (северное) и женское (южное) в деревянных гробах. Оба ориентированы на запад. Зольный слой в центре имел толщину 0,1—0,15 м, а по краям до 0,8 м.

У левого бедра мужчины лежал нож, в ногах поставлен гончарный горшок. При женском скелете найдены многочисленные стеклянные бусы, две лировидные пряжки и в ногах горшок. В насыпи встречено калачевидное кресло.

Курган 18. Высота 1 м, диаметр 5 м. Умерший ориентирован головой на запад, у левого бедра его стоял гончарный горшок.

Курган 19. Высота 1 м, диаметр 5 м. Погребение нарушено. Рядом с остатками костяка найдены два горшка — лепной и подправленный на гончарном круге.

Курган 20. Высота 0,8 м, диаметр 5 м. Умерший ориентирован головой на восток. Найдены две лировидные пряжки и нож.

Курган 21. Высота 0,8 м, диаметр 6,5 м. Погребение женское, ориентировка западная. Обнаружены обломки проволочного перстнеобразного височного кольца и две синие бусины.

Курган 22. Высота 0,6 м, диаметр 5,8 м. Погребение мужское, ориентировано на запад, вещей нет. В четырех курганах исследованы захоронения в ямах, которые прорезали подошвенный зольный слой.

Курган 3. Высота 1 м, диаметр 9 м. Размеры могильной ямы $20,5 \times 0,9$ м, глубина 0,5 м. На дне обнаружено захоронение, ориентировка западная, вещей нет.

Курган 4. Высота 0,9 м, диаметр 4 м. Размеры ямы $1,6 \times 0,6$ м, глубина 0,3 м. Открыто погребение девочки. У черепа лежали четыре перстнеобразных височных кольца, в ногах три больших камня.

Курган 11. Высота 1 м, диаметр 5 м. Яма имела размеры $2 \times 0,3$ м, глубина 0,8 м. Умерший ориентирован головой на запад, вещей нет.

Курган 12. Высота 1 м, диаметр 7 м. Размеры ямы $2,1 \times 1$ м, глубина 1 м. Умерший ориентирован головой на запад, у левого бедра найден нож.

Курган 13. Высота 1 м, диаметр 5 м. Яма имела размеры $3,5 \times 1$ м, глубина 0,6 м. Погребение не обнаружено.

Курганная группа у дер. Гадиловичи представляет особый интерес в связи с изучением истории радимичей, а также летописного города Рогачева.

Все детали обряда погребения — наличие зольного слоя и «огненного» кольца, преобладание труположений на горизонте, а также присутствие в женских захоронениях семилучевых височных колец — говорят о том, что этот памятник оставлен радимичами. Расположен он на западной окраине территории этого племени, что сказалось на некоторых чертах погребального ритуала (сооружение домовины в кургане 6). Погребения в домовинах чаще всего встречаются у дреговичей.

Интересной особенностью гадиловичского могильника является наличие в курганах лепной керамики — черепков, а иногда и целых горшков. Такие курганы хорошо датируются XI—серединой XII в. и, таким образом, не являются очень древними. По-видимому, в некоторых случаях для захоронений специально изготавливали лепную посуду. Она довольно слабого обжига, легко разламывается.

Рядом с могильником у старицы Днепра обнаружены остатки селища, одновременного могильнику. Однако вряд ли Гадиловичский могильник (около 400 курганов) можно связывать с этим поселением. Скорее всего этот некрополь нужно отнести к г. Рогачеву. Впервые этот город упоминается в летописи под 1142 г. Разведки, произведенные на замковой горе в Рогачеве, показали, что основной слой городища относится к XI—XII вв., т. е. синхронен могильнику. Под Рогачевым расположено несколько могильников: к югу и западу от него — курганные группы Вишин

и Вишенька, к северу — Мадора. Но все эти курганные кладбища небольшие (15—30 насыпей) и связаны с расположенными близ них селениями и городищами. К востоку от Рогачева на левом берегу Днепра расположено два больших могильника — Ходосовичи (свыше 150 курганов) и Гадиловичи (около 400). Оба могильника, кажется, связаны с Рогачевым и Заборовским городищем — усадьбой рогачевских князей. Курганы в Ходосовичах имеют ряд общих черт с погребениями полян. Семилучевые височные кольца в Ходосовичах пока не найдены, хотя здесь раскопано свыше 30 курганов. Возможно, что Рогачев по составу своего населения был неоднороден. Одну часть его населения составляли выходцы из Киевской земли, которые имели свой некрополь (Ходосовичи), вторую — радимичи, на земле которых стоял этот город. Некрополем последних и были курганы в Гадиловичах. Отдельно, видимо, хоронила своих умерших и дружина (или сторожевой отряд) Рогачева — часть Гадиловичского могильника из 12 курганов. Причем, судя по погребальному обряду (близкому радимичскому) дружина формировалась в основном из радимичей.

В. В. СЕДОВ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В процессе экспедиционных работ 1960 и 1961 гг. в бассейне верхнего Днепра раскопки древнерусских курганов велись в трех пунктах. Один из них — могильник, расположенный на юге-западе Смоленщины в местности Каменный Брод в 0,7 км от дер. Гневково Шумячского района. В литературе этот памятник не известен.

Могильник состоял из 93 полусферических насыпей, разбросанных в беспорядке на площади около 2 га, в лесу, на правом берегу р. Остер (левый приток Сожа). Северо-западную часть могильника составляли курганы крупных размеров и лучшей сохранности. Вокруг них хорошо видны кольцеобразные ровики с перемычками. Насыпи остальной части могильника невысокие, расплывшиеся, следы ровиков вокруг них едва заметны, а часто не видны вовсе. Четыре кургана когда-то были раскопаны колодцами. Остальные насыпи сохранились хорошо. Самые маленькие шесть курганов имели высоту 0,15 м. 21 насыпь возвышалась на 0,2—0,3 м. Еще 22 кургана имели высоту 0,4—0,7 м; 20 — 0,75—1 м; 17 — 1—1,5 м. Три самые крупные насыпи поднимались над поверхностью на 1,55, 1,7 и 2,25 м. Весьма различны были и диаметры их оснований — от 1,5—2 до 9—11 м.

Для раскопок выбрано 35 курганов, расположенных в разных местах могильника. В зависимости от размеров исследованные насыпи распределяются следующим образом: 14 имели высоту свыше 1 м; 16 — 0,5—1 м и пять — до 0,5 м.

Почти все курганы задернованы. Под дерновым покрытием, как правило, открывался слой сероватой супеси толщиной до 0,2 м. Ниже до самого основания все насыпи сложены из желтого песка, среди которого бессистемно встречались мелкие зольные включения или небольшие зольно-угольные прослойки (рис. 17, 1).

В основаниях 12 курганов (4, 6, 8, 9, 10, 11, 15, 18, 22, 25, 29 и 33) прослежены зольные прослойки. В одних курганах зольный слой покрывал всю площадь основания, в других лишь ее срединную часть. Так, в кургане 10 диаметры зольной прослойки равны 3,5—3,8 м при поперечнике основания в 5 м. В кургане 11 зольная прослойка имела в поперечнике 4,4 м при основании 5,5×6,7 м. В кургане 22 слой золы не доходил до краев основания насыпи на 0,2—1 м. В кургане 18 зольная прослойка занимала $\frac{2}{3}$ основания насыпи, но не в середине его, а в южной части. Толщина подошвенного слоя золы различна не только в разных курганах, но и в одном кургане. Так, обычно зольная прослойка толще в середине и тоньше по краям. Их средняя толщина около 0,2 м, в отдельных случаях прослойки достигали 0,3—0,45 см.

Аналогичные зольные прослойки составляют характерную особенность древнерусских курганов Псковской и Новгородской земель. На

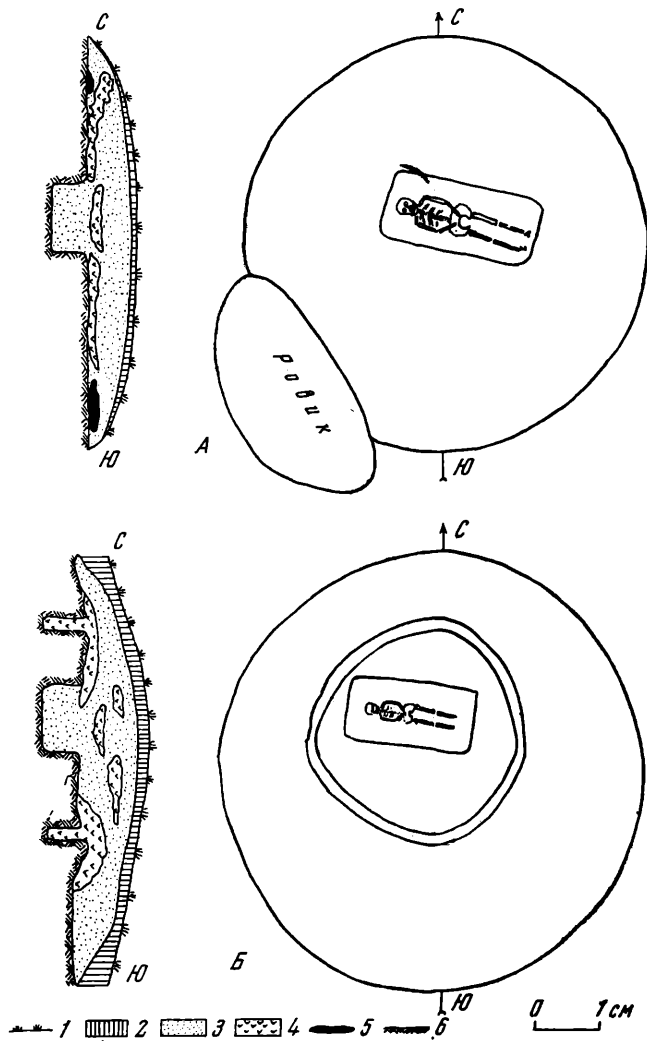

Рис. 17. Планы и разрезы курганов

А — Гневково, курган 33; Б — Коробино, курган 6. 1 — деревянный слой; 2 — серый слой; 3 — желтый песок; 4 — вола; 5 — уголь; 6 — материк

Псковщине они появляются еще в период сооружения длинных курганов и бытуют вплоть до XIII—XIV вв., когда полностью исчезает обычай подкурганых захоронений¹. В отличие от гневковских курганов зольные прослойки псковских погребальных насыпей занимают их основания целиком. Место, избранное для сооружения таких курганов, предварительно выжигалось, отчего и образовывалась зольная прослойка. В Гневкове зола с угольками, по-видимому, приносилась со стороны и рассыпалась по площади курганного основания. В курганах 30, 31 и 34 подошвенные прослойки отличались интенсивно черной окраской и состояли из угля и угольной пыли. Их толщина 0,1—0,4 м. Следов прокаленности материка не наблюдалось. В основании кургана 21 вместо зольной прослежена прослойка белого песка. Подобные белопесчаные прослойки не раз зафиксированы при раскопках курганов в Псковской земле.

¹ В. В. Седов. Кривичи. СА, 1960, № 1, стр. 47—62.

В основании кургана 7 (высота 0,9 м, диаметры основания 4,8—5,7 м) открыто выложенное из камней 0,25—0,35 м в поперечнике не замкнутое кольцо. Диаметр кольца 4—4,8 м, оно отступало от краев кургана на 0,6—0,9 м. Аналогичные конструкции из камней обычны для курганов северо-западных земель Древней Руси. Валунами кольцеобразно обкладывались там, как правило, основания курганов. Но известны также случаи, когда кольца из камней располагаются внутри курганных насыпей².

В двух раскопанных курганах погребений не обнаружено. В кургане 2 (высота 0,9 м, диаметр основания 3, 5 м) сразу же под дерном на поверхности открылось интенсивно черное угольное пятно. В плане оно имело округлые очертания диаметром 0,2—0,25 м, его глубина 0,2 м. Хотя кальцинированных костей в этом пятне не найдено, все же можно предполагать, что в верхней части кургана было совершено захоронение по обряду трупосожжения. Остатки кремации могли быть развеяны еще до того, как насыпь плотно задерновалась. В кургане 45 не найдено никаких следов захоронения. В нижней части насыпи найдены лишь обломки древнерусского гончарного сосуда. Обломки подобных горшков встречены в насыпях курганов 10 и 12.

В 33 исследованных курганах открыты захоронения по обряду труположения. Из них в одном кургане (29) остатки полусгнившего скелета расчищены в слое золы, залегавшем в основании насыпи, в остальных умершие погребены в грунтовых ямах. В 28 курганах открыто по одной могильной яме, в трех — по две и в одном — три. В каждой могильной яме находилось по одному погребению. В плане могилы имели подчетырехугольные очертания. Размеры их колеблются от 1,65×1 и до 2,6×1,2 м. Для детских захоронений выкапывались меньшие ямы — от 1,2×1 до 1,5×0,7 м. Глубина могильных ям разнообразна — от 0,2 до 1,1 м. Преобладают курганы с ямами глубиной 0,6—1 м, и только три ямы имели глубину свыше 1 м.

Обычно могильные ямы находятся в середине курганных оснований. В кургане 9 одна из ям с женским захоронением занимала срединное положение, а вторая, с детским скелетом, в 0,6 м южнее первой. В кургане 17 обе ямы были смещены от центра основания на 0,3—0,4 м, одна в северном (погребение девочки-подростка), вторая (детское захоронение) в южном направлении. Такое же положение ям в кургане 31 (женское и детское захоронения). В кургане 19 в срединной яме открыт скелет подростка, а в яме на 0,2—0,4 м южнее — мужское захоронение. Третья яма с женским скелетом находилась севернее первой, частично налегая на нее. Курганы 9, 17 и 31 содержали, по всей вероятности, одновременные, а курган 19 — разновременные погребения.

Как правило, подошвенные зольные прослойки перекрывают могильные ямы. В кургане 18 подошвенный слой золы не накрывал яму с захоронением, видимо, потому, что этот слой занимал лишь южную часть основания. Но в курганах 8 и 10 могильные ямы вырыты уже тогда, когда отложился зольный слой. Тоже самое наблюдалось в курганах 30 и 34, где контуры могильных ям четко обозначались в черных угольных прослойках, которые не покрывали ям. Заполнялись могильные ямы желтым песком, иногда с небольшими зольными включениями. Только под курганом 24 яма засыпана белым песком, принесенным со стороны.

Умерших хоронили на спине в вытянутом положении. Ориентировка исключительно западная (отклонения немногочисленны: головой к ЗСЗ и СЗ в курганах 3, 7, 19, 24, 25 и 32; головой к ЗЮЗ и ЮЗ — в курганах 1—5 и 15). Руки умерших вытянуты вдоль туловища или полусогнуты.

² А. А. Спицын. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. МАР, № 29. СПб., 1903, стр. 7—10.

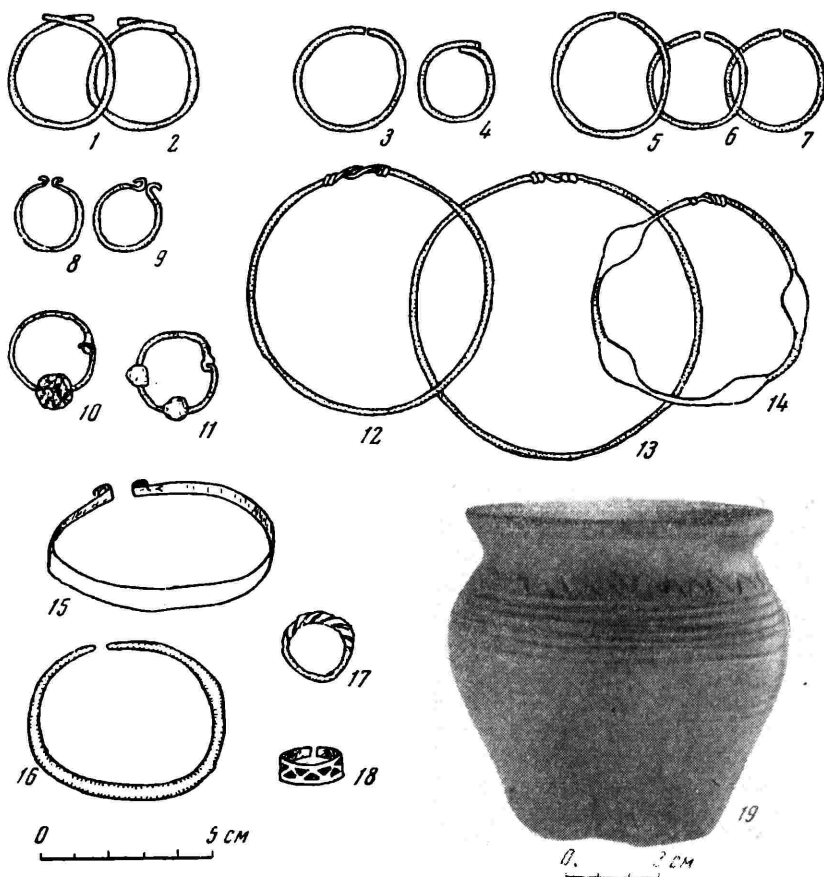

Рис. 18. Вещи из курганов

1, 2 — Гневково, курган 1; 3 — Гневково, курган 9; 4 — Гневково, курган 11; 5—7 — Гневково, курган 26; 8, 9, 16 — Гневково, курган 34; 10, 11, 18 — Гневково, курган 30; 12—14 — Коробино, курган 22; 15 — Гневково, курган 24; 17 — Гневково, курган 17; 19 — Кошья, курган 1

По положению умерших выделяются два кургана. В одном из них (26) женщина на дне могильной ямы погребена на спине с поднятыми вверх ногами. В другом (6) кости скелета открыты в беспорядке. Мужской череп, кости позвоночника, рук и ребра в анатомическом порядке находились в северо-западной части ямы, а кости ног, таза и несколько позвонков в небольшой прирезке, сделанной в восточной части могильной ямы. Мужские захоронения курганов 5, 6, 10, 12, 15, 16, 18, 19, 25, 28 безынвентарные. Безынвентарными были также погребения в курганах 8, 13, 21, 22, 23 и 29 (пол умерших определить не удалось). Не было вещей также в детских труположениях курганов 9, 13, 19 и 31. К безынвентарным принадлежат и два женских захоронения (курганы 17 и 19). Только при одном мужском скелете (курган 7) обнаружена находка — железное поясное кольцо.

В женских захоронениях курганов 1, 3, 4, 9, 11, 14, 17, 20, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 33 и 34 встречены перстнеобразные височные кольца небольших диаметров (от 1,8—2,1 до 2,8—3,4 см). Изготавливались они из тонкой бронзовой проволоки и имели сходящиеся или заходящие концы (рис. 18, 1—7). В кургане 24 одно из колец было двухоборотным, а в кургане 34 оба конца колец загнуты в небольшие колечки (рис. 18,

8, 9). Обычно перстнеобразные кольца располагаются по одному—три у висков по обеим сторонам черепа, но иногда находятся только с левой или правой стороны. В кургане 24 шесть перстнеобразных колец и несколько обломков от них открыты на остатках бересты, а в кургане 20 — на куске кожи. При погребенной в кургане 30, кроме перстнеобразных колец, найдено четыре (по два с каждой стороны черепа) небольших проволочных кольца с напущенными по одной-две бронзовыми ажурными бусами. С одного конца кольца слегка расплющены и имеют отверстие, с другого конца загнуты крючкообразно (рис. 18, 10, 11). В кургане 24 слева у черепа найдены обломки пластинчатой (трапециевидной?) привески, которая, вероятно, была подвешена к одному из височных колец.

Шейные ожерелья встречены в десяти курганах (9, 17, 24, 26, 27, 30, 31, 32, 33 и 34). В большинстве случаев они составлены из мелких зонных или цилиндрических стеклянных и пастовых бус. Преобладают бусы белого цвета, затем идут бирюзовые, желтые, очень редки голубые, коричневые, зеленые, черные. Встречаются также двойные пронизки тех же цветов. В состав ожерелья из кургана 34 входило несколько пастовых боченкообразных белых бус с черным зигзаговым орнаментом. Ожерелье из кургана 30 состояло из крупных шарообразных бус матового стекла, крупных бипирамидальных бус темного стекла, одной шестигранной пастовой бусины с елочным узором, нескольких зонных бус, голубых и желтых, и решетчатой привески.

Бронзовые перстни обнаружены в шести курганах. Носили их на пальцах правой руки. Перстни принадлежат к разным типам — решетчатый двухзигзаговый (курган 4), пластинчатый с рельефным елочным узором (курган 24), ложновитый с гладкими концами (рис. 18, 17) из кургана 33. В курганах 20 и 30 найдено по два перстня — толстопроволочный косорубчатый с узкопластинчатым и косорубчатый с решетчатым однозигзаговым (рис. 18, 8). Только у погребенной в кургане 27 перстни находились на обеих руках (ложновитый с гладкими концами и пластинчатый с ребром посредине и суживающимися концами).

В пяти курганах найдены бронзовые браслеты (рис. 18, 15, 16). В трех случаях они были надеты на запястья левой руки, в двух на левой и правой руках. Это — пластинчатый разомкнутый (курган 3), пластинчатые с завернутыми концами (24 и 30), плосковыпуклый сомкнутый (24), проволочный с заостренными концами (34), витые тройные (30 и 33).

Другие находки единичны — обломки бубенчиков (курганы 27 и 30), три медных пуговицы в виде бубенчиков (33) и железные поясные кольца (1 и 33). В курганах 14 и 19 зафиксированы остатки ткани. Ни глиняных горшков, ни железных ножей при погребенных не встречено.

Гневковские курганы расположены на стыке ареалов кривичей и радимичей. Однако ввиду отсутствия здесь этноопределяющих украшений племенная принадлежность погребенных не может быть установлена. Скорее всего это объясняется тем, что исследованные курганы относятся к позднему времени. На Смоленщине курганы с труположениями в грунтовых ямах, как правило, датируются не ранее XII в.³ На позднюю дату гневковских курганов указывают находки в них витых тройных браслетов и решетчатых зигзаговых перстней. А. В. Арциховский на основе вятических древностей отнес украшения этих типов ко второй стадии (XIII в.)⁴. Новые материалы позволили Т. В. Равдиной утверждать, что витые тройные браслеты в Древней Руси были распространены в XII—XIII вв.⁵

³ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, стр. 117.

⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 129—150.

⁵ Т. В. Равдина. О датировке вятических курганов. СА, 1965, № 1, стр. 122—129.

Второй пункт раскопок находился западнее Смоленска. Это курганы на правом берегу Днепра в 1 км южнее дер. Коробино (Катынского сельсовета Смоленского района). Могильник состоял из 93 полусферических насыпей, расположенных скученно в двух группах на расстоянии 100 м друг от друга. В 20-х годах XX в. курганы были отмечены белорусскими археологами⁶. В 1951 и 1953 гг. могильник обследовался Е. А. Шмидтом.

Курганы небольшие: высотой до 0,5 м—23; от 0,5 до 1 м—39; от 1 до 1,5 м—12 и 1,6 м—две насыпи. Диаметры оснований их колеблются от 3—3,4 до 1,1—1,2 м. Часть курганов повреждена кладоскательными ямами. Только вокруг единичных курганов слабо заметны ровики—канавки, в остальных случаях они заплыли. Для раскопок было выбрано восемь насыпей средней величины (высотой от 0,85 до 1,3 м).

Все курганы насыпаны из желтого песка с более или менее многочисленными включениями золы или мелких угольков. В некоторых насыпях зафиксированы прослойки белого песка. Подошвенных зольных прослоек не наблюдалось. Во время больших весенних разливов Днепра курганы неоднократно затоплялись. Видимо, в эти периоды сверху насыпей образовались темные наслоения. В семи курганах открыто по одной яме с захоронениями по обряду трупоположения, в одном (7)—две грунтовые ямы с женским и детским костяками. Могильные ямы имели подчетыреугольные очертания, их размеры от 1,9×0,6 до 2,5×1,1 м. Под курганом 2 открыта яма размерами 3×1,35 м с двумя захоронениями. Глубина ям колеблется от 0,5 до 1,2 м. Заполнялись они желтым песком. В кургане 22 дно могильной ямы выстлано белым песком.

Своеобразно устройство кургана 6 (рис. 17, 2). В основании насыпи открылась кольцеобразная канавка, заполненная желто-белым песком с золой и угольками. Ее диаметры 3,2 и 3,8 м при поперечнике курганного основания в 7 м. Канавка имела почти отвесные стенки на глубину 0,5—0,7 м. В ней было устроено нечто вроде частокола, который был сожжен. Над канавкой прослежены валообразные зольно-угольные образования. Могильная яма находилась внутри круга, образованного канавкой. Подобная кольцеобразная канавка открыта в одном из Матвеевских курганов к юго-востоку от Смоленска⁷. Встречаются они и в курганах других областей Древней Руси.

Во всех коробинских курганах кости скелетов сильно сгнили, поэтому пол погребенных определить не удалось. Положение умерших обычное для славян—на спине, вытянуто, головой на запад (в курганах 1, 2 и 22—на юго-запад). При четырех скелетах найдены женские украшения. В кургане 7—мелкие зонные бусы из белой пасты, бубенчик и несколько обломков какого-то медного украшения, в кургане 22—три браслетообразных и одно ромбошитковое височные кольца с завязанными концами (рис. 18, 12—14), в кургане 23—перстнеобразное сомкнутое височное кольцо и обломки гончарного сосуда, в кургане 30—четыре перстнеобразных височных кольца, мелкий бисер, бубенчик и бронзовое поясное кольцо. Около тазовых костей погребенного в кургане 1 обнаружен окислившийся железный предмет, вероятно, нож. Остальные захоронения безынвентарные.

Судя по браслетообразным завязанным височным кольцам, могильник—кривичский. Основной ареал ромбошитковых колец находится в Новгородской земле. Вместе с тем эти украшения встречены в ряде

⁶ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя досьледы ў вадазборах рэк Сажа, Дняпра і Каспяі ў Смаленскай губэрні. «Працы археалёгічнай камісіі Беларускай АН», т. II, 1930, карта.

⁷ В. В. Семенов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. М., 1960, стр. 149, 150.

курганых могильников смоленских кривичей. Не исключено, что встречаемость ромбоцитковых колец на Смоленщине отражает словенское проникновение. Для датировки коробинских курганов данных нет. Так как все они содержали ямные захоронения, то должны быть отнесены к XII—XIII вв.

Еще один курган раскопан в могильнике на восточной окраине поселка Копыль в Минской области. В нем сохранилось 18 насыпей, частично подпаханных или поврежденных ямами. Курганы имели круглые и четырехугольные основания размерами от 7×7 до $12 \times 11,5$ м. Их высота — от 1 до 3,2 м, вершины несколько уплощенные.

Исследованный курган принадлежал к четырехугольным. Его высота 1,6 м, основание 12×11 м. Раскопками установлено, что первоначально курган имел основание, равное $7,5 \times 7$ м, но, поскольку был насыпан на склоне, сильно расплылся. Сверху насыпь состояла из желто-серого песка. На глубине 0,7 м залегала горизонтальная прослойка угля (ее толщина около 0,1 м). Ниже до материка курган сооружен из чистого желтого песка.

В центре кургана угольная прослойка утолщалась до 0,2—0,3 м (на площади $1,6 \times 1,5$ м). Здесь открыты остатки трупосожжения. Кальцинированные косточки были рассыпаны или образовали небольшие скопления. Сожжение умершего (или умерших) совершено на стороне. Видимо, остатками другого захоронения являются две небольшие кучки сожженных костей, открытые на глубине 1 м от вершины в слое желтого песка северо-западной части кургана. На материке в юго-западной части насыпи был поставлен небольшой гончарный сосуд гнездовского типа (рис. 18, 19). Кроме того, в верхней части насыпи на угольной прослойке открыто захоронение по обряду трупоположения. Умерший мужчина погребен на правом боку с согнутыми ногами. Все захоронения безы Inventарные. Сочетание обрядов кремации и трупоположения в одной насыпи и форма глиняного сосуда позволяют отнести курган ко второй половине X—началу XI в.

Второй курган этого могильника раскопан в 50-х годах местными школьниками под руководством учителя Богдановича. Насыпь имела высоту 1,8—2 м. До глубины 0,5 м она состояла из серой супеси. Далее залегала горизонтальная угольная прослойка толщиной 0,1 м. Под ней, на глубине 0,7—0,8 м от вершины, открыты три угольных включения с сожженными костями и обломками глиняных сосудов. Это — части лепного и раннегончарного сосудов с волнистым орнаментом, которые позволяют отнести курган к X в.

Э. М. СЕРГЕЕВА

РАСКОПКИ КУРГАНОВ
В ТОЛОЧИНСКОМ РАЙОНЕ (БССР)

В 1969 г. Днепро-Двинский отряд Института археологии АН СССР (начальник Л. В. Алексеев) продолжал изучение окрестностей Друцка к востоку (Багриново и Волковичи Толочинского района Витебской области) и к югу (Эсмоны Белыничского района Могилевской области) от древнего города.

В настоящей статье издаются результаты раскопок четырех курганов — двух у дер. Багриново и двух у дер. Волковичи. Багриновская курганная группа уже описана в литературе¹. Волковичская группа, насчитывающая 31 курган, находится в 3 км к северо-западу от Багриновской на правом берегу р. Кривой². Высота насыпей колеблется от 1 до 3 м, диаметр от 5 до 15 м. Форма курганов в плане круглая и овальная. Вокруг оснований некоторых насыпей видны ровики.

В Багриновской группе раскопаны курганы 5 и 6. Курган 5 высотой 2,8 м и диаметром 18 м содержал два погребения по обряду труположения: женское и мужское. Женское расположено в центре насыпи на золотой прослойке; мужское — на горизонте на песчаной подсыпке. Сохранность костяков плохая, ориентировка западная.

Погребальный инвентарь женского захоронения многообразен. От головного убора сохранилось шесть височных колец из серебряной проволоки, один конец которых закручен спиралькой наружу (рис. 19, 7).

Около черепа найдены четыре саманидских диргема для подвешивания (рис. 19, 2—5). По определению С. А. Яниной, они принадлежат Исмаилу ибн-Ахмеду 294 г. х/906/907/; Ахмеду ибн Исмаил 301 г. х/913/914/; Мансуру ибн-Нух Амудь 356 г. х/966/967/; Мансуру ибн-Нух 358 г. х/968/969/. Таким образом, наиболее ранняя монета относится к 906 г., поздняя к 969 г.

Набор бус в ожерелье однотипен с шейным украшением из кургана 3, раскопанного в 1967 г.: одна стеклянная синяя с белыми ромбиками, одна мозаичная, две бисерных, одна хрустальная. Все эти бусы широко представлены в славянских памятниках домонгольского времени³.

Кроме того, в этом погребении открыты бронзовый пластинчатый перстень, железный нож с остатками деревянной ручки (рис. 19, 6), витой серебряный браслет с завязанными концами и сканным перевитьем

¹ Э. М. Сергеева. Курганы у дер. Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР). КСИА, вып. 120, 1969, стр. 107—111.

² Могильник открыт Л. В. Алексеевым в 1956 г. (Л. В. Алексеев. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины. ВЭИМП, стр. 300).

³ М. В. Фехнер. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. «Труды ГИМ», вып. 33, 1959, стр. 149—224.

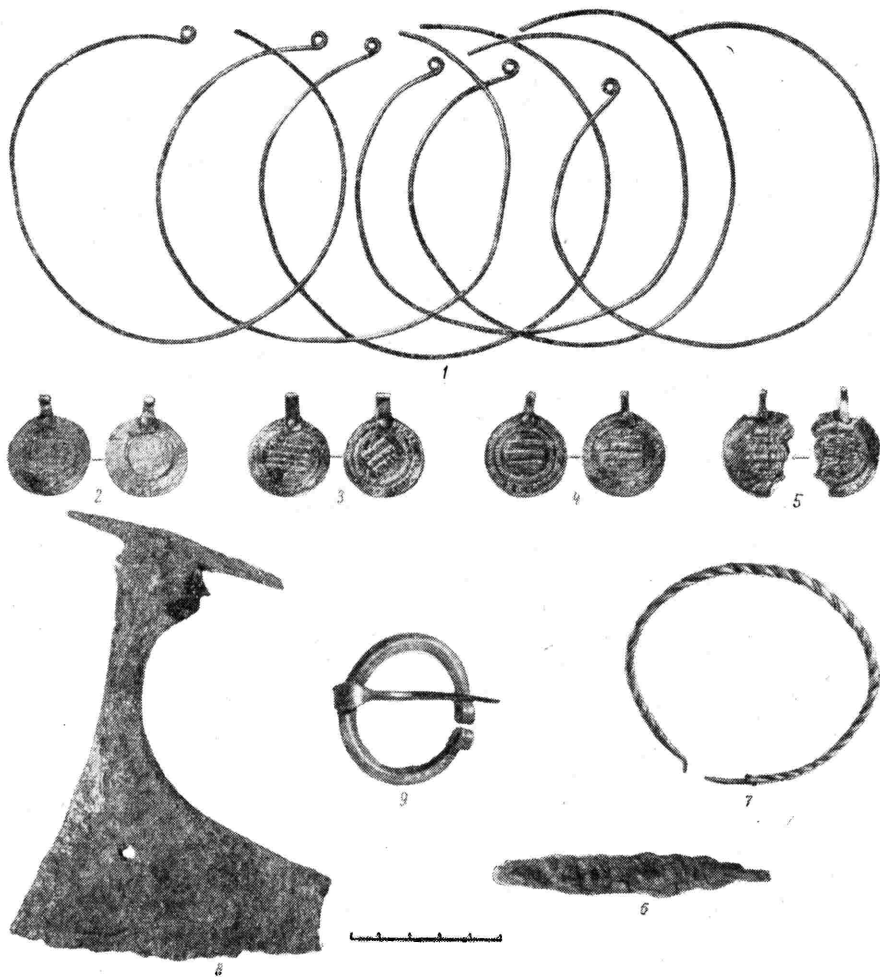

Рис. 19. Вещи из кургана 5
1—7 — из погребения 1; 8,9 — из погребения 2

(рис. 19, 7). В ногах погребенной лежал железный обруч диаметром 0,18 м и дужка от деревянного ведра.

В мужском захоронении того же кургана найдены железный топор (рис. 19, 8), биллоновая подковообразная застежка (рис. 19, 9) и нож с остатками костяной ручки.

Топор боевой, с широким опущенным лезвием и сквозным отверстием для подвешивания, имел отпечатки льняной ткани с обеих сторон. Аналогичное оружие встречено в кривичских, дреговичских и других древнерусских курганах X—XI вв.⁴ Подобные подковообразные трехгранные застежки широко распространены в X—XII вв. на территории северо-западной Руси и Прибалтики⁵.

В насыпи этого кургана, на глубине 1,3 м от поверхности, обнаружены часть кожаного ремня с бронзовой накладкой и кольцом для подвешивания, к которому прикреплено одно звено восьмеркообразной цепи, а также

⁴ Например: А. Н. Ляўданскі. Археалогічныя досьледы ў Смаленшчыне. «Працы», т. III, 1932, стр. 58, табл. XXI, 5; К. В. Павлова. Раскопки могильника близ Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 101, рис. 37, 2.

⁵ В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, рис. 22, 2.

маленький бронзовый пластинчатый браслет со звериными головками. Ближайшие аналогии браслету известны среди литовских и латгальских материалов X—XII вв.⁶ Основное распространение звериноголовых браслетов на нашей территории приходится на XI—XII вв., когда их в различных вариантах находят в дреговичских, радимичских, вятических⁷ и кривичских древностях.

В верхних слоях насыпи найдено два сосуда: один маленький, очевидно поминальный, другой — обычного курганного типа, со срезанным венчиком, резко суживающимся к низу туловом, с мелким линейным орнаментом и с клеймом на дне. При сравнении с новгородской таблицей керамики последний горшок можно отнести к типу II, наиболее широко бытующему во второй половине X—XI вв.⁸

На основании рассмотренного инвентаря курган нужно датировать серединой XI в.

Курган 6 этого же могильника (высотой 2 м, диаметр основания 12 м) содержал три труположения.

Первое, в виде полусгнивших остатков черепа, обнаружено в южной половине насыпи. Здесь же находился гончарный горшок XI в. с широким линейным орнаментом.

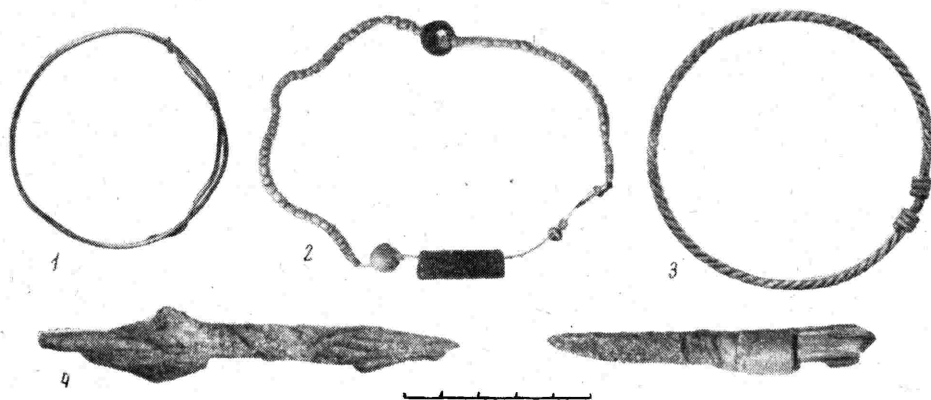

Рис. 20. Вещи из кургана 12

1, 3, 5, — из погребения 1; 4 — из погребения 2

Второе погребение, также плохо сохранившееся, было расположено в материковой глине. При нем найден гончарный горшок без орнамента со следами темного нагара на внутренней и внешней поверхности. Форма такая же, как и в первом погребении.

Третье захоронение (остатки черепа) находилось на уровне горизонта, на песчаной подсыпке. Около него найден железный нож с широкой спинкой.

Кроме того, в насыпи на разных глубинах обнаружено еще четыре железных ножа, сильно коррозированных.

По керамическому материалу курган можно датировать XI в.

В волковичской группе раскопаны курганы 12 и 13.

Курган 12 имел высоту 2,2 м, диаметр основания 10 м. Насыпь состояла из светлой супеси с зольными вкраплениями. Открыто два погребения по обряду ингумации.

⁶ «Lietuvių liaudies menas», Кн. I. Vilnius, 1958, рис. 514.

⁷ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 24.

⁸ Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 230.

Первое, женское, обнаружено на песчаной подсыпке высотой 0,5 м. Умершая погребена на спине, головой на юго-запад, руки вытянуты вдоль туловища.

Второе, мужское (сохранился лишь полусгнивший череп и тлен), расположено на материковой глине, ориентировано на юго-запад. В ногах обоих погребенных обнаружены остатки железных обручей от деревянных ведер. При каждом захоронении найдено по железному ножу, причем в женском рукоятка ножа имела проволочную бронзовую обмотку (рис. 20, 5). Аналогичный нож происходит из курганов в Заславле⁹. В женском погребении описываемого кургана найден также витой бронзовый браслет с завязанными концами (рис. 20, 3). У черепа лежали перстнеобразное бронзовое колечко и серебряное височное кольцо с небрежно завязанными концами (рис. 20, 1). В курганах Минской области подобный тип завязки на височных кольцах отмечен неоднократно¹⁰. От ожерелья сохранилось 85 бисерных бус, одна зонная синяя, одна цилиндрическая синяя и одна лимонка (рис. 20, 2). Подобные типы бус часто встречаются в славянских памятниках X—XI вв. В целом погребальный инвентарь захоронений кургана 12 относится к XI в.

Курган 13 расположен в 20 м к северо-востоку от вышеописанного. Форма его полусферическая со срезанным верхом. Диаметр — 7,8 м, высота — 1,9 м. В центре суглинистой насыпи на глубине 1,1 м обнаружено овальное кострище (размерами 4×4 м), состоящее из углей, золы, пережженной земли и большого количества мелких кальцинированных костей. Слабые остатки кострища прослеживались вплоть до песчаной подсыпки с крупной галькой (высота подсыпки 0,4 м). В кострище найдены раздавленный гончарный горшок серо-розового цвета с неровным линейным орнаментом и с клеймом (в виде креста с раздвоенными концами, заключенного в круг), а также миниатюрный железный нож.

По заключению В. И. Цалкина, часть сожженных костей принадлежала лошади.

Принадлежность других костей установить не удалось. Однако при них найдены вещи — горшок и нож, обычно сопровождающие умершего человека. Курган скорее всего насыпан в начале XI в.

⁹ А. Н. Ляўданскі. Археалёгічныя раскопкі ў м. Заслаўі Менскай акругі. «Працы», т. I, 1928, табл. X, 22.

¹⁰ Там же, стр. 24, табл. IV, 6, 7, 10.

С. В. ОШИБКИНА

МОГИЛЬНИК ПЕСКИ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Могильник Пески находится на юго-западном берегу Белого озера (рис. 21).

Вдоль южного берега на расстоянии 2—3 км от него тянется дюнная гряда. Летом 1969 г. Череповецкий отряд провел обследование дюны между дер. Пески и переправой через Шексну у ее истока. Оказалось, что ее центральная часть целиком вывезена при строительстве дороги, западная, примыкающая к деревне у створа канала, занята современным кладбищем, наиболее низкая восточная покрыта ямами, в которых местные жители одно время хранили овощи. При зачистке в восточной части дюны обнаружались остатки человеческого черепа. Здесь был заложен раскоп площадью 24 кв. м. На глубине 1,25—1,35 м найдены еще три черепа и кости одного скелета.

Стратиграфия культурных отложений в раскопе следующая (рис. 21): 1) светлый песок толщиной 15—25 см; 2) первый слой 25—50 см; 3) второй слой — 25—70 см. Значительные колебания мощности слоев связаны с тем, что здесь неоднократно производились перекопы.

Первый слой представляет собой темную супесь, особенно интенсивно окрашенную под углистым пятном, которое видно в профилях А—Б и Б—В. Здесь найдены кованые гвозди, неопределимые обломки изделий из бронзы и железный наконечник стрелы.

Второй слой имел бурую окраску. В нем найдены колечко из толстой бронзовой проволоки, два неолитических скребка белого кремня и фрагмент сосуда, покрытого текстильными отпечатками. Захоронения связаны со вторым слоем.

Погребения 2 и 3 открыты в материковом песке и представлены бурыми пятнами и остатками костей. Никаких вещей при них не обнаружено.

Сравнительно хорошо сохранилось погребение 4, где, кроме черепа, сохранились все кости скелета. Кости рук и ног сохранились лучше, а остальные части скелета, включая тазовые кости, представлены пятнами костяной крошки. Судя по костям таза и расположению бедренных костей погребение принадлежало мужчине. Нижние конечности частично разрушены, поэтому при вычислении роста погребенного использованы обмеры правой плечевой и обеих бедренных костей. Вычисление по формулам Пирсона¹ позволило определить рост в 172 см. Если учесть, что для группы мужчин выше 165 см эти формулы дают рост, заниженный до 5 см, то можно считать, что рост погребенного около 175 см.

В ногах погребенного найдены остатки шкатулки или короба круглой или квадратной формы, сделанного из коры и бересты. Его диаметр около

¹ Я. Л. Рогинский, М. Г. Левин. Основы антропологии. М., 1955, стр. 76.

20 см, высота около 15 см. Вероятно, короб был стянут ремнем — здесь же найдены две пряжки, на одной из которых сохранились остатки ремня. Одна из пряжек железная, сильно коррозированная, вторая бронзовая, лировидная с насечками на расширенной части (рис. 22, 9).

В коробе находилось несколько предметов. Сверху на плетеном шерстяном шнурке красновато-коричневого цвета лежали четыре бусины (рис. 22, 2—5). Две из них круглые зеленоватого стекла, третья тоже стеклянная, но битрапецидной формы. Четвертая бусина продолговатая, изготовлена из мелкоструктурного розоватого песчаника и украшена резными узорами.

Две бронзовые бляшки были завернуты в шерстяную ткань. По форме они напоминают женские фигурки в широком узорчатом сарафане с головой в виде петли (рис. 22, 7, 8).

На бронзовом энколпионе изображено с одной стороны распятие, на другой изображение стерлось, но над ним видна буква Н (рис. 22, 1).

Железное кресало овальной формы лежало в тканом чехле желтого цвета (рис. 22, 10).

В коробе находились также два камня для высекания огня. Это — неолитические скребки из белого кремня, использованные вторично. На них отчетливо видны зеленые пятна — следы окисления от бронзовых вещей.

Кроме того, здесь были два железных ножа с остатками деревянных рукоятей и оселок. Один нож сохранился целиком, его длина 9,5 см, другой — меньших размеров со сломанным концом. Оселок изготовлен из сланцевой пластины.

Остатки тканей, найденных в погребении, различны по цвету, качеству и характеру переплетения. Чехол для кресала шит из шерстяной ткани простого саржевого переплетения с рубчатой поверхностью, выполненной из толстых нитей.

Чехол представляет собой мешочек, подшивка которого образовала рельефный край изделия. Энколпион был завернут в шерстяную ткань с прямым переплетением нитей, а бляшки — в ткань, которая известна под названием «ломаная» саржа с узором в виде «елочки».

Ткани саржевого переплетения имели широкое применение у финно-угорских племен, и, по мнению Л. В. Ефимовой, «ломаная» саржа является даже этническим признаком. Кроме того, ткани саржевого типа довольно хорошо датируются — от середины I тысячелетия до XII в.²

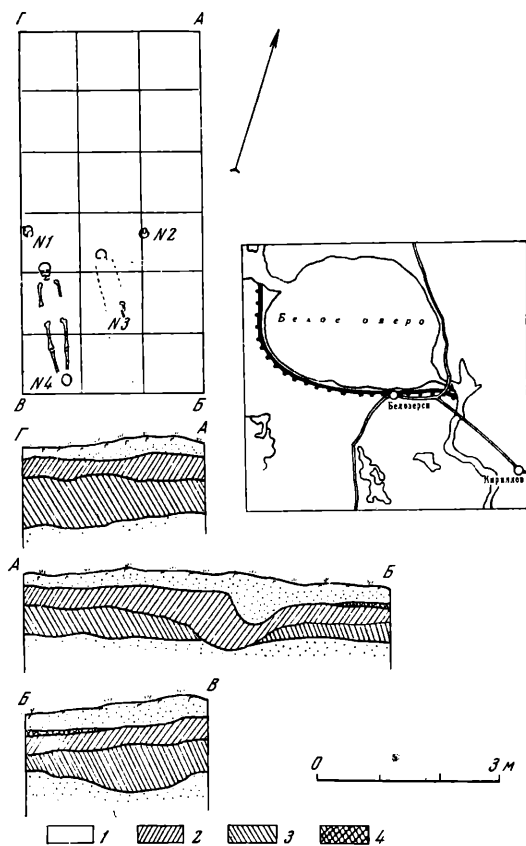

Рис. 21. Ситуационный план, план раскопа и разрезы слоев могильника Пески

1 — песок; 2 — первый слой; 3 — второй слой; 4 — угольная прослойка

² Л. В. Ефимова. Ткани из финно-угорских могильников I тысячелетия н. э. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 127—134.

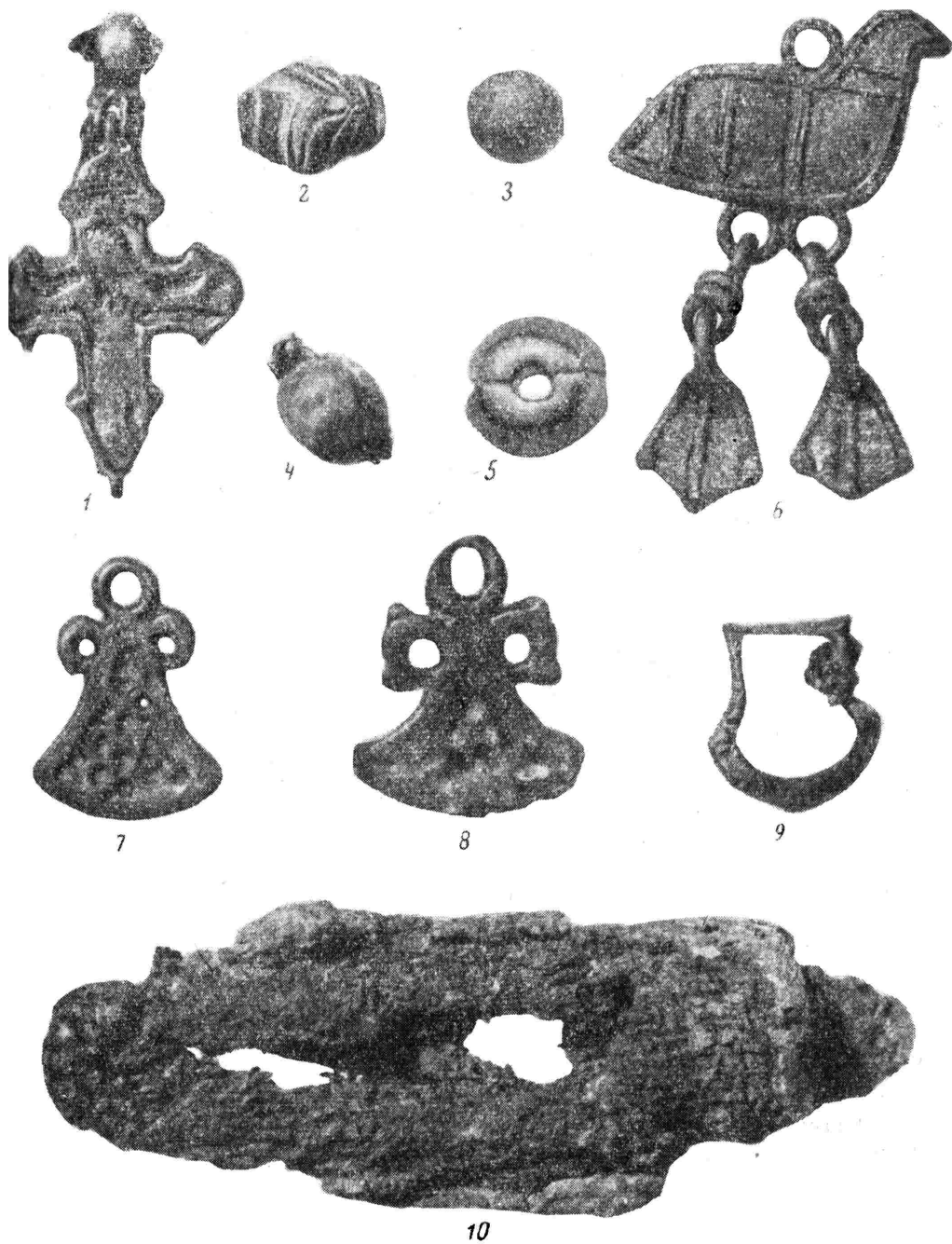

Рис. 22. Вещи из раскопок

Определенный интерес представляет энколпион. Близкие энколпионы из костромских курганов³ Д. Н. Анучин датировал XI—XII вв.⁴ Среди

³ Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ., произведенные летом 1895 и 1896 гг. МАВГР, т. III, 1899, табл. 6, 1.

⁴ Д. Н. Анучин. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них украшениях и религиозных символах. МАВГР, т. III, 1899, стр. 256.

новгородских древностей есть энколпион, который сопоставим по форме и сюжету с описываемым. М. В. Седова датировала его концом XI в.⁵ Достаточное число аналогий может быть приведено из коллекции Б. И. Ханенко, при этом изделия, с которыми энколпион из Песков обнаруживает наибольшее сходство, относятся к раннему времени.⁶

По мнению Г. Ф. Корзухиной, в русском литейном деле изготовление энколпионов началось с рельефных изображений и развивалось в направлении упрощения изображения⁷. Исходя из схемы Г. Ф. Корзухиной, можно считать, что энколпион из Песков является повторной отливкой XI—XII вв. с раннего изделия. Отливки такого рода получили широкое распространение в домонгольский период.

Бронзовая пряжка имеет аналогии среди вещей древнего Новгорода и относится к XI—началу XII в.⁸ Овальное кресало из Песков согласно новгородской хронологии датируется XII в., но такие изделия относятся и к XIII в.⁹

Таким образом, в погребении 4 могильника Пески собраны вещи, самая поздняя из которых — кресало — относится ко времени не позднее середины XIII в., а скорее всего к XII в.

Очевидно, XII—началом XIII в. и можно датировать погребение 4 и могильник в целом.

Подвески в виде женских фигурок принадлежат, по-видимому, к довольно редким находкам. Близкая треугольная подвеска известна из раскопок Н. Г. Первухина в верховьях Камы¹⁰. Облик этих украшений типично финно-угорский.

На разрушенной части могильника найдена прекрасно сохранившаяся бронзовая подвеска в виде уточки с лапками (рис. 22, б). Уточка — один из самых популярных сюжетов в категории шумящих подвесок, которые являлись традиционным украшением костюма финно-угорских племен. Центром их производства было Костромское Поволжье. Вопрос о времени появления шумящих привесок в Белозерье дискуссионный. Но в XII в. они здесь уже широко распространены. Некоторые исследователи считают их импортом¹¹, другие — предметами местного производства¹². По характеру литья и оформлению уточка из Песков может быть отнесена к XII в., что подтверждается и общей датой могильника.

Наиболее близкая аналогия ей может быть указана в коллекции из костромских курганов¹³.

Известно, что до начала славянской колонизации Белозерье было заселено финно-угорским племенем весь. Археологические памятники веси X—XII вв., в частности могильники, начали изучаться сравнительно недавно.

Известно три бескурганых могильника веси. Один из них открыт в дер. Торово под Череповцом, но оказался размытым. Второй находится при дер. Погостище у оз. Воже, где А. Я. Брюсовым исследовано одно

⁵ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 235, рис. 4, 3.

⁶ Б. И. и В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. II. Киев, 1900, табл. V, 65, 66.

⁷ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «корсунского дела» на Руси. «Византийский временник», XIV, 1958, стр. 133.

⁸ М. В. Седова. Указ. соч., стр. 258.

⁹ Б. А. Колчин. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, рис. 85, стр. 103.

¹⁰ Н. Г. Первухин. По следам Чуди. У верховьев р. Камы. МАВГР, вып. II, т. XI, 1896, фиг. 10.

¹¹ Н. В. Тухтина. Об этническом составе населения бассейна реки Шексны в X—XII вв. «Труды ГИМ», вып. 40, 1966, стр. 134.

¹² Л. А. Голубева. Археологические памятники веси на Белом озере. СА, 1962, № 3, стр. 55—59.

¹³ Ф. Д. Нефедов. Указ. соч., табл. 4, 5.

погребение¹⁴. Третий могильник Троицкий на Белом озере, где раскопки производили Л. А. Голубева и Н. В. Тухтина¹⁵.

Могильник Пески является еще одним бескурганым могильником веси. Погребения здесь совершены в довольно глубоких могильных ямах, ориентировка умерших — головой на северо-запад. Интересной особенностью можно считать то, что вещей на погребенных не было, а сопровождающие погребение 4 предметы лежали в коробе в ногах погребенного. По-видимому, это был женский дар погребенному мужчине, поскольку в коробе находились женские украшения и бусы. Обычай приносить в дар умершему различные предметы отмечен Н. В. Тухтиной в курганах веси у г. Бабаево. Там в кургане 4 у ног одного из двух погребенных лежал туесок, в котором находились нож, два перстня и бусы¹⁶.

Могильник Пески находится в 0,5—0,7 км от древнего Белоозера. Поэтому не исключено, что это было кладбище XII в. весского населения этого города.

¹⁴ А. Я. Брюсов. Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 81—83.

¹⁵ Л. А. Голубева. Могильник X—середины XI в. на Белом озере. СА, 1961, № 1, стр. 201—215; Н. В. Тухтина. Указ. соч., стр. 130.

¹⁶ Н. В. Тухтина. Указ. соч., стр. 134.

М. В. СЕДОВА

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЯРОПОЛЧА ЗАЛЕССКОГО

Среди коллекции предметов древнерусского времени, собранных при раскопках Пирова городища (города Ярополча Залесского)¹, значительное место занимают изделия из цветных металлов. В основном это ювелирные украшения, выполненные преимущественно местными мастерами. На территории городища открыты три мастерские по обработке цветных металлов, столько же мастерских обнаружено на посаде². Датируются мастерские XI—XIII в. на посаде и XII—XIII вв. на городище. Среди производственного инвентаря имеется 10 литейных форм для отливки колтов, различных привесок, пластинчатых перстней, цилиндрических бусин, пуговиц и т. д.³ Кроме того, найдены тигли, льячки, обрезки меди, слитки металла и ювелирный инструментарий: клещи, пинцеты, зубила, бородки, штихели и др. Однако среди находок пока не встречены предметы, изготовление которых можно было бы связать с той или иной из исследованных мастерских.

Наибольшее число изделий, выходящих из рук ремесленников-ювелиров, относится к общевосточнославянским типам украшений. Таковыми, например, являются перстнеобразные височные кольца, изготовлявшиеся из медной или серебряной проволоки. Диаметр этих колец колеблется от 1,2 до 2,5 см, концы их или разомкнуты, или слегка заходят один за другой, или обернуты вокруг кольца на 1½ оборота. Кольца встречены в культурном слое городища и посада в виде единичных находок, а также по 2—13 штук в женских захоронениях городского кладбища.⁴ Всего найдено 62 экз. перстнеобразных височных колец, датирующихся XI—началом XIII в. (рис. 23, 4, 6).

К числу преимущественно городских украшений относятся трехбусинные височные кольца. Только курганы Ростово-Суздальской земли представляют собой в этом отношении исключение: здесь трехбусинные кольца получили сравнительно широкое распространение уже в XI в.⁵ В Ярополче найдено три трехбусинных кольца. Два из них представлены стержнями, а третье имеет серебряные круглые бусины из тисненых половинок (рис. 23, 7).

¹ В. В. Седов. Раскопки 1959 года во Владимирской земле и на Смоленщине. КСИА, вып. 86, 1961, стр. 75.

² В. В. Седов. Древнерусское поселение близ города Вязники. КСИА, вып. 85, 1961, стр. 102, 103.

³ В. В. Седов. Древнерусское поселение..., рис. 38, 16, 17; М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского (1961 г.). КСИА, вып. 96, 1963, стр. 49, рис. 12, 13, 14.

⁴ М. В. Седова. Археологические работы во Владимирской области в 1962 г. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 106—109.

⁵ А. С. Уваров. Меряне и их быт по курганным раскопкам. «Труды I АС», т. II. М., 1871, стр. 736.

Рис. 23. Ювелирные изделия из Ярополча Залеского

1, 2, 5, 11, 14 — привески; 4, 6, 7 — височные кольца; 3, 8—10, 17, 18, 21—25 — кресты; 12, 13, 15, 16, 19, 20 — перстни

Возможно, привозным украшением являются найденные в Ярополче серебряные сканные рясна⁶. Это — длинные височные украшения, входившие, по-видимому, в состав княжеско-боярского убора и хорошо известные по находкам в древнерусскихкладах конца XII—начала XIII в. Рясна подвешивались к головному убору или головной повязке-очелью, спускаясь до плеч по обеим сторонам лица.

Остатки женского очелья в виде 15 прямоугольных серебряных позолоченных пластинок, нашитавшихся на ленту, найдены в Ярополче на территории той же усадьбы, что и обрывок рясен⁷. 10 пластинок — плоские, каждая с четырьмя отверстиями для нашивания на ткань, а 5 пластинок — ажурные, выпуклые, с тонким валютообразным сканным орнаментом, дополненным крупной зернью.

Нагрудные украшения в Ярополчской коллекции представлены различными типами привесок, крестов и бубенчиков. Среди них имеются шесть зооморфных привесок (в виде уточки, петушка, коньков). К X—XI вв. относится плоская ажурная привеска-уточка с сильно выпуклой грудью⁸, найденная на посаде; к XI—XII вв. — привески в виде фигурок коня⁹ (рис. 24, 15) и привеска в виде петушка.

В слое XII в. городища обнаружена плоская шумящая привеска в виде конька (рис. 24, 19).

Аналогичные зооморфные привески широко известны в северо-западной и северо-восточной Руси, в районах с финно-угорским населением¹⁰. Находки подобных привесок в Ярополче свидетельствуют о наличии в составе его населения выходцев из местных муро-мерянских племен.

Из иных привесок интересен амулет в виде миниатюрной ложечки (рис. 24, 16), обнаруженный на городище в слое XII в. Аналогичные находки известны в курганах северо-запада и северо-востока XI—XII вв.

Находки лунниц немногочисленны. Две из них¹¹ — узкорогие, серебряные, с глазковым орнаментом — отлиты в одной литейной форме, третья маленькая, имеет сросшиеся концы, напоминая скорее по очертаниям круг. Все три лунницы происходят из посада и датируются XI в.

В слое XII—начала XIII в. на городище найден обломок круглой корешетчатой ажурной привески. Подобные привески особенно характерны для населения Новгородской земли¹².

Другие круглые привески представлены амулетом-змеевиком (рис. 23, 1—2). Он обнаружен на посаде в слое XI—начала XII в. На лицевой стороне его помещено изображение Богородицы-Оранты, на оборотной — змеиная композиция с головой посередине. Аналогичная привеска-змеевик известна из владимирских курганов¹³.

Односторонняя бронзовая привеска с зеркальным изображением Успения Богоматери (рис. 23, 11) найдена на посаде в слое XII в. Две аналогичные находки происходят из владимирских курганов (Зворыкино и Ненашево), третья, по сведениям А. А. Спицына, найдена в угличских, четвертая в костромских курганах¹⁴. В других местах Древней Руси подобных

⁶ М. В. Седова. Раскопки Ярополча Залесского, стр. 48, рис. 12, 9.

⁷ М. В. Седова. Археологические работы. . . , рис. 40.

⁸ В. В. Седов. Древнерусское поселение. . . , рис. 38, 1; Н. П. Журжалина. Датировка древнерусских привесок-амулетов. СА, 1961, № 2, стр. 136.

⁹ В. В. Седов. Древнерусское поселение. . . , рис. 38, 4; Н. П. Журжалина. — Указ. соч., рис. 1, 17, 18.

¹⁰ А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 93.

¹¹ В. В. Седов. Древнерусское поселение. . . , рис. 38, 2—3.

¹² А. В. Успенская. Нагрудные и поясные привески, стр. 108, рис. 18, 3, 13.

¹³ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 214.

¹⁴ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 218, 11; 221; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии. МАВГР, т. III, 1899, табл. 6, 37.

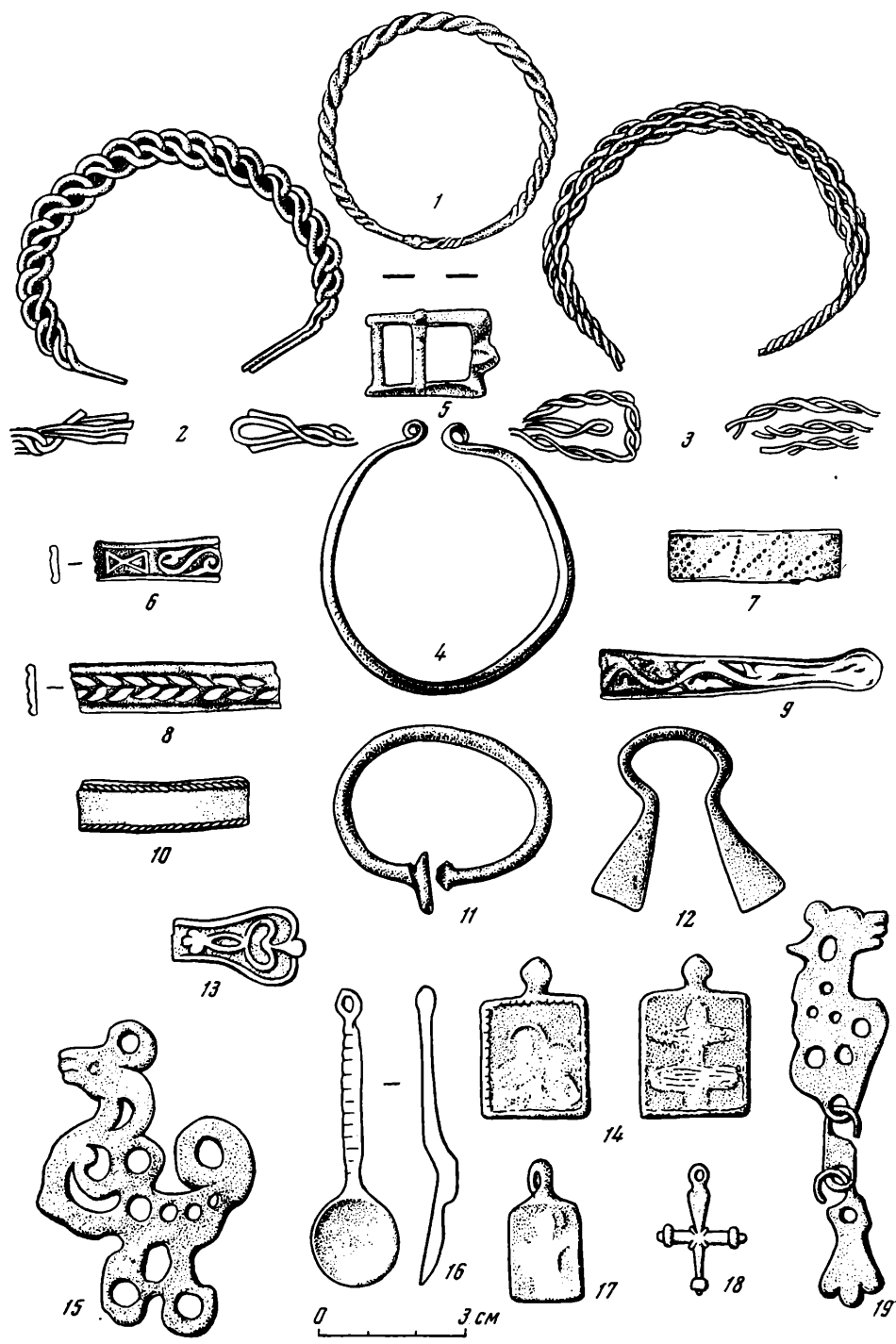

Рис. 24. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского
 1—4, 6—10, 13 — браслеты; 5 — пряжка; 11—12 — сьюльгамы; 14—19 — привески

образков не встречено, в связи с чем можно предположить, что изготовлялись они во Владимирской земле. Не было ли связано место их изготовления с Владимирским Успенским собором?

Из городища (слои XII—начала XIII в.) происходят привески-иконки прямоугольной формы. На одной — поколенное изображение неизвестного святого (рис. 24, 17), на другой, видимо, фигура Богоматери-Одигитрии (рис. 24, 14). Подобные образки известны из владимирских, московских и угличских курганов¹⁵.

Количественно самой значительной категорией ярополчских привесок являются кресты. Среди них шесть крестов-энколпионов. Фрагмент лицевой стороны одного крупного (длиной примерно 9 см) энколпиона имеет рельефное изображение Распятия с предстоящими (рис. 23, 18). Он найден на городище в слое сгоревшей наземной жилой постройки XII в. Аналогичные кресты-энколпионы относятся ко второй половине XII в.¹⁶

Также второй половиной XII в. можно датировать два других энколпиона, один из которых обнаружен на посаде (рис. 23, 22), другой — на городище. Кресты имеют длину 5,2 см, изготовлены из золотистой бронзы. На лицевой стороне — рельефное изображение Распятия и подпись внизу IX, на оборотной — Богородица с подписью МРΘΥ. Изображения святых, расположенных по сторонам от центральных фигур, а также крест в изголовье Христа выполнены техникой инкрустации серебром. Аналогичные кресты известны из коллекции Ханенко (находки в Григоровке и в Каневе Киевской губ.)¹⁷. Подобный по форме крест, но с более сглаженными изображениями и без инкрустации обнаружен в Новгороде в слое середины XIII в.¹⁸ Г. Ф. Корзухина датирует эту форму энколпионов второй четвертью XII в.¹⁹

Еще два тождественных энколпиона (рис. 23, 17) найдены на посаде и на городище. Оба стратиграфически датируются XII в. Первая находка имеет обе створки (на лицевой стороне креста помещено Распятие, на оборотной — Богоматерь). Энколпион с городища имеет лишь лицевую створку с фигурой распятого Христа. Рельефные изображения на обоих крестах сильно сглажены. Подобные энколпионы известны из костромских курганов, из коллекции Ханенко, из Новгорода и других мест, причем новгородская находка датируется ранним временем — XI в.²⁰

Наконец, еще небольшой (длиной 4,4 см) бронзовый крест-складень, с двух сторон орнаментированный серебряной инкрустацией, происходит с посада (рис. 23, 25). Дата его — XII в. Аналогичные складни известны на Киевщине²¹. Все перечисленные типы энколпионов находят ближайшие аналогии среди древностей Киевской Руси. По-видимому, в Киеве и его округе было налажено на протяжении XI—начала XIII в. изготовление этих предметов. Оттуда через торговлю они проникали в самые отдаленные уголки Древней Руси. Возможно также, что часть крестов принесена в Ярополч колонистами из Киевской и Галицко-Волынской земель.

Кроме энколпионов, в Ярополче найдено 11 крестов-тельников. Один из них явно изготовлен в мастерской Ярополчского посада, так как он имеет литейный брак и на нем видны следы заусениц (рис. 23, 3). Дата его XII—начало XIII в. К этому же времени относятся три крестика с шариками на концах (рис. 23, 10).

¹⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 218, 9, 10; 226.

¹⁶ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «курсунского дела» на Руси. «Византийский временник», т. XIV, 1958, стр. 133, табл. II, 2.

¹⁷ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности русские. Кресты и образки, вып. 1. Киев, 1899, табл. V, 65, 66; VI, 74; VII, 87.

¹⁸ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 236, рис. 4, 16.

¹⁹ Г. Ф. Корзухина. О памятниках «курсунского дела»..., стр. 133, табл. III, 1.

²⁰ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода, стр. 235, рис. 4, 14.

²¹ Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности русские, табл. I, 26/27; XVII, 205/206.

Аналогичные кресты были широко распространены на всей территории Древней Руси. В Новгороде крест такой формы обнаружен в слое середины XI в.²² Похож на эти предметы своими очертаниями плоский крестик (рис. 23, 24), найденный на городище в братском кладбище, устроенном после осады Ярополча монголами в 30-е годы XIII в.

К XII—XIII вв. относятся находки на городище двух тельников с шариками на концах и квадратным средокрестием (рис. 24, 18). Своеобразен по форме ажурный крест-тельник, выполненный в технике литья по восковой модели (рис. 23, 9). Остальные кресты фрагментарны.

Нагрудные украшения в Ярополче представлены также бронзовыми бубенчиками. Характерный для X—XI вв. бубенчик грушевидной формы с крестовидной прорезью найден на посаде в слое XI в. Пять бубенчиков круглой формы с щелевидной прорезью встречены на городище в слоях XII—XIII вв.

Браслетов найдено 27, в том числе некоторые из них представлены фрагментами. Одной из распространеннейших форм браслетов, бытовавших на Руси с конца I тысячелетия н. э. вплоть до XIV в., были дрововые тонкоконечные браслеты. В Ярополче таких браслетов найдено три (в слоях XII—XIII вв.).

Довольно ранним по форме является литой ложновитой браслет с завязанными концами (рис. 24, 1), обнаруженный на посаде в слое XI—начала XII в. Также на посаде, но в слое конца XII—начала XIII в. найден плетеный из четырех проволок бронзовый браслет со свободными разожнутыми концами (рис. 24, 2).

Витых браслетов с петлями на концах найдено семь: четыре — тройных, два — витых 2×2 , один витой 2×3 . Как известно, витые тройные браслеты появляются в славянских древностях уже в XI в.²³ и наибольшего распространения достигают в XII—XIII вв. Браслеты витые 2×2 и 2×3 относятся к более позднему времени — XIII—XIV вв.²⁴

Интересны по технике изготовления обломки двух браслетов, основу которых составляет гладкий круглый железный дрот, а снаружи они оплетены бронзовыми тонкими проволоками, уложенными в сложный узор. Оба обломка обнаружены на городище в слое начала XII в. Такие браслеты обычны среди древностей кривичей и вятичей XII—XIII вв.²⁵

Наиболее распространенными браслетами Ярополча были пластинчатые. Их найдено 11, все на городище в слоях XII—начала XIII в. Изготовлены они из бронзы и меди. Два браслета относятся к типу загнутоконечных, два — овалноконечных, остальные представлены фрагментами. Поверхность некоторых пластинчатых браслетов орнаментирована плетенкой (рис. 24, 8), S-видным и крестообразным узором (рис. 24, 6), пунктирным зигзагом (рис. 24, 7), растительным узором (рис. 24, 9), рельефными косичками по краю (рис. 24, 10) и рельефным линейным тиснением. Овалноконечный браслет с растительным узором (рис. 29, 9) очень близок по орнаментации к аналогичному браслету из Новгорода, найденному в слое первой половины XIII в.²⁶

Перстней в Ярополче найдено 15 — все, за исключением одного, изготовлены из бронзы. Среди них шесть — рубчатые простые (рис. 23, 16) и датируются XII—началом XIII в. К XII в. относятся витой из двух проволок перстень с расширяющейся средней частью и раскованными

²² Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности русские, табл. XVII, 188; Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губернии, табл. 6, 6; А. А. Спицын. Владимирские курганы, рис. 205; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода, стр. 233, рис. 4, 4.

²³ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода, стр. 247.

²⁴ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 137, 138.

²⁵ В. П. Левашева. Браслеты. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 229.

²⁶ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода, стр. 252, рис. 9, 4.

плоскими несомкнутыми концами (рис. 23, 15). Первой половиной XIII в. датируется витой тройной перстень с петлями на концах. К этому же времени относятся два пластинчатых прямых перстня с разомкнутыми концами (рис. 23, 20), найденные на посадке. В курганах северо-западной и северо-восточной Руси, в том числе в Новгороде, аналогичные перстни относятся к более раннему времени — XI—XII вв.²⁷ Коронковые перстни представлены двумя экземплярами. Форма щитков для вставок у них круглая и шестиугольная (рис. 23, 19). И, наконец, три перстня принадлежат к пластинчатым фигурносрединным и имеют шести- и восьмиугольные неорнаментированные щитки (рис. 23, 12). Они найдены в детинце в слоях XII—начала XIII в. Этим временем датируются аналогичные перстни из деревенских курганов северо-западных и северо-восточных земель Руси²⁸.

Особую группу украшений составляют всевозможные застежки — фибулы, пряжки, булавки. Все фибулы (4 экз.) подковообразные со спирально загнутыми концами. Одна из них имеет круглое сечение дуги, две — витые, а четвертая орнаментирована прямой насечкой. Подковообразные фибулы со спиральными концами известны в восточнославянских памятниках X—XIII вв., но экземпляры с витой дугой следует относить к XII—XIII вв., а орнаментированные насечкой даже к XIII—XIV вв.²⁹ По-видимому, одна из фибул относится к кругу мордовских древностей. Это так называемая кольцевая застежка с усами (рис. 24, 11). Найдена она на посадке в материковой яме и датируется X—XI вв.

На посадке в слое начала XIII в. встречена застежка-сюльгама с расплюснутыми расширяющимися концами (рис. 24, 12), характерная для финских племен Поволжья. Поясные пряжки (4 экз.), бронзовые и биллоновые, имеют литую и прямоугольную форму. Одна из одежных булавок имеет витой стержень, а другая — стержень с утолщениями и кольцевидную головку. Встречены также литые полусферические бронзовые пуговицы с ушками (рис. 23, 5) и так называемые свинцовые грузики (6 штук), служившие, очевидно, пуговицами.

Вышеперечисленными предметами исчерпывается перечень ювелирных изделий из раскопок Ярополча. Предметов, датированных X—XI вв., очень мало, и найдены они все на территории первоначально возникшего селища, ставшего позднее посадом. Это — бубенчик с крестовидной прорезью, привеска-уточка, лунницы и др. Все предметы, происходящие с детинца, датируются XII—XIII вв. Состав украшений носит общевосточнославянский характер. Лишь некоторые предметы можно отнести к типично городским украшениям (рясна, форма для отливки колтов, трехбусинные височные кольца). По-видимому, в состав населения города, помимо славян, входили и представители местных финно-угорских племен, о чем свидетельствуют находки кольцевой застежки с усами, сюльгамы, а также шумящих привесок и привесок с зооморфными изображениями. Возможно, при посредстве торговли или же выходцами из южных земель были занесены в далекий город северо-восточной Руси такие изделия, как кресты-энколпионы, изготовлявшиеся скорее всего в Киеве.

Весь комплекс вещей хорошо укладывается в хронологический отрезок времени X—XIII вв., причем большинство вещей датируется более узко — XII—XIII вв., т. е. временем расцвета города. Вещей, датированных XIV—XV вв., в Ярополче нет, так что коллекция украшений еще раз говорит о том, что город существовал лишь в домонгольский период и после татаро-монгольского погрома 1238—1239 гг. не возродился.

²⁷ Н. Г. Недошивина. Перстни. «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 271; М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода, стр. 254, рис. 10, 24.

²⁸ Н. Г. Недошивина. Перстни, стр. 273.

²⁹ В. А. Мальм. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы, «Труды ГИМ», вып. 43, 1967, стр. 157.

К. В. ПАВЛОВА

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ XII—XIII ВВ.
НА ДЕТИНЦЕ ДРЕВНЕГО НОВОГРУДКА

Раскопки на детинце Новогрудка, проводившиеся в 1968—1969 гг., дали новые данные об экономической и хозяйственной жизни населения этого города. Наряду с кирпичными строениями XIV—XV вв. в северной, привальной, части детинца открыто несколько деревянных построек XII—XIII вв., представляющих большой интерес¹.

Они погибли в пожаре, а их остатки почти полностью разобраны еще в древности, вероятно, при подготовке площади для новых построек. От построек остались в лучшем случае нижние венцы стен, настилы полов и развалы печей. Всего на площади около 450 кв. м открыто 11 разновременных деревянных построек, из которых восемь хозяйственные². Все они расположены в непосредственной близости к валу и имели небольшие размеры. Постройки однокамерные, четырехугольной в плане формы, ориентированы углами по сторонам света, иногда с небольшим отклонением. Лучшее других сохранились хозяйственные постройки 7, 9 и 14.

Остатки постройки 9 залегали на глубине 0,8—1,5 м³. Сверху остатки постройки покрыты слоем прокаленной земли, смешанной с золой, сажей, углем, с включением отдельных гнезд обожженной докрасна глины (над южным углом постройки такая глина лежала сплошным слоем толщиной в 12—15 см). Слой золы и угля над остатками постройки 9 является пожарищем постройки 9а, небольшая часть которой в виде настила пола из досок, покрытых тонким слоем обугленного зерна, лежала над центральной частью постройки 9. От самой постройки 9 сохранились нижние бревна трех стен и часть настила пола (рис. 25, 1). Ее юго-западная стена срезана поздней траншеей. Сохранившаяся часть постройки занимала площадь около 20 кв. м (примерно 4,6×4,6 м). Настил пола сложен из толстых неравномерно обугленных сосновых досок 18—15 см ширины. Он сильно разрушен поздними постройками и ямами, поэтому ни одна доска его не сохранилась на всю длину. Доски настила лежали в направлении с северо-запада на юго-восток, почти вплотную одна к другой. Большая часть настила была покрыта берестой, которая играла, вероятно, роль

¹ Раскопки проводились Новогрудской экспедицией ЛОИА под руководством Ф. Д. Гуревич. Информацию об этих раскопках см.: Ф. Д. Гуревич, М. В. Малевская, К. В. Павлова, Т. С. Пономарева, Е. В. Шолохова. Новогрудская экспедиция. «Археологические открытия 1968 года». М., 1969, стр. 354.

² Остатки еще пяти построек открыты при контрольных раскопках на детинце в 1962 г. См.: И. Д. Зильманович. Раскопки в детинце древнерусского Новогрудка. КСИА, вып. 104, 1965, стр. 93.

³ Все замеры глубин сделаны от репера, установленного на уровне современной дневной поверхности площадки детинца.

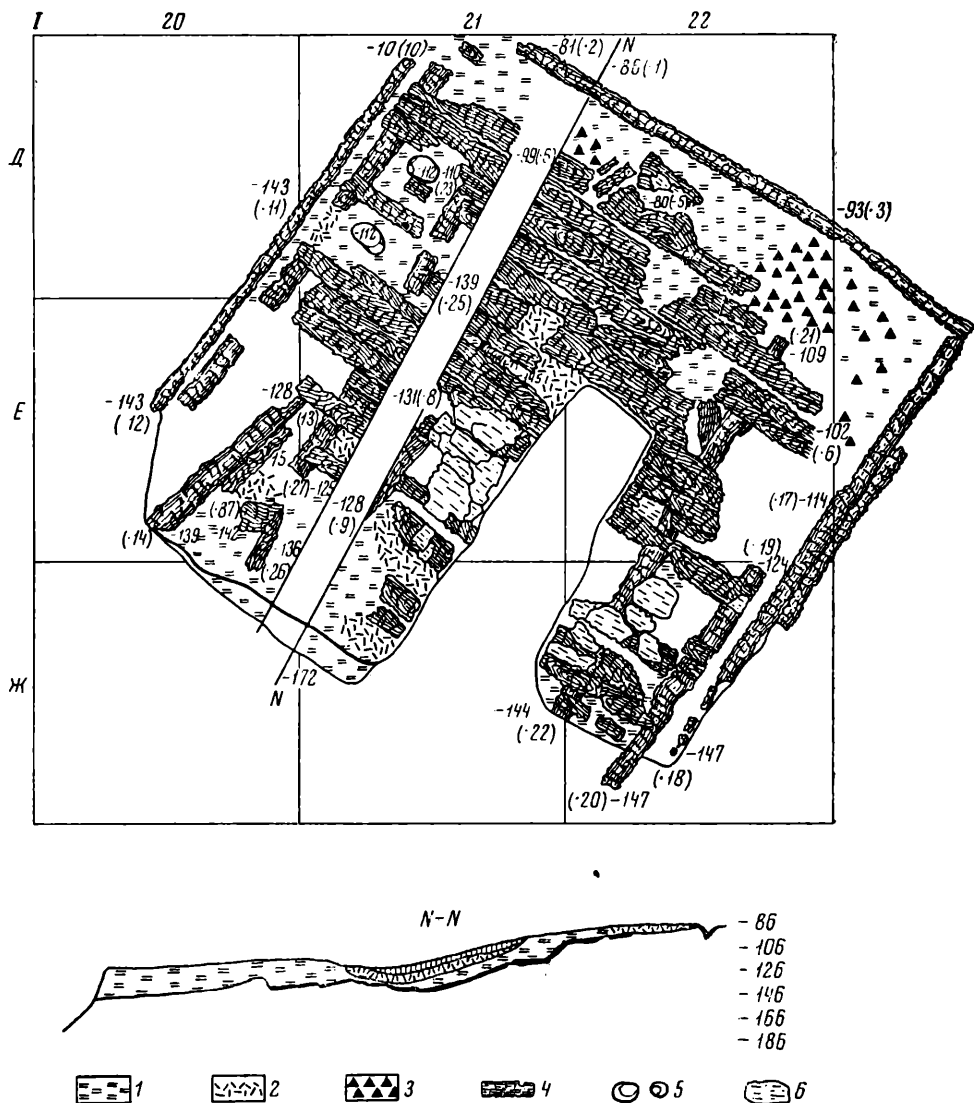
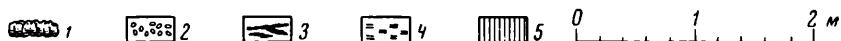
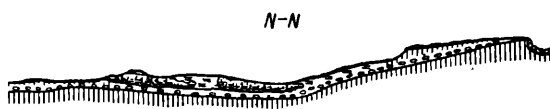
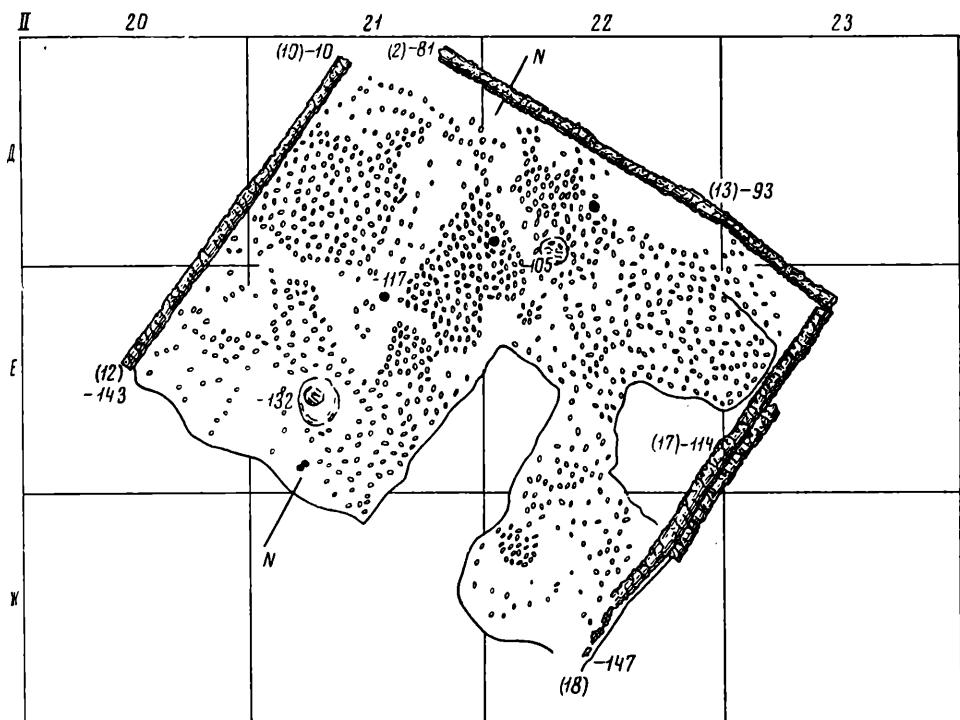

Рис. 25. Новогрудский де-
1 — постройка 9;

водоизолирующей прослойки. Листы бересты были соединены между собой в фальц, причем концы листов бересты в швах заходили друг на друга очень глубоко, в некоторых случаях на 4—5 см. Пространство между досками пола, а также места, где доски сгорели полностью, заполнено обожженной докрасна глиной или золой. Настил пола опирался на пять лаг — обугленные бревна диаметром 15—18 см, лежавшие на расстоянии 50—60 см одна от другой перпендикулярно доскам. Способ рубки стѐн постройки установить не удалось.

По обломкам керамики, стеклянным браслетам и другим вещам, найденным на полу постройки 9, она может быть датирована XII—XIII вв. Постройка 14 лежала непосредственно под постройкой 9, при этом границы ее развала полностью совпадали с границами вышележащей постройки (рис. 25, 2). Разделены эти постройки слоем прокаленной земли толщиной от 1,5 до 8 см, под которым лежала прослойка обугленного

ишец. Участок раскопа

II — постройка 14

зерна (мягкая пшеница, рожь, ячмень, овес, горох и конопля)⁴. Зерно распределялось по площади постройки неравномерно. В северо-восточной ее части заметно преобладание гороха, а в центральной — пшеницы. Овес и конопля найдены в очень небольшом количестве.

Следов деревянного настила под зерном не обнаружено, но здесь четко прослеживался тонкий сажистый слой, в котором местами заметны тонкие обуглившиеся волокна какого-то органического вещества, возможно, войлока, а также стебли соломы. Эта прослойка, а также бревна нижнего венца стен лежали на плотной серой гумусированной земле без каких-либо

⁴ Определение зерна и обуглившихся плодов сделано группой научных сотрудников Отделов пшеницы, бобовых и плодовых Всесоюзного Института растениеводства им. Н. И. Вавилова под руководством доктора сельскохозяйственных наук М. М. Якубцинера, за что выражаю им свою благодарность.

следов действия огня. В слое зерна найдено довольно много вещей. Среди них обломки гончарной посуды XII в., в том числе обломки обгоревшего раздавленного поливного одноручного кувшина с венчиком в виде раструба (рис. 27, 1), доньшко деревянного точеного сосуда, оселок и заготовка оселка, бронзовый рубчатый перстень (рис. 27, 3), железный наконечник стрелы (рис. 27, 2), одна свинцовая и четыре бронзовых гирьки весом 143, 100, 57, 29 и 21 граммов (рис. 27, 4—8). Одна из бронзовых гирек просверлена, а отверстие заполнено свинцом (рис. 27, 6). Особенно интересна находка двух обуглившихся клубков ниток (рис. 27, 9), двух обломков деревянных веретен с намотанными на них нитками (рис. 27, 10) и веревки. Кроме того, в северо-восточной части постройки вместе с зернами гороха найдена нижняя часть обугленного развалившегося лубяного короба. Остатки второго такого же короба, но больших размеров, обнаружены у юго-западного края постройки. При расчистке зерна найдено также несколько обломков стеклянных браслетов, преимущественно гладких.

Вопрос о соотношении построек 9 и 14 остается неясным. Возможно, что это нижние части одной двухъярусной постройки (типа жилища с подклетом). Но более вероятно, что это были две вполне самостоятель-

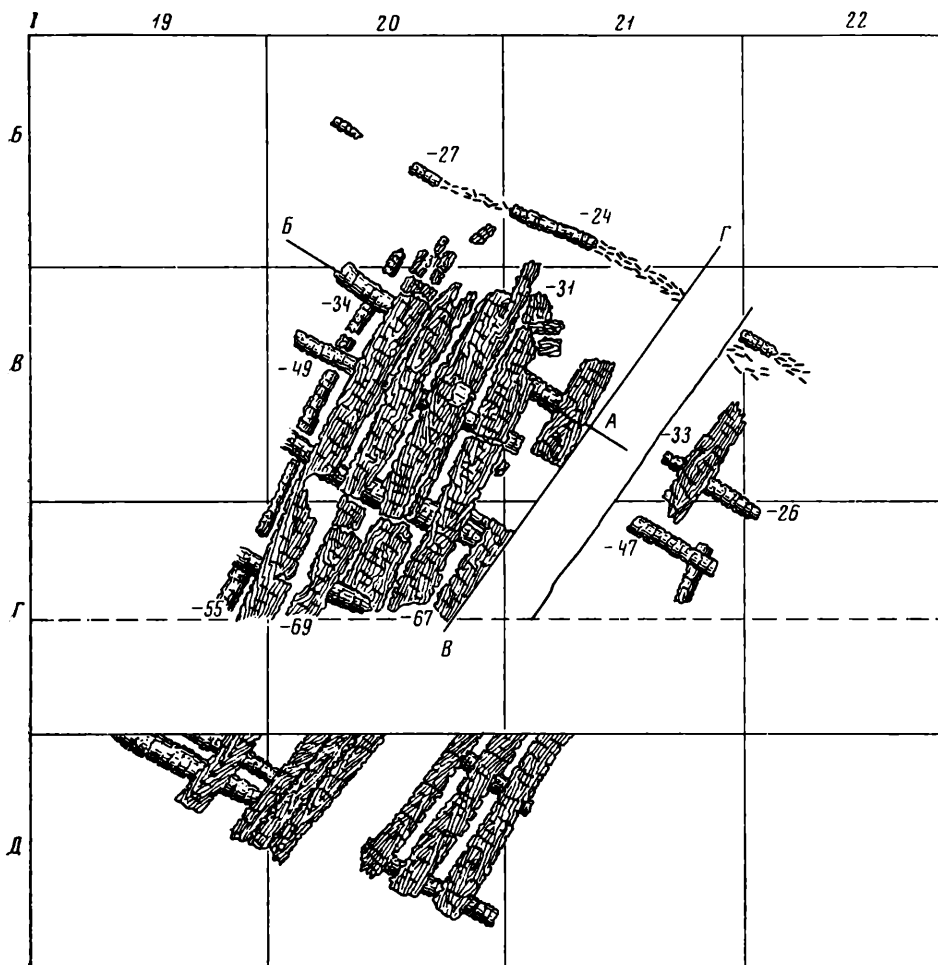
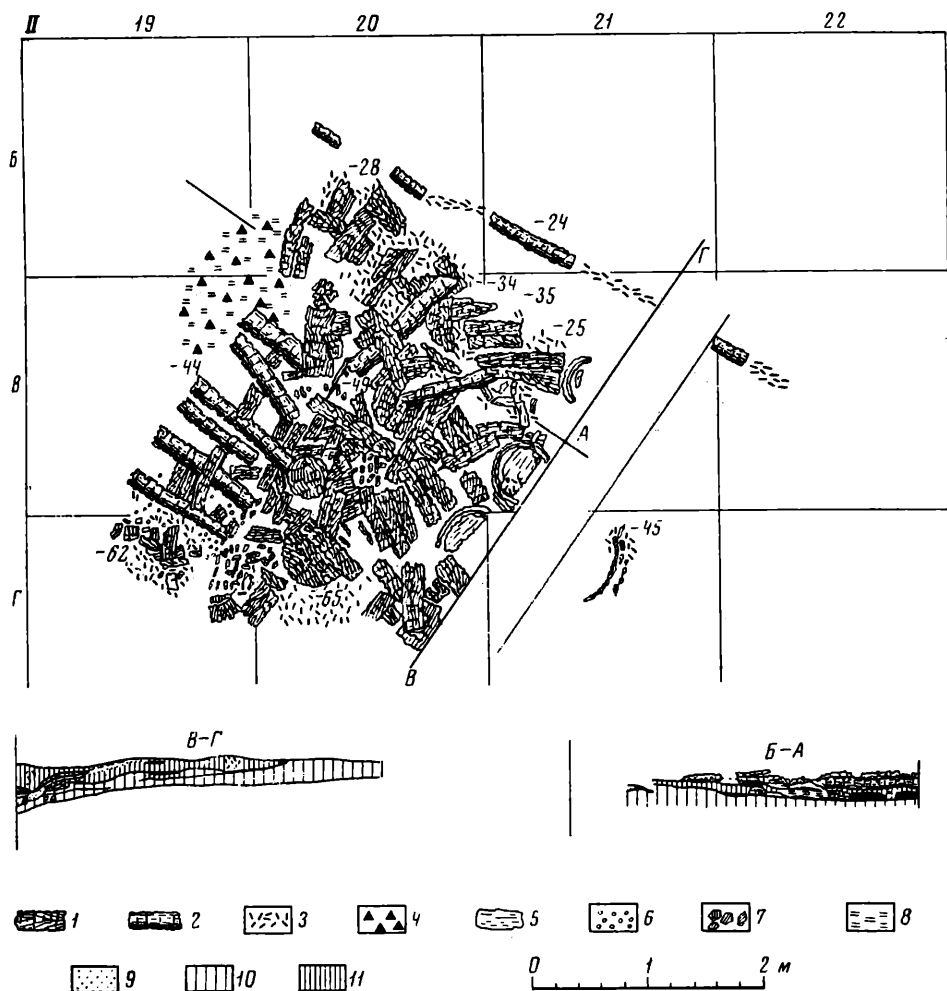

Рис. 26. Новогрудский

I — настил пола постройки 7; II —

ные постройки. В таком случае точное совпадение границ верхней и нижней построек говорит о том, что они не были разделены большим промежутком времени и, может быть, принадлежали одному хозяину. Можно предполагать, что постройка 14 сгорела поздней осенью или зимой, когда хранившиеся там запасы зерна были еще значительными.

Постройка 7 (рис. 26, 1) по своему устройству и содержанию очень близка к описанным. Она залегала на глубине 24—95 см, в сером гумусном слое, насыщенном гнездами обожженной глины, золой и углем. От нее сохранился настил пола из обгоревших толстых досок от 22 до 35 см ширины и до 4—5 м длины. Пол занимал площадь около 20 кв. м. Юго-восточная часть его прорезана поздней траншеей около 70 см ширины. Доски настила лежали в направлении с северо-востока на юго-запад на расстоянии 2—8 см одна от другой. Пространство между досками, как и в постройке 9, заполнено обожженной докрасна глиной и прокаленной землей. Сверху доски местами покрыты берестой. Кроме того, большое число кусков бересты встречено в земле, покрывавшей настил; видимо, берестой был покрыт весь пол постройки. Под настилом пола лежали лаги — горелые бревна длиной свыше 4 м и 18—20 см в диаметре. Стены постройки не сохранились. Только с северо-восточной стороны зафиксиро-

гинец. Участок раскопа

вал обугленных бочек из постройки 7

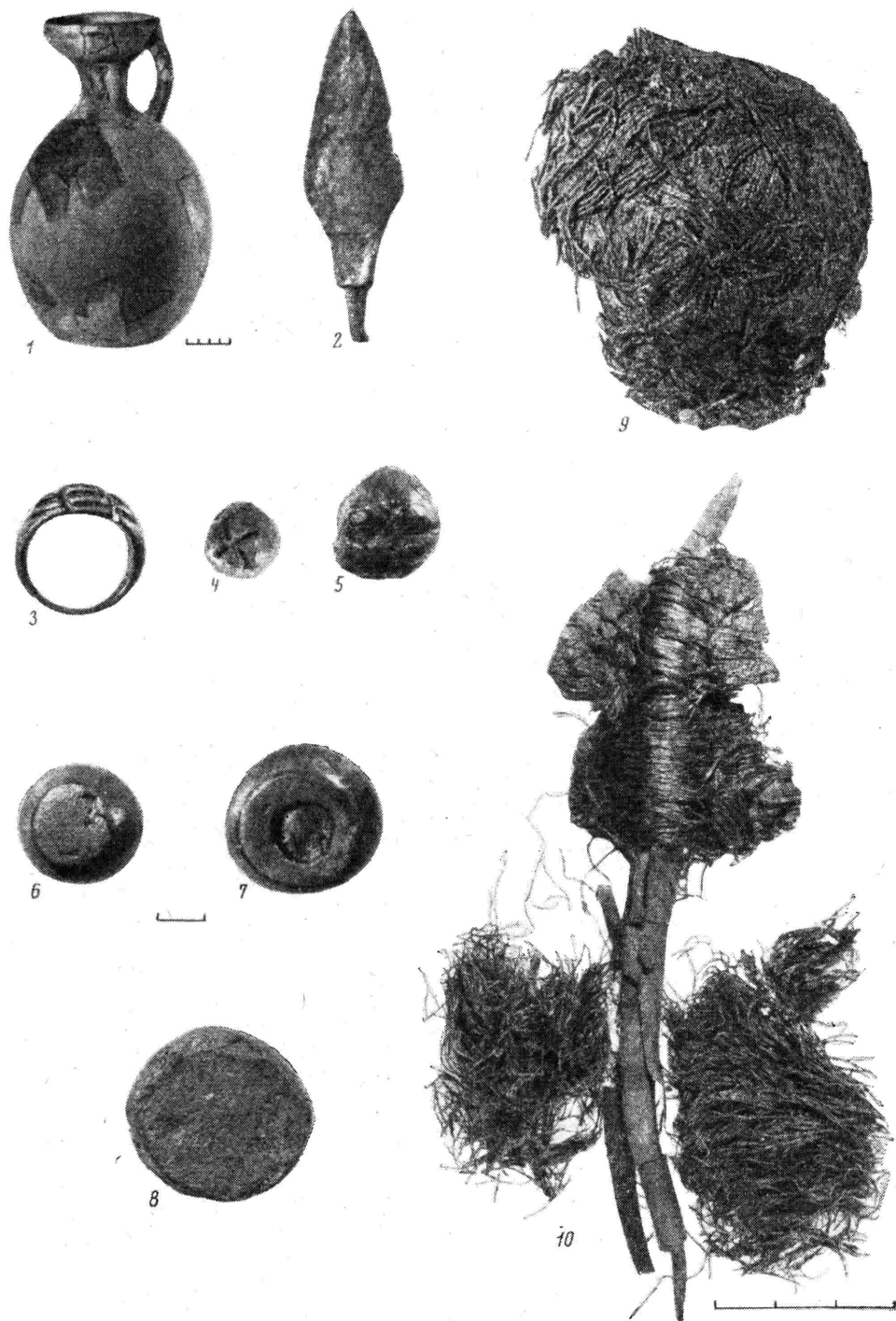

Рис. 27. Новогрудок. Вещи из постройки — 14

1 — поливной кувшин; 2 — наконечник стрелы; 3 — перстень; 4—8 — гирьки; 9 — нитки; 10 — обломки веретен с нитками

ваны куски сильно обуглившегося дерева, по-видимому, остатки нижнего бревна постройки. Непосредственно под настилом пола залегал второй слой обгорелого дерева, в котором четко выделялись лежавшие группами в разных направлениях тонкие доски от стен бочек и их днищ (рис. 26, II). Всего в этом развале удалось выделить остатки шести бочек и трех лубяных коробов. Бочки, судя по длине досок и размерам днищ, имели диаметры от 35 до 65 см и высоту от 64 до 80 см. На внутренней стороне досок всех бочек на расстоянии 3—4 см от нижних концов были видны пазы от врезки днищ. В одной бочке такие пазы имелись на обоих концах досок.

Среди остатков одной из бочек найдено большое количество обгоревших плодов диких груш и косточек дикой сливы-терна. В другой бочке, видимо, хранилось мясо, так как в ее развале обнаружены кости домашней свиньи. Еще одна бочка служила для хранения жидкостей — в одной из ее досок сохранилась обуглившаяся втулка.

Залегание развала бочек непосредственно под настилом пола постройки 7 и стратиграфия говорят о том, что бочки относятся к той же постройке. Это, по-видимому, был амбар или кладовая в нижней, подпольной части которого хранились запасы, требующие низкой температуры, а верхняя часть предназначалась для зерна. По характеру керамики и по стратиграфическим данным эта постройка датируется концом XII—XIII вв.

Постройки-амбары открыты во многих древнерусских городах, но данные по большинству из них, к сожалению, пока не опубликованы. Например, среди построек Новгорода упоминается девять несомненных амбаров, но описания их в публикациях отсутствуют⁵. Почти ничего не известно в археологической литературе о хозяйственных постройках с подклетами или подпольными помещениями типа постройки 7, хотя наличие подпольных помещений в жилых постройках отмечается довольно часто⁶.

Хозяйственные постройки детинца Новогрудка дали дополнительные данные о развитии сельского хозяйства этого города, о чем до сих пор можно было судить лишь по орудиям труда. Находки на детинце позволяют утверждать, что наряду с довольно высокой культурой земледелия и скотоводством, наряду с возделыванием ряда зерновых население употребляло плоды дикорастущих растений — орехов, груш, слив.

В заключение нужно отметить, что хозяйственные постройки детинца древнего Новогрудка существенно отличаются от хозяйственных построек окольного города. Там они, как правило, имели производственное назначение. Помещений для хранения запасов, кроме хозяйственных ям, вырытых в материке и относящихся к раннему периоду истории Новогрудка, на окольном городе обнаружено не было.

⁵ П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 278.

⁶ Н. Н. Воронин. Древнее Гродно. МИА, № 41, 1954, стр. 35; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 41; он же. Рязанская земля. М., 1961, стр. 168—170, 202.

В. И. КИЛЬДЮШЕВСКИЙ

ПОСТРОЙКИ XV В. ИЗ РАСКОПОК ОРЕШКА

В 1968 г. отрядом Ленинградской археологической экспедиции под руководством А. Н. Кирпичникова были начаты раскопки древнего Орешка, крепости, основанной в 1323 г. новгородцами на небольшом острове у истока Невы из Ладожского озера. В 1969 г. раскопки продолжались и при разборке слоя XV в. (раскоп 1) расчищены остатки двух построек, погибших во время пожара (рис. 28). Находились они на глубине 1,9—2,1 м от уровня дневной поверхности, на предматериковом слое илистого песка с включениями щепы и коры. Сверху постройки прикрыты слоем глины и песка, толщиной от 0,1 до 1,0 м, который является выбросом при строительстве канала XV—XVI вв., обнаруженного в 10—12 м к востоку от построек.

Постройка 1 находится в восточной части раскопа, размеры ее 3,25×3 м. Сохранилась она на высоту одного венца (диаметр бревен 14—16 см), углы рублены в обло. В западной части постройки расчищен пол, состоявший из двух настилов: нижний — плахи шириной 12—14 см, уложенные на землю горбылями вверх; поперек них были настланы доски толщиной 3—4 см и шириной 30—35 см. Восточную часть постройки занимает развал больших и мелких камней, золы, глины. Камни сильно обожжены, некоторые из них раскрошились от многократного пребывания в огне. Это — остатки печи-каменки, сооруженной непосредственно на земле, без опечка. В северной части постройки, у настила, расчищены два столбика диаметром 10—12 см. Там же были найдены остаток веника, обломок деревянной чаши или ковша. Из немногочисленных фрагментов керамики, найденных при расчистке, удалось склеить один горшок (рис. 29, 25).

Размеры постройки, наличие остатков печи без опечка, многократная обожженность камней, использовавшихся для согревания воды, остатки веника, полное отсутствие бытовых находок, расположение постройки недалеко от канала позволяют предположить, что она являлась черной баней. Отсутствие пола в северной части постройки, видимо, говорит о том, что она была занята полком и лавкой, к которым и относились столбики у настила. По этнографическим наблюдениям известно, что для лучшего стока воды пол под полком и лавками иногда не настилали. Вход в баню не прослеживается, но по направлению настила пола и положению печи можно считать, что вход был с южной стороны¹. В археологических раскопках постройки такого рода до сих пор не встречались. Так, в Новгороде пока не найдено ни одной постройки, которая могла бы быть бесспорно отнесена

¹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. «Восточнославянский этнографический сборник». М., 1956, стр. 342, рис. 70.

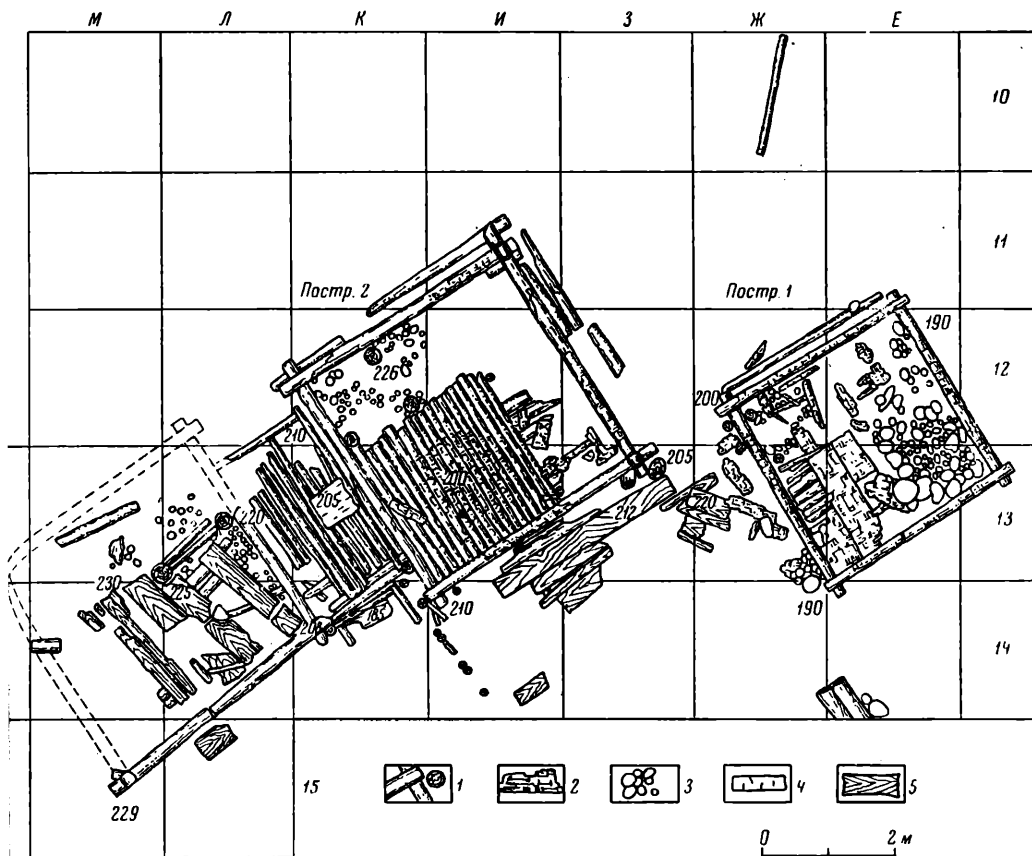

Рис. 28. План построек раскопа 1 в Орешке

1 — негорелые бревна; 2 — горелые доски; 3 — камни; 4 — горелые бревна; 5 — негорелые доски

к этой категории². По результатам дендрохронологического анализа установлена дата постройки 1 — 1433 г.³

Постройка 2 расположена в 1,5 м к западу от первой (рис. 28). Это — трехкамерное строение, состоящее из двух срубов и связывающих их сени. Восточная часть постройки — сруб размерами 3,88×3,75 м. Углы сруба рублены в обло, с чашей и пазом в нижнем бревне. Пазы между бревнами проконопачены мхом, а в одном из углов обнаружен войлок. Сруб сохранился на высоту двух-трех венцов. Бревна диаметром 18—20 см положены прямо на земле, только под углы северной стороны сруба подложено четыре коротких бревна для выравнивания неровности почвы. Внутри сруба, в его южной части, находится бревенчатый настил размерами 2,2×2,24 м. Он набран из круглых бревен диаметром 10—14 см, положенных плотно друг к другу. С двух сторон настил примыкает к стенкам сруба, с восточной ограничен двумя столбиками, а с северной — столбами печи. Лежит настил на четырех поперечных лагах, положенных на землю. Лаги на 40—70 см выступают за край настила, но не доходят до стенки сруба. Никаких следов дощатого пола на настиле не обнаружено, но, видимо, так же, как и в первой постройке, он здесь был. Его отсутствие можно объяснить тем, что после пожара пол был разобран (при рас-

² П. И. Засурцев. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. МИА, № 123, 1963, стр. 55.

³ Анализ выполнен научным сотрудником лаборатории ИА АН СССР Н. Б. Черных.

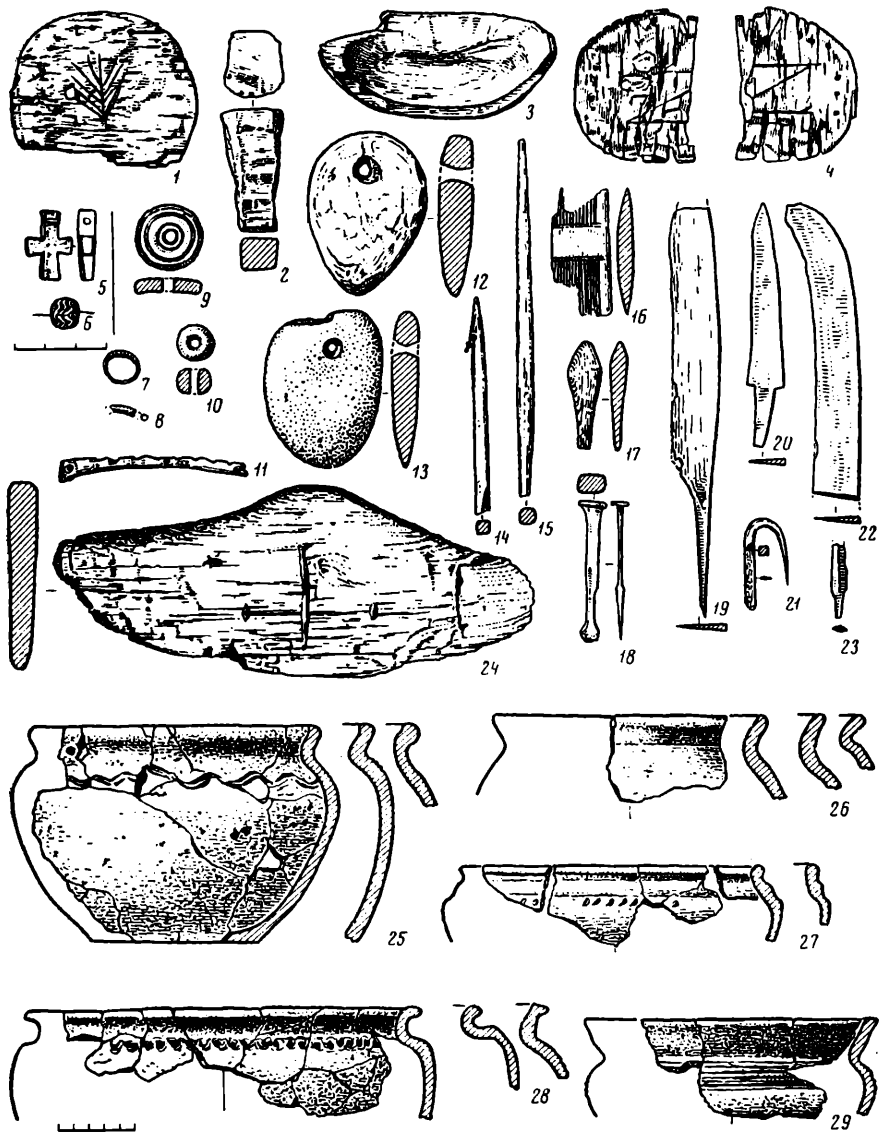

Рис. 29. Хозяйственно-бытовой инвентарь из Орешка

1, 3, 4, 12, 15—17, 24 — изделия из дерева, бересты, коры; 2, 11, 14, 18—23 — изделия из железа; 5—8 — предметы украшения; 9—10 — пряслице; 13 — рыболовное грузило; 25—29 — типы керамики

чистке у южной стенки сруба было обнаружено большое скопление обломков обгорелых досок, являющихся, вероятно, остатками этого пола).

В северо-западном углу сруба расчищен развал печи с опечком столбовой конструкции. Три столба имели диаметр 20—25 см, а четвертой опорой служили три рядом стоящих столбика диаметром 10—11 см каждый. Размер опечка 1,1×1,25 м. Здесь открыт развал небольших камней, глины, золы. Та часть сруба, где настил отсутствовал, заполнена горелым слоем со щепой и корой и, вероятно, была занята лавками и полатями.

Сруб западной части постройки смещен на 60 см к северу по отношению к восточному срубам. Так как сохранился он очень плохо, то о его конструкции и размерах можно судить лишь приблизительно. Обнаружено только одно бревно сруба длиной 4,1 м и диаметром 0,2 м (оно разломано на две части и сдвинуто со своего места). Остатки двух других

бревен образуют с первым углом сруба. По длине сохранившейся стороны, а также по размеру печка можно предположить, что наиболее вероятный размер сруба — $3,9 \times 3,8$ м. Внутри сруба расчищена часть настила из тесаных досок шириной 20—25 см и толщиной 3—4 см (сохранилось четыре лаги). И настил, и лаги были смещены со своего места, некоторые из них перерублены. Вероятно, после пожара эта часть постройки, пострадавшая меньше других, была почти полностью разобрана. Доски настланы поперек входа в избу из сеней. Обычно же половицы настилают в направлении от двери к передней стенке — «по ходу», что известно из археологических и этнографических данных.⁴ Возможно, что здесь настил пола также был разобран, а найденные доски являлись лишь черным полом. Как и в первом срубе, настил занимал, вероятно, только часть сруба.

Печь находилась в северо-восточном углу. По своей конструкции и размерам она напоминает печь восточного сруба. Сохранилось два столба диаметром 24—28 см и небольшой развал камней и глины. Между столбами положены две короткие жерди, которые ограничивали печек со стороны настила.

Сени сохранились очень плохо и их устройство можно представить лишь приблизительно. Вероятнее всего, они имели столбовую конструкцию. Такие сени были очень распространены в Новгороде в XIII—XV вв. По углам построек стояли столбы, а стены забирались горизонтальными закладками из жердей. В данном случае сохранилось лишь два таких столба, поставленных в южной части. Внутри сени вымощены настилом из жердей диаметром 8—12 см, лежащих на трех лагах. Ширина сеней 1,6 м, длина сохранившейся части 2,8 м. С южной стороны к сеним примыкала и с ними конструктивно связана вымостка из досок и плах, лежащая на двух поперечных лагах, — остатки порога или крыльца. Таким образом, вход в сени был с южной стороны, а оттуда — в обе части постройки. Любопытно отметить, что на настиле сеней перед восточной частью постройки лежал лист бересты 50×75 см, своего рода половик перед входом. По дендрохронологическому анализу постройка датируется 1430 г.

В целом постройка 2 принадлежит к трехчастным (изба + сени + изба) и выстроена из сосновых и еловых бревен⁵.

Размеры и конструкция печей, находки говорят о жилом характере помещений. Постройки такого рода широко известны в этнографии. Это — типичное северорусское жилище, обычно состоявшее из избы + сеней + клети⁶. Но встречаются и связи из двух зимних изб, особенно при наличии многочисленной семьи⁷. В археологическом материале такие связи менее известны.

С южной стороны постройки непосредственно от крыльца начинается забор, который уходит в стенку раскопа. С этой же стороны вплотную к восточному срубу примыкает настил из досок, лежащих плотно друг к другу. Время сооружения забора — 1430 г.

При расчистке постройки и в непосредственной близости от нее найдено значительное число находок из глины, дерева, бересты, железа и камня. Собрано около 500 фрагментов керамики, в том числе 108 венчиков. Керамика очень однородна по своему составу, способу формовки, обжигу. Изготовлена она на гончарном круге. Цвет стенок серый и серо-коричневый. Тесто довольно грубое, с примесью крупного песка, дресвы, слюды. В изломе черепок трехслойный. Наружная поверхность шероховатая, с внутренней стороны видны вмятины от пальцев и следы заглаживания. Толщина стенок 0,6—0,8 см. Подавляющее большинство фрагмен-

⁴ П. И. Засурцев. Указ. соч., стр. 28; Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 77, 78.

⁵ Анализ пород спилов сделан Н. Б. Черных.

⁶ Е. Э. Бломквист. Указ. соч., стр. 235, рис. 51, 2.

⁷ Там же, стр. 144.

тов — остатки горшков со следами копоти и нагара. Диаметр горла сосудов в основном — 16—23 см. Днища без закраин, со следами песчаной подсыпки. Орнаментировано лишь 12% керамики, чаще всего однорядной волной и линейным орнаментом. Изредка встречаются ногтевидные насечки и ямочные вдавления. По особенностям профилировки венчика можно выделить четыре типа горшков (рис. 29, 25—28).

Тип I (70 фрагментов) составляют горшки с отогнутым наружу венчиком, с шейкой, плавно переходящей в тулово сосуда. Край венчика закруглен и загнут вовнутрь, образуя канавку. К этому типу относятся все четыре горшка, которые удалось склеить (рис. 29, 25). Это — широкогорлые (диаметром 18—23 см), приземистые сосуды с расширением в верхней части тулова, высотой 18—21 см. Диаметр дна 12—16 см. Подобного типа горшки восходят к керамике XI—XIII вв.⁸ Для слоев XV в. исследуемого памятника — это наиболее характерный тип керамики.

Тип II (18 фрагментов) объединяет сосуды, по форме близкие к типу I, но имеющие более простую конфигурацию края венчика (он более острый и не имеет канавки с внутренней стороны (рис. 29, 26). Такая керамика бытует в Москве в XII—XIV вв., в Новгороде — в XIV—XV вв.⁹

Тип III (13 фрагментов) образуют горшки с коротким венчиком, край его сильно отогнут наружу. Переход от шейки к тулову отделяется плечиком, иногда значительным (рис. 29, 28). Этот тип горшков встречается в древнерусских городах в слоях XIII—XIV вв.¹⁰

Тип IV (5 фрагментов) составляют сосуды с низким, чуть наклонным вовнутрь венчиком, украшенным двумя валиками (рис. 29, 27).

Кроме того, найдено два фрагмента мисок с прямым, отогнутым наружу венчиком (рис. 29, 29). Аналогичные миски появляются в Новгороде в XII в. и бытуют в XIV—XV вв.¹¹

Можно отметить, что в XV в. керамика Орешка более архаична по своим формам, тесту и изготовлению, чем глиняная посуда этого времени в других русских городах. Горшки XV в. из Орешка во многом напоминают керамику XII—XIV вв.

В восточной части постройки 2 найдены обломок деревянного ковша (рис. 29, 3), берестяные и деревянные донца сосудов, веретено (рис. 29, 15), четыре глиняных и одно костяное пряслица (рис. 29, 9, 10), поплавок из коры от сетей (рис. 29, 12), поплавок из бересты со стилизованным изображением ели (рис. 29, 1), обломок подножки горизонтального ткацкого станка, пробки, затычки, обломки различных деревянных палочек со следами обработки. Подобные изделия широко представлены в Новгороде¹². Интересна находка обломка головной стенки деревянной колыбели с вырезанным на ней крестом (рис. 29, 24). Такие детали колыбелей встречены в Новгороде в слоях XIII и XV вв.¹³

Изделия из железа обнаружены в основном при расчистке развала печи и около него. Это — обломок косы (рис. 29, 22), три ножа с за-

⁸ Р. Л. Розенфельдт. Московское керамическое производство XII—XVII вв. САИ, вып. Е1-39, 1968, стр. 78, табл. I, 7, 9а, 9б; Н. Н. Воронин. Оборонительные сооружения Владимира XII в. МИА, № 11, 1949, рис. 306; Г. П. Смирнова. Опыт классификации керамики древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 244, рис. 7, 2, 3.

⁹ Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., стр. 8, табл. I, 9ж, 9з, 9к, 9л; Г. П. Смирнова. Указ. соч., стр. 244, рис. 1 (тип VII Б).

¹⁰ Н. Н. Воронин. Раскопки в Ярославле. МИА, № 11, 1949, стр. 186, рис. 10а; Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., табл. I, 9г; Г. П. Смирнова. Указ. соч., рис. 1 (тип V); рис. 8, 3.

¹¹ Г. П. Смирнова. Указ. соч., стр. 242, рис. 6, 11; 7, 10; 8, 6.

¹² Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. САИ, вып. Е1-55, 1968, табл. 14, 31, 36 и т. д.

¹³ Там же, стр. 81—82, рис. 66.

кругленной спинкой (рис. 29, 19, 20), обломки гвоздей, скобки, дужка от навесного цилиндрического замка (рис. 29, 21), обломок изделия из железа, покрытого оловом (рис. 29, 11). Кроме того, найден обломок небольшого ромбического в сечении напильника с однорядной прямой насечкой (рис. 29, 23).

Предметов туалета и украшений очень мало: обломки двух деревянных двусторонних гребней (рис. 29, 16), бусина из черного стекла со спирально-волнистым орнаментом (в Новгороде в слое XV в. найден лишь один подобный экземпляр)¹⁴, рубчатый литой бронзовый перстень (в Новгороде подобные были распространены в XI—XII вв.)¹⁵, обломок стеклянного гладкого браслета голубого цвета (рис. 29, 6—8). В Новгороде в слое начала XV в. встречено лишь 13 фрагментов таких браслетов¹⁶. При расчистке досок, лежащих недалеко от восточной части сруба, найден небольшой янтарный крестик (рис. 29, 5).

Из западной части постройки происходят обломок деревянного ромбического наконечника стрелы (рис. 29, 17), часть берестяного поплавка со знаками на обеих сторонах (рис. 29, 4), обломок трехзубой остроги (рис. 29, 14), рыболовное грузило из песчаника (рис. 29, 13), заготовка ключа от навесного замка (рис. 29, 18), железная петля, гвозди, скобка, а также небольшая пирамидальная ювелирная наковальня (рис. 29, 2).

В постройке найдены также около сотни деталей кожаной обуви, обрывков и обрезков кожи. По мнению Е. И. Оятевой, они относятся к ранним формам жесткой обуви. Но для них присущи и более архаичские черты XII—XIII вв., в частности прием цельнокроенности.

Таким образом, раскопки 1969 г. раскрыли часть усадьбы 1430—1433 гг. с небольшой трехкамерной постройкой и баней. Согласно Описным книгам Вотской пятины, в 1500 г. в крепости Орешек было 26 дворов, где жили служилые люди, мелкие землевладельцы¹⁷. Тот же состав населения был на острове, вероятно, и в первой половине XV в. Одной из таких семей, видимо, и принадлежали исследованные постройки.

¹⁴ Ю. А. Шапова. Стекланные бусы древнего Новгорода. МИА, № 55, 1956, стр. 176—177, табл. II, 13.

¹⁵ М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, № 65, 1959, стр. 257, рис. 10, 1, 2.

¹⁶ М. Д. Полубояринова. Стекланные браслеты древнего Новгорода. МИА, № 117, 1963, стр. 171, табл. II.

¹⁷ «Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 г.». «Временник Московского об-ва истории древностей российских», кн. II. М., 1851, стр. 111—115.

М. Д. ПОЛУБОЯРИНОВА

РУССКАЯ КЕРАМИКА С ВОДЯНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1963 г. при разведке на Водянском городище у г. Дубовка к северу от Волгограда среди многочисленных обломков золотоордынской керамики найдены фрагменты русской посуды¹. Предпринятые здесь раскопки (1967—1969 гг.) также дали большое количество русских черепков (около 4000 экз). Керамика эта низкого качества, с крупными примесями в тесте (в основном песок), ломкая, обжиг плохой. Она резко отличается от золотоордынской, изготовленной из хорошо отмученного теста и обожженной до звонкости. Толщина стенок 0,7—1 см, днища массивные до 1,5 см толщины. Встречено около 20 фрагментов днищ с клеймами различной схемы (рис. 30). Многие из них имеют аналогии на ряде памятников Древней Руси.

Основную и почти единственную форму сосудов представляют горшки.

Около 32% собранных фрагментов стенок и венчиков орнаментированы. Основной вид орнамента — волна (67% всех орнаментированных фрагментов). При этом многорядная волна составляет 40%, а однорядная 27%. Изредка оба варианта узора сочетаются. Линейный орнамент встречается сравнительно редко (15% от орнаментированных фрагментов), однорядный и многорядный примерно в равном числе. Около 2% составляют обломки с линейно-волнистым орнаментом. Это отличает рассматриваемую керамику, например, от московской, в которой преобладает линейный и линейно-волнистый орнаменты.

16% орнаментированных фрагментов составляют обломки с различными штампованными узорами. Господствующим был штамп, называемый «смежные треугольники». Кроме того, встречены штампы: квадратики, треугольники, круглые и овальные ямки.

Целых сосудов не встречено, поэтому классификация керамики выполнена по венчикам (около 550 фрагментов). Выделение типов венчиков производилось, как обычно, по формальным признакам. Но наряду с этим учитывались их встречаемость по слоям, орнаментация и размеры, вследствие чего формально близкие венчики иногда отнесены в разные типы. Проследить изменение керамики во времени не удалось, по-видимому, в основном из-за недостаточности материала.

Ведущими в русской керамике Водянского городища могут быть признаны четыре типа венчиков, каждый из которых представлен 50—70 экземплярами.

¹ Работы ведутся отрядом Поволжской экспедиции (начальник отряда В. Л. Егоров).
Материал хранится в Волгоградском краеведческом музее.

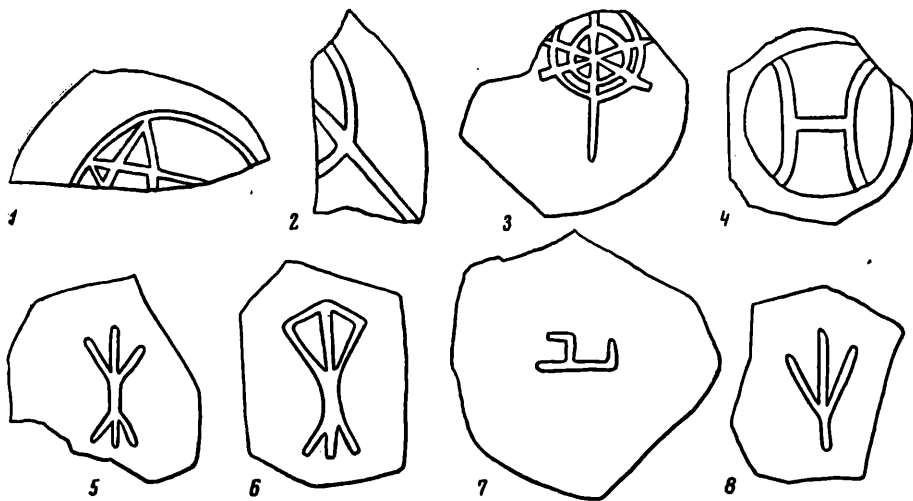

Рис. 30. Клейма на днищах русских горшков

Тип I (45 фрагментов) характеризуется отогнутым наружу венчиком с завернутым внутрь краем; изогнутая шейка переходит в очень выпуклые плечики (рис. 31, 1). Выделяются варианты:

I₁ (21 экз.) — утолщение по краю сосуда незначительно, в месте прилегания острого края имеется щель. Большинство сосудов не орнаментировано; диаметры шейки 28—35 см.

I₂ (24 экз.) — край сосуда сильно утолщен, вместо щели имеется бороздка. Большинство венчиков орнаментировано одиночной, реже многорядной волной, диаметры шейки 16—24 см.

В московской керамике такие формы, как I₁, отмечены в слоях второй половины XIII—начала XV вв.² Кроме того, они известны из Смоленска (слои XIV—XV вв.)³, из русского квартала в Болгарах (вторая половина XIII—первая половина XIV в.)⁴ и из Городца на Волге (слои второй половины XIII—начала XV вв.)⁵.

Сосуды же варианта I₂ встречаются в слоях несколько более раннего времени — подмосковные городища (XII—XIII вв.)⁶, Городец (XII—XIII вв.)⁷, городище Слободка.

Тип II (51 экз.) характеризуется длинной, почти вертикальной шейкой, переходящей в большинстве случаев в очень покатые плечики; короткий край венчика слегка отогнут (рис. 31, 2). Выделяются варианты: II₁ (24 экз.) — край заострен или подгранен, плечики не выступают, на внутренней поверхности венчика — бороздка или широкая вдалина. Диаметры шейки сосудов обычно превышают 20 см, а в отдельных случаях достигают 30 см. Подавляющее большинство сосудов орнаментировано по плечикам многорядной волной, верхняя часть которой обычно

² Р. Л. Розенфельд. Московское керамическое производство XII—XVII вв. САИ, вып. Е1-38, 1968, табл. 2, 2.

³ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли VIII—XV вв. МИА, № 92, 1960, стр. 15 и рис. 5.

⁴ Т. В. Хлебникова. Древнерусское поселение в Болгарах. КСИИМК, вып. 62, 1956, рис. 51.

⁵ А. Ф. Медведев. Отчет об археологических раскопках 1960 г. в г. Городце на Волге Горьковской области. Архив ИА, р-1, № 2359 (керамика II слоя).

⁶ П. А. Раппопорт. Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. КСИИМК, вып. 62, 1956, стр. 62.

⁷ А. Ф. Медведев. Указ. соч. (керамика III слоя).

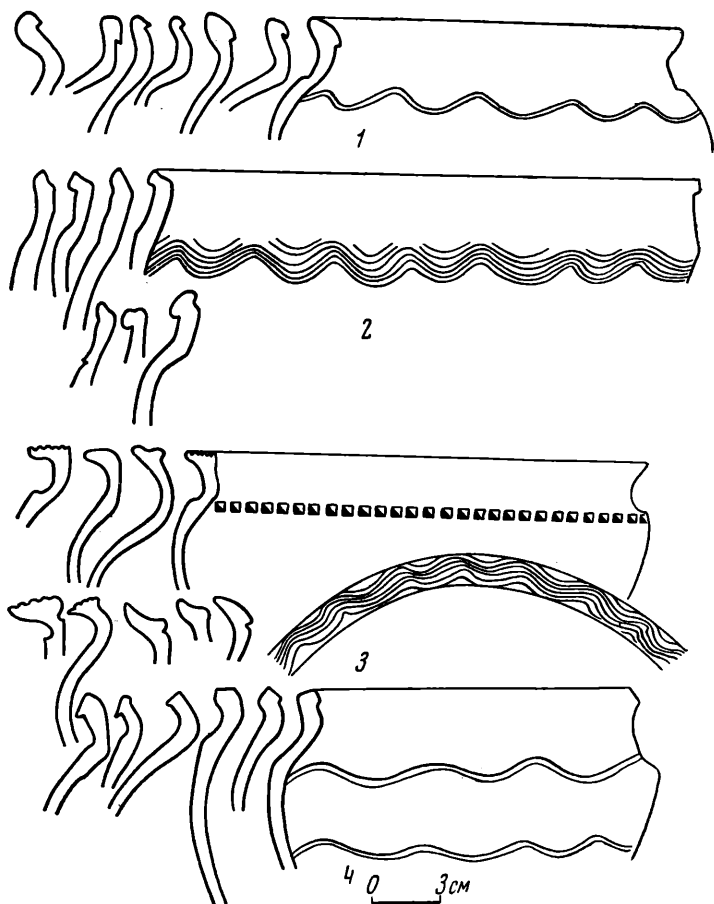

Рис. 31. Венчики сосудов типов I—IV.

1 — тип I; 2 — тип II; 3 — тип III; 4 — тип IV

оказывается стертой при формировании шейки. Единичными находками представлены фрагменты с одиночной волной и ямочным узором или вовсе неорнаментированные.

II₂ (27 экз.) — край венчика округлый с бороздкой по внутренней поверхности, плечики в отдельных случаях более подчеркнуты. Размеры этих сосудов не велики. Орнаменты — однорядная и многорядная волна.

Аналогии сосудам типа II имеются в Городце (слой второй половины XIII—XIV в.)⁸, в Смоленске (слои XIV—XV вв.)⁹, в русском поселке середины XIII—первой половины XIV в. у с. Березовки (Среднее Поволжье)¹⁰ и в Слободке.

Тип III (70 экз.) объединяет сосуды, имеющие по краю широкий плоский бортик, обычно отделенный бороздкой. Шейка хорошо выражена при переходе к выпуклым плечикам, иногда имеется ребро (рис. 31, 3). Варианты выделяются лишь по положению бортика — горизонтально или наклонно. Диаметры устья сосудов — 16—24 см. Три четверти сосудов украшены волной по бортику, почти всегда многорядной. В отдельных случаях узор по бортику сочетается с орнаментом по плечикам — много-

⁸ А. Ф. Медведев. Указ. соч. (керамика III слоя).

⁹ В. В. Седов. Указ. соч.

¹⁰ А. Е. Алихова. Русский поселок XIII—XIV вв. у села Березовка. МИА, № 80, 1960, стр. 206 и рис. 6.

рядная волна, штамп (квадратики, зубчатый). Четвертая часть сосудов — без орнамента.

Широкий бортик и орнаментация по нему придают этой форме своеобразный облик, напоминающий некоторые золотоордынские сосуды. Однако сходные формы (но без орнамента по бортику) имеются в русских памятниках (Березовка, русский квартал в Болгарах, московские городища XIV—XV вв.). В Галиче венчики близкой формы встречаются в слоях XII—XIII вв. М. В. Малевская считает эту форму специфичной именно для Галицкой земли¹¹. Может быть, по отношению к XII—XIII вв. это и справедливо.

Тип IV (51 экз.) характеризуется слабо отогнутым венчиком с небольшим утолщением по краю, различно оформленным (свисающим вниз, подгранным, округлым с бороздкой по внутренней поверхности) (рис. 31, 4). Диаметры устья сосудов — 12—24 см. Орнаментация довольно разнообразна: четверть всех венчиков не орнаментирована; больше половины украшены одиночной или многорядной волной по плечикам, восьмая часть — со штампованным (квадраты, зубчатый, ногтевой, ямочный), остальные — с линейным орнаментами.

Аналогии этому типу имеются в Березовке, Смоленске (слои XIV—XV вв.), Москве (слои конца XIV—начала XV вв.) и на подмосковных городищах XIV—XV вв.

Венчики других типов встречаются реже.

Тип V (33 экз.) составляют ровные по толщине венчики и стенки сосудов, отгиб венчика мягкий, край округлый (рис. 32, 1). Две трети венчиков орнаментировано волной (в основном — многорядной), треть — без орнамента. Диаметры устьев в основном средние, но есть и очень крупные сосуды (до 32—34 см). Горшки такой формы имеют широкое географическое распространение. Русский горшок такого профиля был найден на золотоордынском городище Увек¹².

Тип VI (36 экз.) включает венчики с заостренным верхним краем и округлым нижним. Большинство сосудов имеет резкий перегиб от венчика к плечикам (рис. 32, 2). Около четверти венчиков не имеют орнамента, больше половины орнаментированы волной, остальные — линейным или штампованным узором (зубчатый, точечный, ногтевой). Крупных сосудов этого типа нет, преобладают венчики диаметром 12—22 см.

Аналогии этим сосудам имеются, например, в Слободке.

Тип VII (25 экз.) характеризуется слабо отогнутым наружу венчиком, уплощенным сверху, благодаря чему край сосуда получается горизонтальным, а на внутренней поверхности горла образуется бортик. Шейка выражена хорошо, при переходе к плечам иногда имеется ребро (рис. 32, 3). Половина общего числа фрагментов этого типа орнаментирована волной, а другая половина без орнамента. Преобладают сосуды малых и средних размеров (12—22 см в диаметре).

Отдельные сосуды этого типа находят аналогии в русской керамике из Болгар (слой середины XIII—первой половины XIV в.)¹³, в слоях XIII—XVI вв. Городца¹⁴, в вятичских городищах Титово-Мотыка (XIV в.) и Слободка, в Москве (слои конца XIV—начала XV в. в Ипатьевском переулке).

Тип VIII (20 экз.) объединяет венчики с бороздкой по внутренней поверхности и оттянутым краем (рис. 32, 4). Около двух третей сосудов не орнаментировано, остальные с волнистым или штампованным орна-

¹¹ М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли XII—XIII вв. КСИА, вып. 120, 1969, стр. 9, рис. 3, 1—7.

¹² Хранится в Саратовском краеведческом музее, инв. № 1062.

¹³ Т. В. Хлебникова: Древнерусское поселение в Болгарах, рис. 51.

¹⁴ А. Ф. Медведев. Указ. соч.

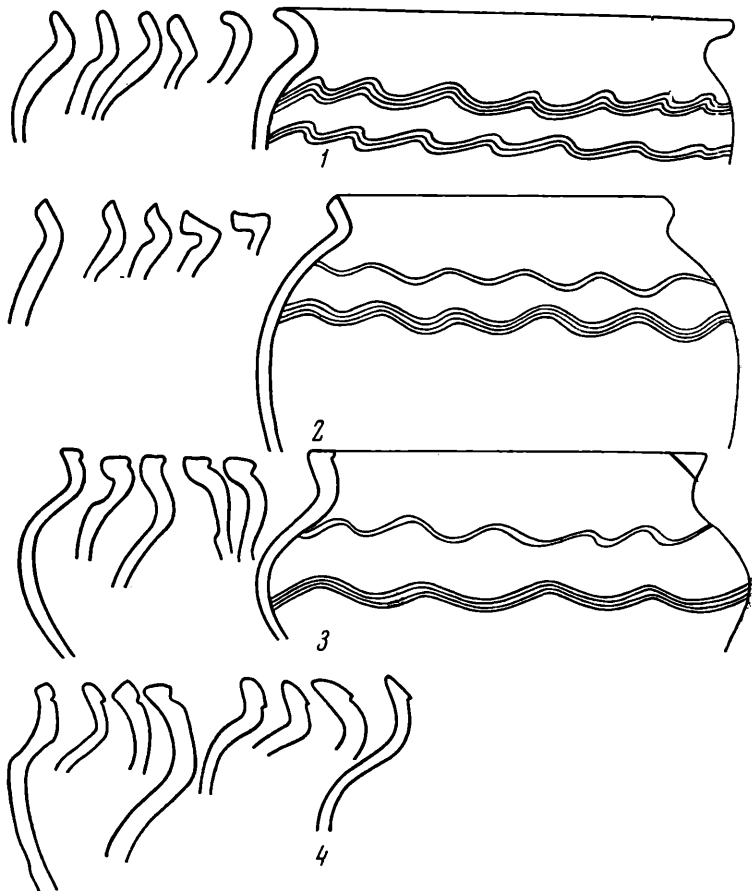

Рис. 32. Венчики сосудов типов V—VIII
1 — тип V; 2 — тип VI; 3 — тип VII; 4 — тип VIII

ментом. Близкие формы венчиков можно отметить среди московских горшков конца XIII—XIV вв. и кувшинов-кружек XIV—XV вв.¹⁵

Еще несколько типов русских горшков представлено на Водяном городище немногочисленными венчиками (не более чем 15 экз.).

Тип IX (рис. 33, 1), по-видимому, представляет на исследуемом памятнике пережиточное явление. Он был широко распространен в XII—XIII вв. (например, Слободка, Титово-Мотыка, курганы и городища Смоленщины), М. В. Малевская считает его собственно галицким типом¹⁶, но он был распространен на Руси в XII—XIII вв. значительно шире.

Тип X (рис. 33, 2) имеет аналогии в материалах подмосковных городищ XIV—XV вв., в Березовке, Болгарах, в слоях конца XIII—начала XV вв. Городца, в Слободке.

Тип XI (рис. 33, 3) находит аналогии в Слободке и Титово-Мотыке, в русской керамике Болгар.

Тип XII (рис. 33, 4) — отдельным формам его встречены аналогии в Городце (середина XIII—начало XV вв.) и Слободке.

¹⁵ Р. Л. Розенфельдт. Указ. соч., табл. 2, 2; 3, 5, 6.

¹⁶ М. В. Малевская. К вопросу о керамике Галицкой земли, стр. 8, рис. 2, 7—14.

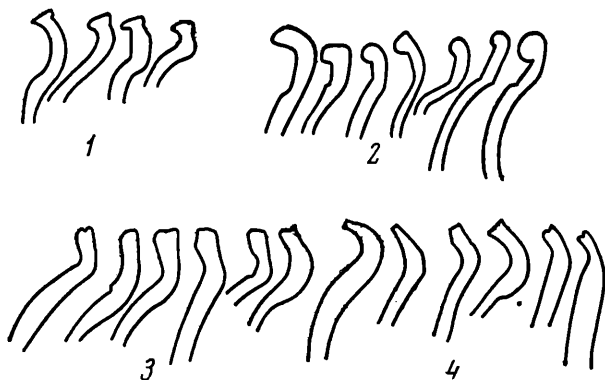

Рис. 33. Венчики сосудов типов IX—XII

1 — тип IX; 2 — тип X; 3 — тип XI; 4 — тип XII

Кроме перечисленных типов венчиков, на городище обнаружены единичные венчики промежуточных и редких форм. Последние, как правило, позднего облика.

Среди керамического материала исследуемого памятника есть также около 10 фрагментов от мисок.

Русское население, проживавшее на Водянском городище, вероятно, происходит из разных областей Руси. Все же, судя по керамике, наибольшая близость обнаруживается с районами Среднего Поволжья (русский поселок Березовка, русский квартал в Болгарах, Городец на Волге).

В разных частях Водянского городища русская керамика встречается неравномерно. На его юго-восточной окраине (раскопы II 1967 г., раскопы II и III 1968 г., раскоп II 1969 г.) русская посуда составляет 35—45% общего количества керамического материала. Здесь обнаружены остатки легких наземных сооружений столбовой конструкции со стенками, плетеными из прутьев и обмазанными глиной. Неподалеку раскопан участок кладбища — 15 погребений на площади в 100 кв. м. Покойники лежали вытянуто, головой на запад; вещей при них не было. По определению антропологов, черепа погребенных лишены монголоидных черт и принадлежали славянскому населению.

В юго-западной части городища (раскоп III 1968 г. и раскоп I 1969 г.), где много развалин татарских домов, русская посуда в верхних штыках составляет ничтожную долю — от десятых долей процента до 4,5%. Ее содержание по мере углубления достигает в предматериковом слое и материковых ямах 25—50% от общего числа черепков. В этом слое открыто три славянских погребения, ориентированных головой на запад (захоронения перекрыты типичным золотоордынским домом). Материковые ямы буквально набиты русской керамикой; в одной из них найден, кроме того, нательный крестик XI—XIII вв.

В этой связи можно предполагать, что в южной половине городища (северная часть только начинает исследоваться) в начальный период преобладало русское население, впоследствии вытесненное на самую южную окраину разросшимся татарским городом.

Датируется Водянское городище на основе находок золотоордынских вещей XIV столетием.

Е. Г. СУРОВ

РАСКОПКИ ДВОРЦА XV В. НА ПЛАТО МАНГУПА
В КРЫМУ

Разведки на плато Мангупа в 1968 г. велись с целью дальнейшего изучения дворца князя Алексея, владельца княжества Феодоро. Дворец был открыт Р. Х. Лепером в 1912 г. Тогда же была найдена надпись с датой сооружения здания — 1425 г.¹ Раскопками 1912 г. открыты четыре части архитектурного комплекса: помещение С², которое по своим размерам и строительному материалу может быть отнесено к дворцовым; следы галереи, которая шла вдоль западной стороны дворца; северо-западный угол каменной ограды дворца и, наконец, помещение А, имеющее, по словам Р. Х. Лепера, вид башни³, которое А. Л. Бертъе-Делагард и А. Л. Якобсон именуют донжоном.

Дальнейшее исследование дворца было предпринято А. Л. Якобсоном, которое подтвердило выводы Р. Х. Лепера о назначении здания и дало материал для уточнения его строительных периодов.

Р. Х. Лепер, сделавший ценные наблюдения относительно планировки дворца, оставил без пояснений помещения Н и I и угол какого-то помещения (Д), расположенного к северо-востоку от помещения Г. А. Л. Якобсон дал общую характеристику дворца. «В художественно-композиционном отношении, — пишет он, — дворец представляет собой асимметричный комплекс, на северной и южной периферии которого высились с одной стороны донжон, с другой — центральное двухэтажное здание. К последнему примыкали одноэтажные, иными словами — пониженные, служебные помещения и хозяйственные пристройки, а к донжону — открытая галерея, объединявшая южную группу построек в единый архитектурный комплекс»⁴. Дворец справедливо отнесен исследователем к числу уникальных архитектурных памятников Крыма⁵. Трудно согласиться лишь с тем, что этот комплекс был асимметричным. Башня, или донжон, монументальная западная и северная стены указывают на

¹ Р. Х. Лепер. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. ИАК, вып. 47, 1913, стр. 73—79, 146—154. Надпись опубликована там же, стр. 78, 79; см. также: А. Л. Бертъе-Делагард. Каламита и Феодоро. ИТУАК, вып. 55, 1918, стр. 1—45. Кроме того, Р. Х. Лепер опубликовал без комментариев незначительный фрагмент надписи (рис. 8, на стр. 153), которая, возможно, является частью упомянутой. В отвалах помещения А теперь обнаружен еще один подобный фрагмент.

² Обозначения Р. Х. Лепера (Р. Х. Лепер. Указ. соч., стр. 150, рис. 5; А. Л. Якобсон. Дворец. МИА, № 34, 1953, стр. 390, рис. 1). Строчными буквами обозначены пристройки, открытые в 1968 г.

³ Р. Х. Лепер. Указ. соч., стр. 150.

⁴ А. Л. Якобсон. Указ. соч., стр. 418.

⁵ Там же, стр. 390.

крепостной характер всего комплекса; но этому явно противоречит то, что восточная сторона дворца была совершенно открытой. Обратимся к результатам предпринятых разведок 1968 г.⁶

Башня. Она сохранилась лучше других частей дворца. Р. Х. Лепер не оставил описания хода раскопок, и в настоящее время трудно определить степень ее изученности в 1912 г. Можно только сказать, что внутри башня была расчищена лишь частично и что засыпь удалялась не по слоям. К сожалению, послышное удаление засыпи не удалось произвести и в 1968 г. Этому мешала главным образом разрушенность башни в результате сильного пожара: обгорелые деревянные конструкции, уголь и пепел были перемешаны с камнями от стен.

Для реконструкции башни можно привлечь следующие материалы.

Это, во-первых, около 300 фрагментов плит из известняка, одна плоскость и боковые грани которых тщательно обработаны. Одна из плит сохранилась полностью, форму некоторых можно реконструировать. Размеры плит следующие: длина — 0,5—0,65 м; ширина 0,31—0,35 м; толщина 0,08—0,1 м. Остатков раствора на них не обнаружено. Некоторые плиты закончены. Площадь, которую заняли плиты, достаточна, чтобы перекрыть пол или потолок башни.

Во-вторых, обломки архитектурных деталей: карнизы трех типов, части барабанов круглых колонн (вторичного употребления; один из фрагментов таких колонн сохранился в кладке южной стены башни), камни различных размеров со следами тщательной обработки. Особенно их много найдено в верхних слоях засыпи башни.

Наконец, керамика: преимущественно встречались фрагменты поливных сосудов (некоторые — от блюдов и чаш, одна из них с монограммой Хуитани (?), встречавшейся и раньше), менее многочисленны фрагменты амфор и особенно кровельной черепицы.

Расчистка внутри башни также дала интересные результаты. Вдоль всех стен на уровне 0,8—1,35 м от верха скалы шел паз, затертый раствором извести под лицевую поверхность стены. В паз при строительстве башни укладывали лежни-балки (в юго-западном углу ее сохранилось отверстие в растворе от сгнившего конца лежни).

В северной и южной стенах на уровне 0,85 м от скалы имеются отверстия (0,12—0,08 × 0,21—0,2 м), расположенные с интервалами 0,55—0,65 м. Глубина их достигает 0,5 м. Одно отверстие было заполнено известковым раствором, в котором сохранился след от конца балки. Очевидно, это пазы балок, заложенных поперек башни.

По мере удаления засыпи в юго-западном углу башни стало выясняться, что этот угол внутри полукруглый. К концу раскопок здесь обнаружилась вымостка из некрупных камней, положенных на растворе, имевшая в плане сегмент окружности. Диаметр—1,5 м, длина хорды—1,46 м. Вымостка основана на скале и возвышается над ней на 0,3 м. Е. В. Веймарн, принимавший участие в раскопках, высказал предположение о наличии здесь винтовой лестницы. Далее выяснилось, что западная, северная и восточная стены башни толще ($\approx$ на 20 см), чем южная, обращенная внутрь дворца. Кроме того, после расчистки стен выявлен наклон их вовнутрь.

Все это позволяет довольно уверенно реконструировать башню. Она представляла собой прямоугольное, приближающееся к квадрату сооружение, вероятно, оштукатуренное снаружи. Доступ в нее мог быть со второго этажа — по съемной лестнице или со второго яруса галереи. Башню украшали большая надпись, вставленная в южную стену, и, возможно,

⁶ Разведки проводились экспедицией Уральского Государственного университета им. А. М. Горького совместно с Бахчисарайским историко-археологическим музеем.

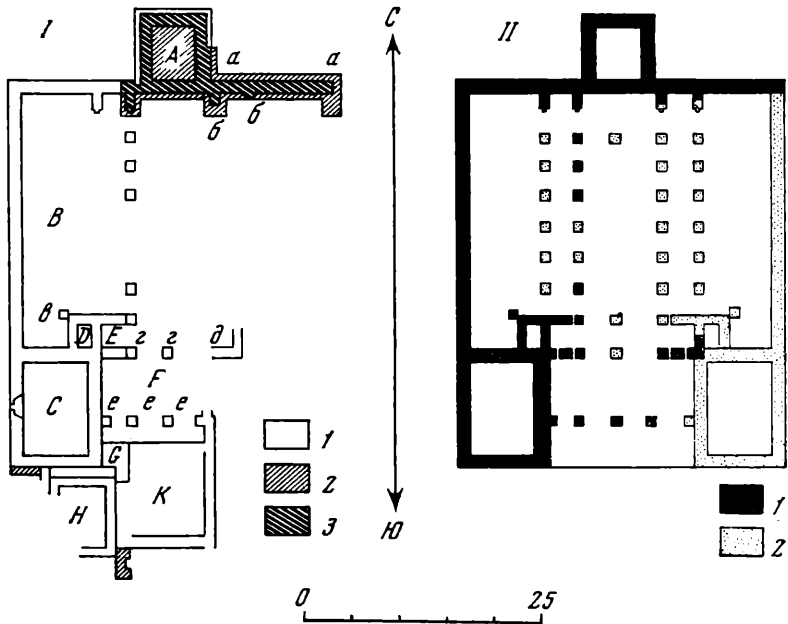

Рис. 34. Дворец князя Алексея на плато Пантуп-кале

I. План раскопов: 1 — раскопы 1912 г.; 2 — раскопы 1968 г.; 3 — сооружения, раскопанные в 1968 г. II. Реконструкция: 1 — раскопанные части; 2 — реконструированные части

мерлоны-карнизы, которые были обнаружены в засыпи башни. Состояла башня из подполья и трех этажей.

Подполье находилось между скалой и нижним ярусом пазов для балок. Как оно практически использовалось, сказать трудно. Еще труднее объяснить присутствие здесь крупных камней, которые лежали непосредственно на скале. Пол первого этажа, вероятно, был выстлан из досок, положенных на балки (остатки тех и других сохранились). Отсутствие окон и дверей в первом этаже может указывать на то, что здесь было какое-то хранилище. Со вторым этажом это помещение было связано, вероятно, винтовой лестницей.

Перекрытие между первым и вторым этажами, надо полагать, также было деревянным. Использование для перекрытия каменных плит нецелесообразно по техническим соображениям. Второй этаж, возможно, был жилым, на что, кажется, указывают находки здесь фрагментов поливных сосудов, в том числе привозных.

Перекрытием второго этажа служили плиты, опиравшиеся на балки. На плиты мог быть насыпан слой земли или глины, возможно, с наклонном в какую-нибудь сторону (для слива дождевой воды). Над этим перекрытием, вероятно, возвышался барьер с мерлонами (на высоту, способную защитить стражу, находившуюся на верхней площадке башни).

К такой реконструкции верхней части башни склоняет то, что в ядре башни находки фрагментов кровельной черепицы весьма незначительны (в постройках, крытых черепицей и погибших в результате пожара, как правило, черепица является наиболее массовым материалом). Найденные же в башне плиты из известняка целесообразнее всего было использовать именно для устройства верхнего перекрытия (это было практично и в противопожарных целях).

Ограда. Р. Х. Лепер считал помещение В самостоятельным и ограничился только указанием толщины его стен. А. Л. Якобсон справедливо отнес башню, галерею, помещение С и, следовательно, ограду к одному

комплексу. В 1968 г. при поисках продолжения ограды к востоку от башни выявлен весь фрагмент восточного крыла северной стены дворца (рис. 34, а—а—а). Оказалось, что фундамент этого крыла составляет одно целое с нижними рядами кладки башни. Такая же картина представилась при расчистке до скалы анта около юго-западного угла башни, открытого Р. Х. Лепером. Таким образом, башня не была поздней пристройкой, а являлась неотъемлемой частью дворца-крепости.

Для выяснения юго-западной границы ограды заложена небольшая траншея с внешней стороны помещения С (рис. 34, ж). Она показала, что здесь ограда не продолжалась, и, следовательно, помещение С было угловым. Ограда не имела специального ложа, ее камни легко стали добычей хищнических раскопок, о которых упоминает Р. Х. Лепер. Этим объясняется полное отсутствие в настоящее время следов восточной стены дворца. Тем не менее существование ограды с восточной стороны комплекса, симметричной западной, теперь очевидно. Таким образом, получены почти все недостающие звенья для восстановления контуров дворца князя Алексея.

Галереи. Раскопки прошлых лет открыли одну галерею, которая шла вдоль западной стены дворца с севера на юг. Разведки 1968 г. открыли фундаменты выступов антов, которые были связаны с восточным крылом северной стены ограды (рис. 34, б, б). Следовательно, дворец и в восточной своей части имел подобную галерею. Планы Р. Х. Лепера и А. Л. Якобсона позволяют догадываться еще о двух галереях. Остатки одной идут от северо-восточного угла помещения С на восток (рис. 34, г—г—г). Другая линия галереи представлена колоннадой вдоль южной стены помещения F (рис. 34, е—е—е) и пьедесталом для колонны В. Наконец, имеются некоторые основания предполагать наличие еще одного ряда колонн, который шел вдоль северной стены ограды дворца, хотя, вероятно, и не охватывал ее целиком. При проведении траншеи вдоль южной стены башни обнаружен значительный слой обгорелого зерна, на основании чего можно полагать, что здесь имелся какой-то навес. Кроме того, как говорилось выше, не исключено, что вход в башню был с крыши галереи.

Таким образом, дворец имел две группы колонн. Одна состояла из двух рядов — в помещении и с южной стороны башни; возможно, это были опоры для навесов, под которыми хранились припасы. Другая состояла из двух двойных рядов колонн, которые соединяли северную и южную части дворца.

Остается неисследованным юго-восточный угол дворца (ныне здесь возвышается холм, поросший густым кустарником). По всей вероятности, в этом месте находилось помещение, симметричное и подобное помещению С, на что указывает угол Д, симметричный юго-западному углу помещения Е.

Завершение исследования дворца, который представляет редкий и исторически важный памятник средневековой архитектуры юга нашей страны, представляется необходимым.

В. М. ЗУБАРЕВА, Ю. А. КРАСНОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ЧУВАШСКИЙ МОГИЛЬНИК У. ДЕР. НОВОЕ ЯДРИНО

Средневековые чувашские могильники изучены пока далеко не достаточно. Между тем их исследование связано с проблемой этногенеза чувашского народа, в частности — с вопросом о роли в этом процессе тюркского и финно-угорского компонентов¹. С этой целью вторым Чувашским отрядом Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР в 1969 г. были проведены рекогносцировочные раскопки на Новоядринском могильнике. Несмотря на небольшую площадь, раскопки дали интересный и во многом новый материал, до сих пор в чувашских могильниках не отмечавшийся.

Новоядринский могильник расположен на краю коренного правого берега р. Суры в 150—200 м к западу от дер. Новое Ядрино Ядринского района Чувашской АССР. Территория нижнего Посурья, где находится могильник, относится к району расселения верховых чуваш — вирьял, в антропологическом типе и материальной культуре которых сильнее всего прослеживается влияние финно-угорского компонента. Могильник занимает площадь не менее 4—5 тыс. кв. м, что свидетельствует о длительности его функционирования. Память о могильнике до сих пор сохраняется у местного чувашского населения. Место, где он расположен, старожилы называют «Гора могильника», а тропинка, идущая к нему с юга, «Кладбищенской дорогой».

Первые археологические работы на Новоядринском могильнике были проведены еще в 1957 г. Тогда в северной его части было вскрыто два погребения, не давших, впрочем, материала для ясной датировки и историко-культурной интерпретации памятника². Раскоп 1969 г. заложен на юго-западной окраине могильника, содержавшей, по-видимому, довольно поздние захоронения. Площадь раскопа — около 100 кв. м. В нем открыто девять погребений. Остатки еще одного разрушенного захоронения зафиксированы в обрыве к пойме Суры в западной части могильника.

Дату вскрытых погребений определяют монеты, входившие в состав украшений головных уборов и ожерелий. Все монеты — русские серебряные копейки обычно хорошей сохранности. В погребении 3 обнаружено 14 монет, из которых 2 оказались чекана Ивана Грозного, 12 — чекана Михаила Федоровича. В погребении 6 найдено 10 монет, из которых 4 принадлежали чекану Ивана Грозного, 5 — Бориса Годунова. В детском по-

¹ А. П. Смирнов. Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары, 1957, стр. 26—27.

² Н. В. Грубникова. Отчет о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 г. «Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ», вып. XIX, 1960, стр. 59—61.

гребении 4 найдена одна монета, принадлежавшая чекану Михаила Федоровича. Наконец, в погребении 7 обнаружены 2 монеты, из которых одна не определена, а другая принадлежала чекану Михаила Федоровича.

Могильные ямы неглубокие (0,55—0,8 м) вытянутой прямоугольной формы, иногда со скругленными углами. Небольшая глубина захоронений типична для средневековых чувашских и более ранних на рассматриваемой территории финских могильников, примером чему может служить расположенный на противоположном берегу Суры Ивановский могильник³. Длина большинства могил составляла 2,2—2,55 м, ширина 0,65—0,95 м. Женские и мужские погребения по размерам могил не отличались. Детское погребение 4 располагалось в могильной яме меньших размеров (1,55×0,55), но такой же глубины (0,65 м). Ориентировка могил и находящихся в них костяков — западная, иногда с очень небольшим отклонением к югу. Так же ориентированы погребения, вскрытые в 1957 г. и относящиеся, возможно, ко времени раньше XVII столетия⁴. Для средневековых чувашских могильников характерна северная, северо-западная и северо-восточная ориентировка⁵. Своеобразие Новоядринского могильника в этом отношении может быть объяснено влиянием христианизации на западных окраинах чувашских земель. Впрочем, все остальные детали погребального обряда типично языческие. Небезынтересно отметить, что изменение северной ориентировки на западную в марийских могильниках соседних территорий, судя по материалам Руткинского могильника в Горномарийском районе Марийской АССР⁶, относится к более раннему времени — XI—XIII вв.

Необычно для средневековых чувашских могильников и погребение 7, где на дне могильной ямы обнаружен костяк женщины, лежавший на правом боку с подогнутыми ногами. Левая рука была согнута в локтевом суставе так, что кости кисти находились перед лицом, правая — полусогнута. Могильная яма этого погребения была меньших, чем обычно, размеров: 1,79×0,7 м. Инвентарь погребения не отличался каким-либо своеобразием. Скорченные женские погребения, чаще на правом, реже на левом боку, встречаются в могильниках соседних финно-угорских племен — мордвы и в меньшей степени мари, однако в столь позднее время не зафиксированы. Очень редко скорченные погребения — мужские и женские — встречаются в могильниках пьяноборской культуры, куда этот обряд, по-видимому, занесен с правобережья Волги⁷. Скорченные погребения в общем не характерны для болгар, одного из компонентов в сложении чувашской народности. Единичные случаи скорченных захоронений в болгарских могильниках (могильник на Бабьем бугре и одно из захоронений в Ханской усыпальнице в Болгарах) обычно рассматриваются как влияние финно-угорской, в частности мордовской, погребальной обрядности. Погребение 7 Новоядринского могильника следует, вероятно, рассматривать как реминисценцию того же погребального обряда финно-угорских племен, свидетельствующую об определенном вкладе последних в культуру верховых чуваш.

Большинство погребений Новоядринского могильника не имело никаких следов гробов. Судя по запискам путешественников и наблюдениям этнографов, чуваша еще в XVIII в. и даже позднее нередко ограничива-

³ Раскопки 2-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции 1969 г.

⁴ Н. В. Трубникова. Отчет о работе. . . , стр. 61.

⁵ Н. В. Трубникова. О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 г. «Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ», вып. XVI, 1958, стр. 258—259; она же. Отчет о работе. . . , стр. 69; В. Ф. Каховский. Новые археологические памятники. «Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ», вып. XXV, 1964, стр. 260—270.

⁶ Раскопки Марийского отряда Чебоксарской экспедиции 1969 г.

⁷ А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, вып. Д 1-14, 1965, стр. 9.

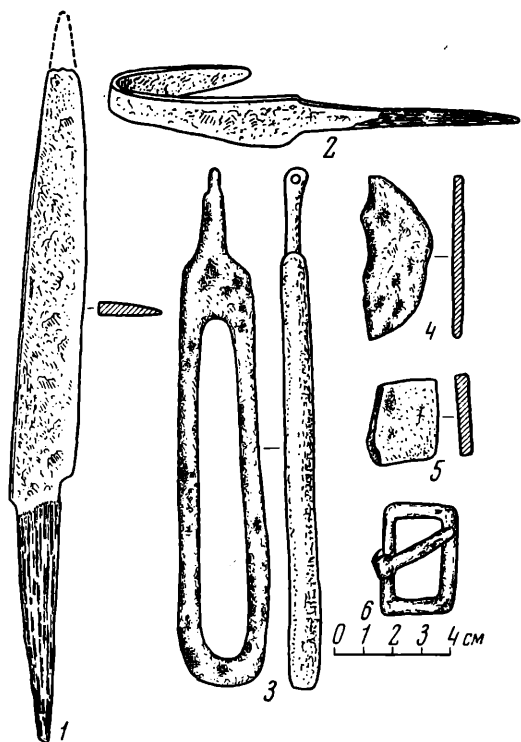

Рис. 35. Железные предметы.

1 — из погребения 4; 2 — из погребения 5; 3, 6 — из погребения 2; 4 — из погребения 6; 5 — из погребения 1

Своеобразен жертвенный комплекс, зафиксированный в женском погребении 6. Здесь на дне могильной ямы у головы погребенной обнаружено скопления угля и обожженных костей птицы, лежащее компактной кучкой диаметром около 0,15 м. Интересен впервые отмеченный в чувашских могильниках обычай порчи крупных ножей. Они либо согнуты (погребения 1 и 3), либо конец лезвия их преднамеренно обламывался (погребения 4, 5). Этот обычай можно сопоставить с засвидетельствованным этнографами у чуваш страхом перед умершими, стремлением избавить живых от вредного влияния со стороны умерших.

Погребальный инвентарь небогат, но достаточно выразителен. Лишь одно погребение не имело вещей. Как в мужских и женских, так и в единственном детском погребении встречены большие ножи длиной 22—25 см, иногда неточно именуемые в литературе кинжалами. Тип их весьма характерен для средневековых могильников различных народов Поволжья — мордвы, мари, чуваш (рис. 35, 1—2). В двух случаях ножи найдены у бедра правой (погребение 3) или левой (погребение 4) ноги, в одном случае у правого колена (погребение 1), еще в одном — под запястьем правой руки, причем несколько наискось по отношению к костяку (погребение 5). В трех погребениях (мужских и женских) найдены кресала различных форм (рис. 35, 3—5) всегда в сопровождении кусков кремня, а в одном случае — и с остатками трупа. В двух захоронениях (1 и 6) кресала найдены у правой ноги, в одном (2) — под запястьем левой руки.

⁸ См., например: П. Пекарский. Путешествие академика Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 г. «Записки Академии наук», т. 6, кн. 2. СПб., 1865, стр. 60.

⁹ В. Ф. Каховский. Указ. соч., стр. 270.

лись при погребении завертыванием трупа в полотно⁸. В трех случаях как в мужских, так и в женских погребениях, прослежены следы стенок и крышки гробовины из довольно толстых плах (в погребениях 2, 3 и 5 до 8—10 см). Гробовины не имели дна и сооружались в процессе погребения, в могиле.

В засыпи и на дне могильных ям во всех погребениях встречены угли, иногда осколки кремня, которые можно рассматривать как символ огня. Значительная роль огня в погребальном ритуале засвидетельствована и в других чувашских могильниках⁹, а также наблюдениями этнографов. В рассматриваемом районе эта традиция идет, вероятно, с глубокой древности, иллюстрацией чему являются погребения того же Иваньковского могильника, в котором был велик процент трупосожжений, а в могилах с труположениями угли встречались обычно в значительном количестве.

В погребении 6 кресало вместе с кремнем и остатками трута лежало в кожаном мешочке. В мужском погребении 1 найдена железная поясная пряжка прямоугольной формы с подвижным язычком (рис. 35, 6). В трех (мужском и двух женских) погребениях (1, 3 и 6), обнаружены серебряные широкосрединные перстни (один из них со вставкой из синего камня), украшенные довольно сложным геометрическим орнаментом, напоминающим современные орнаменты марийцев и чуваш. Несмотря на многие общие элементы, система орнамента не повторяется ни на одном из перстней (рис. 36, 1—3). Перстни носили на правой или левой руках. В захоронении 6 перстень найден в засыпи могильной ямы, в 0,1 м выше скелета. В женских погребениях 3, 6, 7 открыты бусы из глухого стекла, синего, голубого и фиолетового цвета, бочонковидной и округлой формы, иногда с белыми глазками. Кроме небольшого количества бус, в состав ожерелий в захоронении 7 входили и монеты. В женском погребении 3 обнаружена бронзовая височная подвеска или серьга в виде несомкнутого кольца и обмотанного провололочной спиралькой стержня с ушком (рис. 36, 4) и две керамические пуговицы, покрытые голубой стекловидной массой (рис. 36, 5—6). Пуговицы найдены в области груди и, очевидно, застегивали ворот рубахи.

Представляют интерес остатки головных уборов, встреченные в женских погребениях. В захоронении 3 на черепе и под ним найдены обрывки и тлен от кожи, из которой, очевидно, был изготовлен головной убор. На кожу нашивались серебряные монеты, которых здесь найдено 14. Они имели одно-два отверстия. В них сохранились остатки шерстяных нитей, которыми монеты нашивались на головной убор. Рядом с черепом и частично на обрывках кожи найден мелкий бисер. По расположению монет, бисера и остатков кожи головной убор реконструируется следующим образом. Он шивался из тонкой кожи, несколько сужался кверху. Нижний край расширялся двумя-тремя рядами разноцветного мелкого бисера. Выше на кожу, составлявшую основу головного убора, со всех сторон нашивались в два ряда серебряные монеты. В нижнем ряду их было восемь, в верхнем — шесть. Расстояние между монетами в ряду и между рядами составляло около 5 см. У народов Среднего Поволжья существовал лишь один тип головного убора, основой которого служила кожа и на которой нашивались монеты. Это — хушпу, головной убор замужних чувашек, этнографически зафиксированный главным образом у чуваш анатенчи и анатри, т. е. у средне-низовых и низовых¹⁰. Очевидно, в рассматриваемом погребении открыт головной убор именно этого типа, что является первой археологической находкой хушпу. Сохранность остатков головного убора не позволяет восстановить многие важные детали его по-

кроя, известные по этнографи-

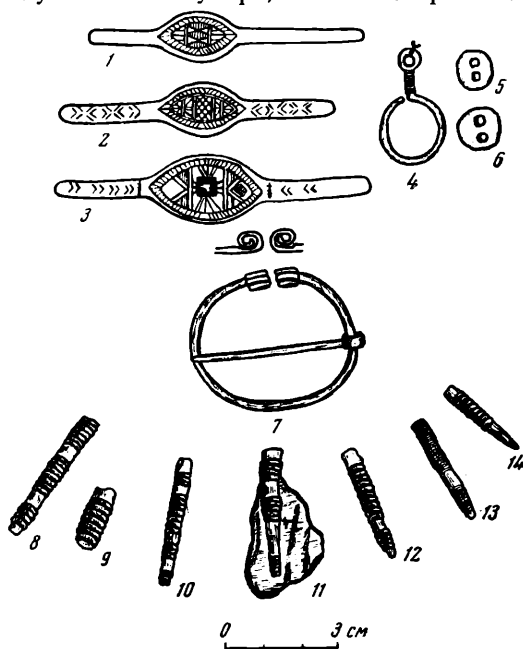

Рис. 36. Украшения

1—3 — серебряные перстни; 4 — бронзовая височная подвеска; 5—6 — керамические пуговицы, покрытые голубой поливой; 7—14 — детали нагрудного украшения (1 — из погребения 6; 2 — из погребения 1; 3—14 — из погребения 3)

¹⁰ Н. Гаген-Торн. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960, стр. 199 сл.

ческим материалам. В частности, остается неясным, имел ли он полусферическую или усеченно-коническую форму, был ли сшит сверху, имел ли наушники. Судя по наиболее ранним описаниям хушпу, восходящим к XVIII в.¹¹, хушпу имели усеченно-коническую форму с отверстием сверху («колпак бестулейный») из которого выпускался конец головного платка — сурпана, поверх которого надевался хушпу. Наушники у хушпу XVIII в. не отмечаются. Эта форма и учтена в предлагаемой реконструкции (рис. 37).

Происхождение хушпу весьма сложно и во многом еще не ясно. Ближайшие аналогии ему видят обычно в старинных татарских головных уборах кашпау и башкирских кашмау, на чем и основывается представление о тюркском происхождении хушпу. Однако хушпу чуваш анат енчи, цилиндрической или конусовидной формы, некоторые исследователи относят

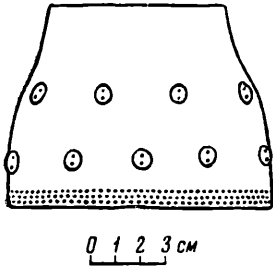

Рис. 37. Реконструкция головного убора хушпу из погребения 3

к тому же типу древних башнеобразных головных уборов, что и старинный мордовский свадебный головной убор «золотной» и ряд других твердых головных уборов финно-угорских народов Поволжья и Прикамья, основа которых первоначально изготовлялась из бересты и лишь у чуваш была заменена кожей¹².

Хушпу из Новоядринского могильника в отличие от поздних (известных по этнографическим данным), сплошь унизанных монетами или их суррогатами, украшено лишь небольшим количеством монет и, вероятно, характеризует время зарождения столь распространенного у чуваш обычая украшать монетами детали костюма.

В погребении 6 рядом с черепом найден фрагмент головного убора иного типа: в виде трапециевидного куска плотной ткани длиной 21 и шириной 4 см. Ткань украшена геометрическим узором, шитым серебряными нитями. На ткань поверх шитья в два ряда нашиты серебряные монеты; шесть в нижнем ряду и четыре в верхнем. Судя по этнографическим параллелям, рассматриваемый головной убор (рис. 38) должен интерпретироваться как масмак, старинная налобная повязка чувашских женщин («начёлыш»), носившаяся обычно вместе с головным платком — сурпаном. Масмак прикреплялся к сурпану с двух сторон специальными иглами или булавками пус йеппи так, что только расшитая и иногда украшенная монетами часть масмака была видна из-под сурпана¹³. Масмак из Новоядринского могильника является первой археологической находкой этого типа головного убора, зафиксированного у чуваш вирьял и анат енчи лишь этнографическими материалами XIX и начала XX в. По размерам, орнаментации

¹¹ П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, ч. I. СПб., 1789, стр. 137; И. В. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1771, стр. 159; В. Д. Дмитриев. Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII в. «Ученые записки Чувашского НИИЯЛИЭ». вып. XIX, 1960, стр. 285—286, 299.

¹² Н. Гаген-Торн. Указ. соч., стр. 205.

¹³ Там же, стр. 167 сл., рис. 72.

и способу ношения чувашский масмак аналогичен башкирскому хараусу¹⁴. Этот же головной убор известен у горных мари под названием машмак или нашмак¹⁵. Однако нашивание монет на масмак характерно только для чуваш.

В погребении 7 около черепа обнаружена плохо сохранившаяся железная игла, которая, возможно, может интерпретироваться как уже упоминавшаяся пус йёппи — игла или булавка, предназначенная для прикалывания масмака, который здесь не сохранился, к сурпану.

Интересны остатки нагрудного украшения из погребения 3. От него сохранились застежка-сюльгама из медной проволоки со спирально завернутыми вверх концами (рис. 36, 7) и остатки кистей из шерстяных нитей, оплетенных медной проволокой (рис. 36, 8—14). Под металлическими

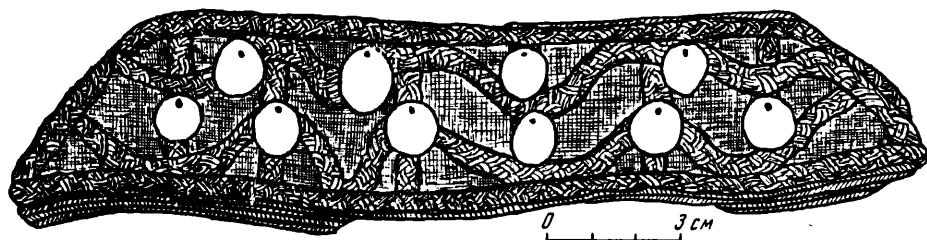

Рис. 38. Масмак из погребения 6

деталью украшения и рядом с ними найдены кусочки кожи и обрывки ткани ярко-красного цвета. Рассматриваемое украшение может реконструироваться как кусок кожи, в верхней части которого находилась сюльгама. К последней привешивались шнуры с кистями, оплетенные медной проволокой. Красная ткань могла нашиваться на кожу. В таком виде это украшение идентично предполагаемой начальной форме чувашского нагрудного украшения сурпан сакки, подвешивавшегося обычно под шеей к сурпану¹⁶. С другой стороны, оно очень близко к нагрудным украшениям мордовских (эрзянских) женщин, известным по описаниям и рисункам П. С. Палласа¹⁷. С этими последними чувашское сурпан сакки имело несомненную генетическую связь, которая теперь документируется археологическим материалом. Сама сюльгама, составляющая основу этого нагрудного украшения, очень близка к поздним разновидностям эрзянских сюльгам.

Таким образом, полученный материал не оставляет сомнений в принадлежности Новоядринского могильника чувашам, очевидно, вирьялам. Об этом достаточно убедительно говорят многие детали костюма, ставшие этнографическим признаком этой народности. Весьма интересны отдельные элементы в погребальном обряде и украшениях, свидетельствующие об определенном вкладе соседних финно-угорских народов в культуру верховых чуваш.

¹⁴ С. И. Руденко. Башкиры. Историко-этнографический очерк. М.—Л., 1955, стр. 191.

¹⁵ Н. Гаген-Торн. Указ. соч., стр. 166.

¹⁶ Там же, стр. 83—84, рис. 16, 31, 32.

¹⁷ Там же, рис. 2.

В. Ф. КАХОВСКИЙ, А. П. СМЕРНОВ

РЕМЕСЛЕННЫЙ ПОСЕЛОК САВАТ-ТУ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧУВАШИИ

В 1967 г. археологической разведкой близ с. Сугут-Торбиково Вурнарского района Чувашской АССР открыто поселение на холме, называемом местным населением Сават-Ту (Завод-Гора). Топоним Сават-Ту кажется, на первый взгляд, странным, поскольку в памяти старожилов не сохранилось никаких преданий о существовании здесь когда-либо завода или ремесленного предприятия. Между тем при первичном осмотре местности собран значительный материал: обломки серой гончарной посуды, куски кирпича и изразцов, а также скопления шлака, криц, угольков и другие остатки ремесленного производства.

Поселение расположено на высоком восточном берегу старого русла р. Большая Цивиль. Оно занимает площадь прямоугольной формы, размером 200×400 м. Северная граница его проходит по берегу старицы, восточная вдоль ложины, с южной стороны к поселению примыкает старое кладбище, его западная сторона ограничена сухим оврагом. На территории поселения имеются котловидные углубления, на дне которых сохранились различные культурные остатки.

Скопления шлака, криц и древесного угля образовали в некоторых местах невысокие всхолмления.

В 1968 г. Чувашским отрядом Поволжской археологической экспедиции ИА АН СССР проведены раскопки этого поселения. В его центральной части заложено пять раскопов общей площадью в 582 кв. м, в которых открыто 15 сооружений (остатки жилищ-срубов с подпольем, сыродутные горны наземного типа и хозяйственные ямы).

Особый интерес представляет домница с развалами сыродутного горна и кузнечной печи (рис. 39). Горн наземного типа был сооружен из глиняных блоков. Его округлое в плане дно диаметром 0,95 м углублено в материк на 0,2 м и сильно прокалено.

В заполнении нижней части обнаружены крупные куски шлака, угли и куски прокаленной глины, вероятнее всего, от стен горна. С запада к основанию горна примыкает канавка, вытянутая в направлении ВСВ—ЗЮЗ. Ее длина 1,9 м и квадратное сечение 0,4 м. В заполнении найдены мелкий шлак и обломки сопла. Канавка служила для установки сопла с мехами для подачи воздуха.

С восточной стороны к горну примыкала яма, служившая для спуска металла и шлака. Яма овальной формы размерами восток—запад 1,4 м, север—юг 1,2 м и глубиной от уровня материка 0,9 м. В ней обнаружено большое число кусков шлака и мелкие куски угля. Сохранность сыродутного горна, разрушенного при изъятии крицы и более не восстановленного, очень плоха и не дает оснований для его реконструкции.

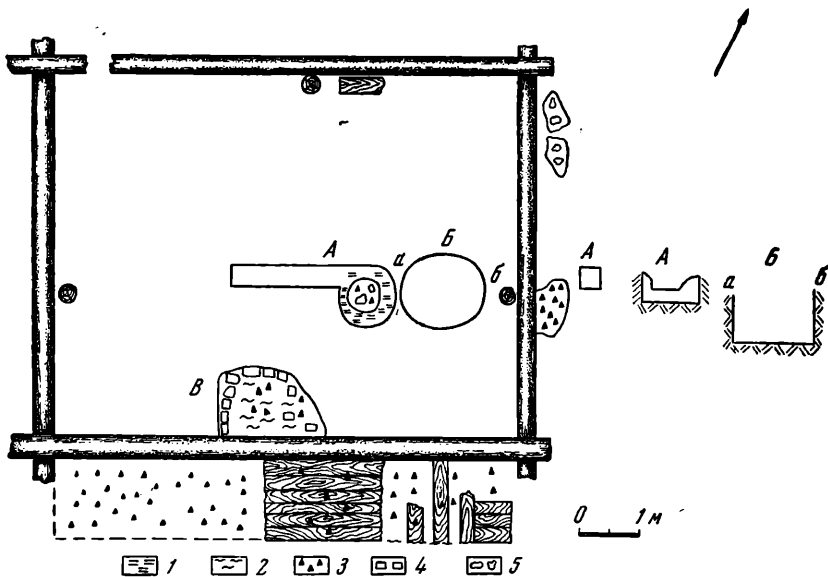

Рис. 39. План домницы на поселении Сават-Ту

А — сыродутный горн; Б — предгорновая яма; В — кузнечный горн. 1 — обожженная глина; 2 — зола; 3 — уголь; 4 — обломки кирпича; 5 — шлак

К югу от этого горна на расстоянии 1 м находился кузнечный горн, дошедший до нас в весьма разрушенном состоянии. Развал представляет груды обломков большемерного кирпича, золы, древесного угля, шлака и кусков железа. Основание горна сложено из песчаника. При разборке его развала обнаружены куски железа, заготовки для изготовления ножа, долота, обломки зубил и гвозди. Сыродутный горн с предгорновой ямой и кузнечным горном были расположены внутри сруба размером $6 \times 7,8$ м, от которого сохранились только один нижний венец, рубленный в обло (со следами глиняной обмазки). Бревна диаметром 0,3—0,35 м.

Судя по остаткам, домница относилась к типу, широко распространенному в Восточной Европе в XIII—XV вв.¹ Состояние домницы позволяет предполагать ее нарочитое разрушение. Работала она на болотной руде, сохранившей промышленное значение вплоть до XVIII в.² Болотная руда широко распространена в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы, включающих территорию Чувашии.

Близ поселения Сават-Ту в старице реки образовалось болото. В отдельных местах его видны скопления ржавой воды, являющейся характерной спутницей болотной руды.

Для варки железа требовалось большое количество древесного угля. Его запасы были обнаружены в помещении, примыкающем к домнице с юга. Уголь был насыпан на деревянный настил, прослеженный в виде тлена, а сверху имелся навес, который не сохранился.

По расчетам Б. А. Рыбакова³, домница XVII—XIX вв. в одну загрузку давала крицу в 12—16 кг, а за сутки около 70—100 кг. Годовая производительность такой домницы составляла несколько тонн железа.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 545, 546.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 545.

Визуальное обследование селища Сават-Ту позволяет предполагать, что там одновременно функционировало несколько подобных домниц, которые могли выпускать в год десятки тонн товарного железа.

Раскопки дали значительное число орудий труда кузнеца и железных изделий, свидетельствующих о большом размахе кузнечного производства. Оно представлено широким ассортиментом изделий, в том числе ножами, цепями, скобами, цилиндрическими замками, подковами, зубилами, пробойниками.

Открытый памятник являлся значительным ремесленным поселком, в котором жили и работали доменщики и кузнецы. Продукция шла на рынок, и население поселка в основном занималось ремеслом, в значительной мере порвав с сельским хозяйством, как это наблюдалось в центральных областях России.

Комплекс вещественных остатков позволяет датировать памятник второй половиной XVII—первой половиной XVIII в. Эту датировку подтверждают монета конца XVII в. (найдена в нижних горизонтах культурного слоя) и две монеты чеканки 1732 и 1739 гг. (в верхних горизонтах).

В керамическом материале преобладают обломки сосудов гончарного производства серого цвета (до 90%), широко бытовавших в XVII—XVIII вв. Они изготовлены из хорошо промешанной серой глины с примесью мелкозернистого песка, формованы на ножном круге, венчики в большинстве случаев отогнуты наружу. Поверхность сосудов покрыта вертикальным и наклонным лощением, в отдельных случаях мелкой и крупной сеткой.

Сосуды орнаментированы волнистыми линиями. Встречаются фрагменты с гребенчатым штампом. Ручки сосудов в большинстве случаев хорошо оформлены, плавно согнуты, в сечении — овальной формы. В раскопах найдены глиняные изразцы XVII—XVIII вв., из которых отдельные экземпляры покрыты полихромной раскраской.

Открытая при раскопках домница по своей конструкции относится к типам, которые начали распространяться в XVII в.

Существование ремесленного производства по обработке металла в глухих местах Центральной Чувашии в XVII—XVIII вв. вызывает, на первый взгляд, недоумение, поскольку царское правительство запрещало народам Среднего Поволжья заниматься производством железных изделий. Как отмечает В. Д. Дмитриев, до конца XVIII в. у чувашей (да и у ряда других нерусских народностей Среднего Поволжья) совершенно не было ремесленников по обработке металлов. Однако нельзя считать, что металлообработка совершенно не была известна чувашам. До XVII в. среди чувашей были кузнецы-серебряники и другие специалисты по обработке металла. Но эти ремесла начали исчезать в среде чувашей, марийцев и других народов Поволжья в результате царского указа, появившегося в конце 20—начале 30-х годов XVIII в.⁴ и подтвержденного наказами воеводам средневожских уездов (из Приказа Казанского дворца)⁵. Этот запрет чувашам, мари и удмуртам заниматься кузнечным и серебряным делом был официально отменен только на рубеже XVIII—XIX вв.⁶

Однако, как показывают материалы раскопок Сават-Ту, официальные распоряжения царских властей игнорировались или обходились. Местное население, испытывая нужду в железных орудиях, вынуждено было зани-

⁴ «Наказ государя, царя Михаила Федоровича, данный на управление г. Кокшайском с уездом, чувашским и черемисскими волостями». Кострома, 1913, стр. 13.

⁵ В. Д. Дмитриев. История Чувашии XVIII в., стр. 205.

⁶ Там же.

маться добычей болотных руд, варкой железа в примитивных домницах и производством металлических изделий в кузницах.

Домницы и кузницы, по-видимому, возникали в то время во многих местах Среднего Поволжья. В 1969 г. в ходе археологической разведки близ дер. Шинеры (Вурнарского района) открыто еще одно поселение с остатками кузнечного производства. Оно занимало площадь около 200×300 м и было расположено на склоне холма на берегу р. Большая Цивиль. Подъемный материал, собранный здесь, состоит из обломков серой гончарной посуды, распространенной в Чувашии в XVII—XVIII вв., и многочисленных кусков шлака и криц. Памятник датируется рубежом XVII—XVIII вв.

III. ХРОНИКА

Т. И. МАКАРОВА

РАБОТА СЕКТОРА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ИА АН СССР В 1969—1970 ГГ.

За истекший период работа сектора славяно-русской археологии отмечена выходом в свет значительного числа новых трудов, постановкой новых тем, серьезными успехами полевых исследований.

Одно из ведущих направлений работы нашего сектора — этногенез восточных славян. В 1970 г. вышла из печати книга В. В. Седова «Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья», представлена в сектор рукопись того же автора «Восточные славяне в древности». Закончена работа И. П. Русановой «Раннеславянские памятники Припятского полесья». Завершена в 1969 г. и сдана в печать работа А. К. Амброза «Раннесредневековая хронология Восточной Европы». Различные этногенетические вопросы рассмотрены в статьях А. К. Амброза, Л. А. Голубевой, А. В. Кузы, И. П. Русановой, Г. Ф. Соловьевой, помещенных в сборнике «Древние славяне и их соседи» (посвященном 60-летию П. Н. Третьякова). В. В. Седов опубликовал две статьи «Еще раз о происхождении белорусов» (СЭ, 1969, № 1) и «Культура Днепро-Двинского междуречья (СА, 1969, № 2). В Киеве вышла в 1969 г. статья И. П. Русановой «Изучение раннеславянских памятников». В Таллине в сборнике памяти Х. А. Моора В. В. Седов опубликовал статью, посвященную городищам Себежского поозерья.

Другое важное направление работ сектора — генезис и история феодализма на Руси и у кочевников Восточной Европы. В отчетный период завершена работа над двумя многолетними исследованиями — «Весь и славяне на Белоозере» (Л. А. Голубева) и «Древнерусские поселения бассейна верхней Оки X—XIII вв.» (Т. Н. Никольская), которая выйдет в серии САИ. В 1970 г. защищена в качестве кандидатской диссертации рукопись А. В. Кузы «Рыбный промысел древней Руси».

В периодических изданиях Института опубликовано значительное количество работ сотрудников нашего сектора, занятых разработкой различных сторон жизни Руси эпохи феодализма. В 120 вып. КСИА опубликованы три статьи (В. В. Седова, М. В. Седовой, С. С. Ширинского), посвященные публикациям раскопок славянских курганов. Ряд статей напечатано в журнале «Советская археология» (Л. А. Голубева, А. А. Мединцева, Р. Л. Розенфельдт, В. В. Седов).

Несколько интересных статей помещено в сборнике, посвященном 60-летию П. Н. Третьякова. Б. А. Рыбаков проанализировал сведения Нестора о погребальных обрядах славян и сопоставил их с археологическими материалами; Т. Н. Никольская исследует домостроительство населения бассейна верхней Оки; В. В. Седов — курганные могильники кри-

вичей Себежского поозерья; С. С. Ширинский — дружинные погребения IX—X вв. в районе Смоленска. Сложению образа змея в русской сказке посвящена статья С. А. Плетневой.

Особо следует отметить выход в 1970 г. сборника статей «Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма». В нем приняли участие Б. А. Рыбаков, А. В. Куза, К. А. Смирнов и С. С. Ширинский.

Наконец, третье важное направление исследовательской работы сектора — искусство и культура Руси до XVI в. отмечено выходом в свет альбома Г. К. Вагнера «Дмитровский собор» (1969 г.) и книги Т. В. Николаевой «Собрание древнерусского искусства в Загорском музее» (1970 г.). Закончены работы Г. К. Вагнера «Белокаменная резьба древнего Суздаля» (1969 г.), «Рельефы Киева и Чернигова» (1969 г.). Сданы в печать в 1970 г. книга Г. К. Вагнера «Проблема жанров в древнерусском искусстве» и научно-популярная книга В. П. Даркевича «Пути средневековых мастеров». В книге «Древние славяне и их соседи» В. П. Даркевич ввел в научный оборот новые находки романских бронзовых чаш.

В 1969 г. закончена и сдана в печать монография А. Л. Монгайта «Археология Западной Европы», где рассмотрены успехи западноевропейской археологии с древнейших времен до эпохи сложения государств.

По заявке журнала «Bibliotheca classica orientalis» (ГДР) А. К. Амброзом сделан реферат его книги «Фибулы юга европейской части СССР».

Серьезное место занимает в работе сектора рецензирование. За последние два года опубликовано 10 рецензий. Это — рецензия В. В. Седова на работу Л. Д. Поболя и А. Г. Митрофанова, напечатанная в VI томе «Acta Baltico-Slavica», рецензия того же автора совместно с Л. Н. Терентьевой, посвященная двум сборникам, вышедшим в Таллине и Риге (СЭ, № 5). Три рецензии В. В. Седова вышли в 1970 г. Они посвящены критическому разбору книг О. Н. Мельниковской «Племена южной Белоруссии в раннем железном веке» (СА, № 2), Я. Я. Граудониса «Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа» (СА, № 3) и вышедшей в Берлине книги Якоба Озолса о прибалтийской культуре каменных ящиков (СА, № 4). В 1970 г. в СА, № 3 помещена рецензия С. А. Плетневой «По поводу статьи Л. Н. Гумилева и И. Эрдели «Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века». Она вводит нас в курс интересной полемики, касающейся социальных и экономических процессов в истории кочевников Евразии. Дискуссия продолжена в журнале «Народы Азии и Африки» (№ 3, 1970 г.) в совместной статье М. И. Артамонова и С. А. Плетневой. Рецензия Г. К. Вагнера (СА, 1970, № 3) знакомит нас с новым исследованием профессора Иенского Университета Фридриха Мёбиуса по средневековой архитектуре.

Надо отметить также реферат книги Р. Хахманна, Г. Коссака и Х. Куна («Völker zwischen Germansen and Kelten»), сделанный А. К. Амброзом (СА, 1969, № 4). Желательно, чтобы эта форма информации — реферирование выходящих за рубежом работ, интересных широкому кругу археологов, — была бы продолжена.

Последние два года ознаменованы значительными успехами полевой археологии. В 1969 г. Г. Ф. Соловьевой открыто новое славянское языческое святилище на земле летописных радимичей. Интересные погребальные памятники ранних славян открыты на Волини И. П. Русановой. С. А. Плетнева продолжает исследование салтовского Дмитровского могильника, где обнаружены пеньковские погребения и селище. В. В. Седов окончил разведки по р. Великой и выделил микрорайон для сплошного обследования археологических памятников. В 1969 г. Т. Н. Никольской исследовались оборонительные сооружения Серенска. В 1970 г. отряд ее экспедиции (начальник И. К. Фролов) продолжал раскопки селища II—III вв. н. э. у дер. Железное Орловской области.

Л. А. Алексеев исследовал древнерусский город Ростиславль (современный Рославль). А. Л. Монгайт продолжает раскопки Старой Рязани. Им закончено исследование большого боярского дома, открыта мастерская по выплавке железа, найден клад ювелирных изделий. Успешно продолжаются раскопки Шатринского могильника. А. В. Никитиным исследовался славянский курганный могильник XI—XII вв. в районе Череповца, давший богатый материал для истории славянской колонизации Севера.

А. Ф. Медведев продолжает успешные раскопки Старой Руссы. В 1970 г. в древнейшей части города открыт слой с многочисленными находками XII—XIV вв., найдены берестяные грамоты. М. В. Седовой в 1970 г. завершены девятилетние раскопки Пирова городища (древний город Ярополч Залесский).

Т. И. Макарова в 1970 г. в связи с реставрационными работами провела раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи. Время постройки церкви определено X в. В Новгороде (А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) продолжалось исследование Готского двора. Найдена шведская грамота, написанная по латыни готическим курсивом XV в. На раскопе на Славянском конце открыты слои XI в. За 2 года найдено 40 грамот.

Б. А. Рыбаков в 1969 г. в Белгородке открыл хозяйственные постройки боярской усадьбы, а в 1970 г. в г. Александрове исследовались фундаменты дворца Ивана Грозного.

Сотрудники сектора приняли участие в работе Отчетной археолого-этнографической сессии во Львове (доклады М. Д. Полубояриновой, Р. Л. Розенфельдта, К. А. Смирнова, Т. И. Макаровой). С докладами на конференции ИА АН УССР в Ужгороде выступили Г. Ф. Соловьева и И. П. Русанова, В. В. Седов.

На сессии по древнерусскому искусству в музеях Московского Кремля принимал участие Г. К. Вагнер, на чтениях памяти М. Н. Тихомирова — Т. В. Николаева (О сборе древнерусских рукописей).

Во II Международном Конгрессе археологов-славистов в Берлине приняли участие Л. А. Голубева, В. В. Седов и М. В. Седова. В. В. Седов прочитал доклад «Славяне и племена юго-восточного региона Балтийского моря», Л. А. Голубева — «Весь и славяне на Белоозере».

В заграничных командировках побывали три члена сектора: И. П. Русанова (Польша), Г. Ф. Соловьева (Польша) и В. В. Седов (Чехословакия).

За отчетный период было проведено больше 30 заседаний сектора славяно-русской археологии. Ряд заседаний был посвящен отчетам о полевых сезонах 1969 и 1970 гг. На секторах были прочитаны доклады Г. К. Вагнера, И. П. Русановой, Д. А. Беленькой, А. К. Амброза, Т. Н. Никольской и др. Были заслушаны также доклады археологов из Ленинграда (А. Н. Кирпичникова — ЛОИА, Е. А. Рябинина — ЛГУ), археологов и искусствоведов. С. Изюмовой и В. М. Василенко (МГУ), Н. С. Шелепиной (Музей Кремля), Л. А. Лелекова.

Наконец, важным событием в жизни сектора явилось пополнение его состава в 1969 г. В состав сектора вошли: Г. А. Авдусина, Д. А. Беленькая, А. В. Куза, Т. В. Равдина, М. А. Сабурова, К. А. Смирнов, М. Д. Полубояринова. Их приход, естественно, расширит круг тем, разрабатываемых сектором в целом.

В. А. НАЗАРЕНКО

ГРУППА СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА
В 1969 И 1970 ГГ.

В 1969 и 1970 гг. сотрудники группы продолжали работать над двумя основными проблемами: 1) этногенез восточных славян и их соседей и 2) история культуры древнерусского города.

П. Н. Третьяков продолжал начатое в 1968 г. исследование древностей Подесенья середины и третьей четверти I тысячелетия н. э. Е. А. Горюнов в 1970 г. приступил к сбору материалов по теме «Днепровское лесостепное и лесное левобережье в середине и третьей четверти I тысячелетия н. э.». Г. Ф. Корзухина продолжала работу над темой «Старая Ладога. Слои Е». В. А. Назаренко собирал материалы к археологической карте погребальных памятников Старой Ладоги и ее окрестностей. В 1969 г. обсуждена и рекомендована к печати рукопись Г. Ф. Корзухиной «Ранне-средневековые древности Среднего Поднепровья».

Основная часть группы работала над темами по второй проблеме. М. К. Каргер готовил к публикации материалы, полученные в итоге раскопок древнего Изяславля. Им сделан также доклад о новых архитектурно-археологических исследованиях церкви Благовещения на Городище близ Новгорода. П. А. Раппопорт в 1969 г. закончил исследование по истории древнерусского жилища лесостепной зоны VI—XIII вв. Рукопись рекомендована группой к печати. После этого П. А. Раппопорт приступил к разработке новой темы «Древнерусское жилище лесной зоны». Ф. Д. Гуревич закончила исследование «Древнерусские города Принеманья». Ее работа «Древний Новогрудок (посад — околный город)» рекомендована группой к печати. А. Н. Кирпичниковым в 1969 г. начата работа над темой «Русское оружие XIV—XV вв.» Одновременно в 1970 г. этот исследователь занимался изучением древнего Орешка, им представлена рукопись «Древний Орешек в XIII—XV вв.» М. В. Малевская работала над темой «Керамика Черной Руси X—XIII вв.» О. В. Овсянников приступил к сбору материалов по теме «Мангазея — русский город XVII в. в Сибири».

На заседаниях группы обсуждались спорные проблемы славяно-русской археологии. Интересную дискуссию вызвал доклад П. Н. Третьякова «О происхождении роменско-боршевской культуры». Сотрудники группы принимали участие в Пленумах ЛОИА и ИА, выступали с докладами на конференциях в Киеве, Львове и Ужгороде. П. Н. Третьяков и Г. Ф. Корзухина сделали доклады по основным проблемам славяно-русской археологии на Ученом совете ЛОИА. На юбилейной сессии Института археологии М. К. Каргер прочитал доклад «Становление советской археологии», П. Н. Третьяков — доклад «Вопросы и факты археологии восточных славян».

На заседаниях группы заслушаны доклады сотрудников других учреждений: Ж. Н. Выжарова (Болгария) «О раскопках славянских памятников в Болгарии в 1968—1969 гг.»; С. Н. Орлов (Новгород) «Древние памятники на территории Ленинградской и Новгородской областей, исследованные отрядом Ленинградской экспедиции»; В. А. Булкин (ЛГУ) «О нижней дате Гнездовского могильника»; Г. С. Лебедев (ЛГУ) «К постановке вопроса о характере некоторых торгово-ремесленных центров Северной и Восточной Европы»; Р. С. Миносян (Государственный Эрмитаж) «Результаты работ славянского отряда Невельской экспедиции».

В 1970 г. на заседании группы обсуждена и утверждена рукопись кандидатской диссертации аспиранта М. Б. Шукина, а также утверждена к печати работа покойного Ю. П. Спегальского «Жилища северо-западной Руси IX—XIII вв.»

Сотрудниками группы проведены широкие полевые исследования. Новгородская архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА и ЛГУ (М. К. Каргер) производила раскопки в Новгороде (Никольский собор на Ярославом дворе, церковь Андрея Стратилата, церковь Спаса на Ильине) и его ближайших окрестностях (храм Благовещенья на Рюриковом городище). Осенью 1970 г. произведены разведочные раскопки в Никольском монастыре в Старой Ладоге.

Деснинская экспедиция (П. Н. Третьяков) производила разведки и раскопки поселений I тысячелетия н. э. в поречье Десны в районе Новгорода Северского (Лавриков лес, Заярье, Киреевка и Стрелица). Открыты два грунтовых могильника с трупосожжениями того же времени (Стрелица, Киреевка). Отряд экспедиции (Е. А. Горюнов) обследовал правый берег р. Снов. Обнаружено несколько поселений I тысячелетия н. э. На одном из них, около Макишина, произведены небольшие раскопки.

Отряд по изучению жилищ (П. А. Раппопорт) в 1969 г. работал на городище у с. Осовик в Брянской области, а в 1970 г. в составе Старорязанской экспедиции (городище в Старой Рязани и Новый Ольговый Городок).

Новгородская экспедиция (Ф. Д. Гуревич) продолжала изучение дегтинца древнего Новгорода, а под руководством К. В. Павловой — курганных могильников в окрестностях Новгорода.

Ленинградская экспедиция (М. К. Каргер) работала в Орешке (А. Н. Кирпичников) и в Копорье (О. В. Овсянников). Мангазейская комплексная историко-географическая экспедиция ААНИИ при участии ЛОИА (О. В. Овсянников) продолжила исследование кремля и посада в Мангазее.

ЛОИА и Архангельский областной краеведческий музей в 1970 г. (О. В. Овсянников) предприняли обследование и разведочные раскопки средневековых памятников на территории Архангельской области (городище древнего Пустозерска, Сурское, Орлецкое и Ваймужское городище, а также место Кеврольского острога XVII в.). Совместно с кафедрой археологии ЛГУ проводились разведки и раскопки в Южном Приладожье (В. А. Назаренко).

Вышли из печати монографии сотрудников группы: М. К. Каргер «Новгород. Художественные памятники XI—XVII вв.» (3-е издание, 1970 г.); П. Н. Третьяков. «У истоков древнерусской народности» (1970 г.); П. А. Раппопорт. «Древнерусская архитектура» (1970); О. В. Овсянников. «Люди и города средневекового Севера» (1970 г.).

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

О РАБОТЕ ГРУППЫ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В ноябре 1968 г. в Институте археологии АН СССР организована Группа по изучению истории земледелия. Члены группы разрабатывают важнейшие проблемы палеоэтноботаники, истории развития земледельческих орудий, а также общие вопросы истории земледелия. В заседаниях группы принимают участие сотрудники академических институтов археологии и географии, а также Московского Государственного Университета — археологи, историки, этнографы, почвоведы. В течение двух лет Группой было заслушано и обсуждено несколько докладов. Так, Ю. А. Краснов прочитал два доклада и сделал одно сообщение. В его докладе «Рала симферопольской стелы» показано родство значительной части древнейших рал Европы с древними центральноазиатскими ралами, что связывается докладчиком с давними культурно-историческими влияниями. Второй доклад назывался «К вопросу о плуге у племен черняховской культуры» и посвящен полемике с исследователями, модернизирующими черняховскую агротехнику. Одновременно докладчик показал шаткость аргументов, которыми доказывается довольно распространенный тезис о том, что плуг, оборачивающее пахотное орудие для асимметричной пахоты, появляется еще в римское время. В сообщении того же автора «Об археологической терминологии по истории земледелия» подчеркивалась необходимость правильно и точно использовать термины по истории земледелия, а также унифицировать эту терминологию.

Г. Н. Лисицына в докладе «Культурные растения юга Средней Азии и Ближнего Востока в VII—V тысячелетиях до н. э.» показала, что в связи с выделением двух хозяйственных зон в период становления производящей экономики выявляются и две экологические зоны доместикации зерновых культур, в частности ячменя — одного из важнейших злаков древности. Другой ее доклад — «О полевых работах Западно-Туркменского отряда по изучению истории земледелия в 1969 г.» содержал данные об оросительных системах Западной Туркмении, начиная с эпохи бронзы и кончая средневековьем.

В докладе Н. А. Кирьяновой «Материалы по истории земледелия Древней Руси», основанном главным образом на зерновых материалах лаборатории Института археологии АН СССР, подчеркивалось единство древнерусской земледельческой культуры. Важнейшим поворотом в истории древнерусского земледелия Н. А. Кирьянова считает введение трехполья, которое устанавливается ею по наличию в зерновом материале сорняков, сопутствующих озимой ржи. Было высказано пожелание картографировать все палеоботанические находки.

В сообщении Л. В. Прищепенко «О методе палеокарпологии» указывалось на большое значение этого метода, значительно расширяющего круг источников по истории культурных и диких растений.

Попытка разрешить старый спор — происходит ли русская соха от бороны-суковатки (точка зрения П. Н. Третьякова) или от рала (точка зрения Д. К. Зеленина) — предпринята в докладе А. В. Чернецова «О происхождении и раннем развитии русской сохи». Склоняясь к точке зрения Д. К. Зеленина, докладчик подробно изложил все аргументы, а также предложил гипотетическую типологическую таблицу, связывающую русскую соху с древнейшими ралами Европы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВЭИНП	— Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ДАИ	— Дополнения к актам историческим
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРАО	— Известия Российского Археологического общества
ИТУАК	— Известия Таврической Ученой Архивной комиссии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ	— Ленинградский Государственный Университет
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии
МАВГР	— Материалы по археологии восточных губерний России
МАР	— Материалы по археологии России
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НИИЯЛИЭ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
Працы	— Труды
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РИБ	— Русская Историческая библиотека
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ЦГАДА	— Центральный Государственный архив древних актов
WA	— Wiadomości archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и доклады

Т. Н. Никольская. О летописных городах в Земле вятичей	3
М. В. Малевская. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. (по материалам керамики)	14
П. А. Раппопорт. О местоположении смоленского города Заруба	21
Г. Ф. Корзухина. Русские клады в зарубежных собраниях	24
Ф. Д. Гуревич. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным	31
О. В. Овсянников. Из истории русского оборонного зодчества XVII в.	37

II. Полевые исследования

Е. А. Горюнов. Селище Целиков Бугор на Средней Десне	42
К. И. Комаров. Находка раннеславянской керамики на Верхнем Дону	47
Г. Ф. Соловьева. Славянские курганы близ г. Рогачева Гомельской области	50
В. В. Седов. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье	54
Э. М. Сергеева. Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР)	61
С. В. Ошибкина. Могильник, Пески в Вологодской области	65
М. В. Седова. Ювелирные изделия из Ярополча Залесского	70
К. В. Павлова. Хозяйственные постройки XII—XIII вв. на детинце древнего Новогрудка	77
В. И. Кильдюшевский. Постройки XV в. из раскопок Орешка	84
М. Д. Полубояринова. Русская керамика с Водянского городища	90
Е. Г. Суров. Раскопки дворца XV в. на плато Мангупа в Крыму	96
В. М. Зубарева, Ю. А. Краснов. Средневековый чувашский могильник у дер. Новое Ядрино	100
В. Ф. Каховский, А. П. Смирнов. Ремесленный поселок Сават-Ту в Центральной Чувашии	106

III. Хроника

Т. И. Макарова. Работа Сектора славяно-русской археологии ИА АН СССР в 1969 и 1970 гг.	110
В. А. Назаренко. Группа славяно-русской археологии ЛОИА в 1969 и 1970 гг.	113
А. В. Чернецов. О работе группы по изучению истории земледелия	115
Список сокращений	117

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

КСИА, вып. 129

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства *Г. В. Моисеенко*
Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Т. А. Прусакова*

Сдано в набор 21/VII 1971 г. Подписано к печати 9/XI
1971 г. Формат 70×108^{1/16}. Усл. печ. л. 10,27. Бум. № 1.
Уч.-изд. л. 8,9 Тираж 1800. Тип. вак. 501. Т-17263
Цена 56 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подосенский пер., 21

1-я типография из-ва «Наука». Ленинград 199034, 9 лин., дом 12